

КОЛДОВСКИЕ МИРЫ

МАРИНА
ЕФИМИНЮК

НЕ ЗЛИТЕ
ДОБРУЮ КОЛДУНЬЮ!

Annotation

Громко хлопнув дверью, я покинула родовой замок и три года чудесно жила в провинциальном Круэле. Варила зелья, приносила пользу горожанам. Недорого, практически задаром. Но в заброшенный дом по соседству переехал ведьмак и тут же попытался отхватить кусок моего огорода. И как светлой чародейке мириться с возмутительным вероломством? Совершенно невозможно! Правда, эпичную битву добра со злом пришлось чуток отложить, ведь с нами случилось неожиданное недоразумение... Настолько нелепое, что я сама в полном шоке!

История для всех поклонников романов «Светлым магам вход воспрещен» и «Лучшие враги». Знакомый комфортный мир светлых и темных магов убедит вас в том, что в нем еще остались неизведанные уголки.

Фирменный авторский юмор в неограниченном количестве. Лекарство от уныния и заряд позитива!

Светлая колдунья с тяжелым характером, ученик-неумеха, мрачный верховный ведьмак, темная прислужница – и все под одной крышей. Скучно не будет никому: ни читателям, ни жителям колдовского дома. Последним особенно.

Подробная инструкция по содержанию табуретопсов и воскрешенных умертвий. Подсказка: они неприхотливые, но вместе их лучше не селить.

А еще это книга о семейных ценностях. О том, что семья – это не только родные по крови люди, но и те, кто не осудят и поддержат в трудную минуту. И пусть весь мир завидует вашему собственному магическому ордену!

- [Марина Ефиминюк](#)

-

- [Пролог](#)

- [Глава 1](#)

- [Глава 2](#)

- [Глава 3](#)

- [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Драконы и их чародеи](#)
-

Марина Ефиминюк

Не злите добрую колдунью!

© Ефиминюк М.В., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Пролог

*«Приходит чародей к храмовнику и слезно жалуется на жизнь:
– Святой брат, жизнь – боль! Ученики – бездари, нечисть отбилась от рук, жена пилит и пилит! Что делать, святой брат?»*

– Чародей, заведи дракона, – приказывает тот.

Приходит чародей к храмовнику через месяц.

– Святой брат, сил моих нет! Ученики – бездари, нечисть отбилась от рук, жена пилит и пилит! Еще этот поганый дракон в доме! Жрет, стит и нападает на соседей. Он скоро меня разорит! Что делать, святой брат?»

– Чародей, убери дракона!

Возвращается чародей к храмовнику еще через месяц и светится от счастья:

– Святой брат, ученики – бездари, нечисть отбилась от рук, жена пилит... Но дракона-то больше нет!»

Анекдот от светлой чародейки Агаты Истван.

Июльская ночь шла своим чередом, и ничто не предвещало жизненных потрясений. На очаге булькало зелье. Через край котелка на дощатый пол стекал густой розоватый дым и тянулся в сторону раскрытой кухонной двери. Он стелился между кустами и грядками выхоленного огорода, отчего казалось, будто мой кукольный домик и участок затопил кровавый туман. Жутковатое зрелище, буду честной. Да и запах стоял соответственный, как в покойницкой.

Цветастый табурет Йося, одержимый духом песика, запахов не чувствовал, но на всякий случай спрятался в чулан под лестницей. Призрак прежней хозяйки дома Петуньи, полноправно владеющий посудным шкафом, категорично заблокировал дверцы. Я сбежать не могла, хотя хотела бы, желательно в сторону кровати. Но демонское зелье красоты мало что смердело, так еще и требовало внимания. Приходилось по-простому спасаться от зловония у раскрытого окна. На улице пахло чуть лучше, чем в кухне.

На другой стороне участка высилась мрачная махина соседского дома. Брошенный хозяевами много лет назад, он ветшал от времени,

зарастал густым плющом и гнусно портил дивный сельский пейзаж. Особенно по утрам, когда спросонья хотелось красоты и простора, а не полинялого уродства с заколоченной дверью и покосившейся, засыпанной прошлогодней листвой верандой.

Я широко зевнула в ладонь... да так и замерла с приоткрытым ртом. В окне второго этажа в заброшенном доме вспыхнул свет. Мелькнула чья-то тень.

На секунду показалось, что от ядреных паров у меня начались причудливые видения. Отвисшую челюсть я все-таки подобрала и даже глаза потерла, чтобы четче разглядеть неожиданное явление. Свет, нахально разрезающий густую сельскую темноту, действительно горел.

Никакой ошибки. У меня появились соседи!

Глава 1

Всерьез и надолго

Посередине огорода тянулась стена из крепко переплетенных сухих сучьев. Плотная, высокая, в человеческий рост. Колючая. Появление этого монструозного заграждения, скрывающего от глаз вторую половину участка, по которой вчера по-хозяйски прохаживался мой новый сосед, несколько обескураживало. Когда я засыпала, забора еще и в помине не было.

Скажу больше: утром он тоже не наблюдался. Но стоило отлучиться в погреб, чтобы проверить созревающее зелье, как безобразная стена уже отбрасывала густую тень на цветущий белый олеандр и скрывала от взгляда мою драгоценную красную бузину!

Кончиком пальца, вспыхнувшего голубоватым магическим свечением, я прикоснулась к ощеренному длинными шипами пруту. Конструкция, как живая, пришла в движение и мигом подросла в высоту еще на ладонь.

– Чудесно, – отряхнув руки, процедила я сквозь зубы, хотя чудесного ничего вообще не находилось, с какой стороны ни посмотри.

У кого-то заводились мыши, а у меня по соседству завелся ведьмак!

Впрочем, совершенно забыла: королевский указ требует строгого политета между магами, даже если мысленно рассуждаешь о поехавшем кровлей некроманте. Ведьмаков теперь следует величать исключительно «темными чародеями».

Чародеями! Демоны дери.

Ведьмак – он и в тихом Круэле ведьмак. Не успел появиться, сразу принялся наводить свои порядки в моем огороде, как и принято у этих паразит... поразительных людей!

– Что ж, буду считать это приглашением к знакомству.

Наверное, следовало эффектно разобрать шипастую стену на прутики и пройти напрямик, но кто городил, тот пусть образину и убирает. Желательно очень аккуратно, чтобы ни одна травинка больше

не пострадала. Иначе расстроюсь и начну добро не приносить, а причинять.

С мрачным видом я зашагала между грядками. Из раскрытой кухонной двери, завидев меня, навстречу бросился восторженный табуретопес Йося. Кусок красного канта, заменявший ему хвост, мелькал туда-сюда, как маятник. Резные ножки бодро цокали по каменным плиткам.

Раньше ножки у него не гнулись, как у любой нормальной мебели. Призрачный пес с грохотом переваливался и скакал, пока не ускакал за мной в овраг и не переломался. Я его починила, как умела: с помощью заковыристых светлых чар и бранных слов. Но с тех пор он стал раздражающе проворным.

– Йося, охранять! – цыкнула беспокойному созданию.

Тонко прочувствовав, что хозяйка сильно не в духе, он неуклюже развернулся и бодренько потрусил в дом.

Понимаю, что светлой чародейке из знаменитого ковена Истванов не к лицу жить с шумной нечистью – отец схватился бы за сердце, – но без Йоси внутри табурет мигом рассыплется, а он мне дорог как символ свободы.

Я направилась к кованой калитке, оплетенной цветущими розами. По пыльной сельской дороге, тянущейся вдоль заросшего густым плющом забора, дошагала до соседского дома и ступила в чужие владения, хотя еще пару дней назад считала их практически своими.

На полу старой веранды по-прежнему валялись прошлогодняя листва и потемневший от пыли тополиный пух. От каждого шага доски прогибались и словно заходились в нервной дрожи. Обшарпанная входная дверь, прежде намертво заколоченная крест-накрест, оказалась раскрытой настежь. Посреди холла с темной лестницей и ободранными стенами зияла проломленная дыра.

С усмешкой я посмотрела на порог. Он считался красной линией, разделом между светом и тенью, который не следовало переступать. По крайней мере, без разрешения хозяина.

Ведьмаков я, конечно, не жаловала, и уродливый забор посреди огорода бесил неимоверно, но кое-какие представления о хороших манерах имела. Пусть они мне и претили. Закон о политесе – чтобы его демоны разодрали! – никто не отменял.

– Кто есть? – позвала громко, но дом отозвался печальным молчанием. – Эй, сосед, к тебе гости пришли!

За спиной раздалось сдержанное покашливание. Я обернулась. Ведьмак незаметно появился откуда его не ждали. В смысле, демон знает из какой дыры, но точно не из той, что украшала холл. Некоторое время мы молчали и разглядывали друг друга.

У него было хмурое, но выразительное лицо. Рыжевато-каштановые волосы торчали в беспорядке. Челюсть покрывала трехдневная щетина. Светло-карие глаза смотрели тяжело и пристально. Развязанный ворот измусоленной рубахи открывал три зарубцевавшихся шрама, похожих на следы от звериных когтей. В руке он держал топор...

Не то чтобы наличие топора меня беспокоило, но некоторую напряженность в обстановку вносило.

– Приветствую темного в Круэле, – проговорила я ритуальную фразу, как и велел королевский указ (да-да, правила общения в нем тоже прописаны). – Надолго ли в наших краях?

– Приехал в родовое гнездо, – кивнул он в сторону дряхлого дома, четко обозначив, что не считает себя временным гостем.

– Значит, всерьез и надолго, – нарочито пробормотала я себе под нос.

Хоть бы одна сволочь из целого бестиария любимых родственников тонко намекнула, что раньше в Круэле жили темные! Я-то гадала, когда с гордым видом покидала родной замок Истван, почему никто не плюнул мне в спину. Оказывается, плюнули и, поди, гаденько радовались.

– Давно здесь поселились светлые? – пристраивая топор к лестнице, искоса глянул сосед. Голос у него был замечательный, мягкий, вкрадчивый. Даже жалко, что такой достался именно ведьмаку.

– Темные отсюда уехали раньше, – спокойно парировала я, спускаясь по скрипящим ступенькам. – А ты, сосед, значит, решил вернуться на историческую родину?

Он выпрямился во весь рост. Пришлось поднять голову, но я не принципиальная и не испытываю комплексов. Источать высокомерие несложно, глядя снизу вверх.

– Так и есть, по родным краям заскучал, – невозмутимо согласился он. – Как поживается светлым на наших землях?

– Прекрасно поживалось, но появился ты и начал тишком наводить свои порядки в моем огороде, – не отказалась я от обмена любезностями.

Не хочет утруждаться манерами – бога ради. Или кому там молятся темные? Они вообще кому-нибудь молятся?

На его лице расцвела нахальная белозубая улыбка.

– В твой огород я не лез. – Ведьмак неопределенно кивнул, видимо, имея в виду педантично поделенный на части участок. – Шагу не ступил.

– А уродливую стену утром гномики построили? – фыркнула я, складывая руки на груди.

– Забор я поставил во избежание недоразумений.

– Каких еще недоразумений? – сощурилась я, не веря, что по-прежнему разговариваю вежливо, хотя уже хотелось скрипеть зубами. – Поверь на слово, я на веревках в огороде исподнее не сушу.

– Не хочу случайно забрести на твою половину, – издеваясь, пояснил он. – Давай жить в мире и согласии, огородная фея, а не как у нас принято.

Огородная фея?! Нет, я, конечно, проглочу ради мира между светлыми и темными в условиях тесного соседства, но запомню. А потом обязательно припомню!

– Уверена, мы станем по-настоящему добрыми соседями, – поддержала я, – но сначала ты уберешь свой забор с моей территории!

– Давай-ка, соседка, я внесу ясность в один вопрос. Здесь все принадлежит мне по праву родового владения. – Он широко обвел рукой, намекая на дом и прилегающую территорию. – Но коль мои предки уступили бывшим жильцам твоего дома земельный надел, я не стал нарушать традиции и щедро оставил тебе половину участка.

– Прекрасно, – улыбнулась я той самой улыбкой, которая как бы тонко намекала, что ничего прекрасного не было. – И ты ведь способен предъявить доказательства?

– А зачем мне что-то доказывать? – с фальшивым недоумением протянул он. – В старых городских летописях все указано. Если не веришь на слово, то поищи.

Не сомневайся, обязательно поищу и ткну тебе в нос этими самыми летописями!

– То есть ты перекроил мой огород, вспомнив о темных временах? – хмыкнула я. – Благодарю, конечно, за щедрость, но кусты-то за твоим забором растут мои. Что будем делать?

– Выкапывай, – предложил ведьмак. – Сколько тебе надо времени?

– До осени, – потребовала я шесть седмиц, чтобы успеть снять урожай.

Если подумать, самые опасные растения цвели на половине ведьмака. Все по канону, написанному в светлом гримуаре: «О растениях полезных, сорных и ядовитых». Нет, эта настольная книга ядоваров... в смысле, зельваров не советовала сажать подозрительные кусты под окнами темных чародеев, но настоятельно рекомендовала их не растить под своими.

– До конца седмицы, – отрезал ведьмак.

– Бузина созреет к концу лета, – спокойно отказалась я притесняться, – потом ее можно будет пересаживать.

– Используй магию, – цинично посоветовал он. – Вы же, светлые феи, знаете, как заставить землю плодоносить.

– Ты охренел, господин темный чародей? – вырвалось у меня незапланированное ругательство, заставившее этого самого «господина» сверкнуть очередной улыбкой. – Мы с тобой оба в курсе, что потом земля омертвеет.

– Я все равно не собираюсь разбивать клумбы, так что удачного сбора урожая, госпожа чародейка, – благословил он меня на превращение его части участка в мертвую, обезвоженную пустыню, и кивнул, намекая, что пора бы отойти с его пути, хотя вообще-то он никуда пока не двигался: – Раз мы все решили...

– Мы ничего не решили! – рявкнула я.

– У меня дел по горло.

Издвательно блеснув нахальными глазами, с довольной рожей он обошел меня, подхватил пресловутый топор и начал подниматься на веранду. От его шагов закрипели ступени.

Умеют же некоторые люди качественно взбесить, едва появившись на пороге! Я готова укокошить темную сволочь лопатой, и труп приковать под кустиками цветущей вербены. Она защищает от нечисти. Не зря Йосик старается на эту половину не соваться.

– Да чтоб ты провалился! – буркнула я, резко разворачиваясь в сторону открытой калитки.

Неожиданно за спиной раздался хруст, заставивший меня удивленно обернуться. Под дорогим соседущкой сломалась прогнившая доска, и он действительно провалился одной ногой в пол прямехонько посреди веранды. Удивительно, как быстро этого жлоба настигла карма!

– Тебе даже вселенная намекает, что надо дом ремонтировать, а не соседей притеснять! – хохотнула я.

Он проткнул меня злобным взглядом, в котором читалось, как бы ему хотелось сейчас швырнуться если не топором, то хотя бы заклятием. А можно сразу и тем, и другим. Ведьмака, колдующего с застрявшей в полу ногой, я еще, признаться, не встречала. Было бы любопытно посмотреть, но он сдержался.

– Подсказать хорошего плотника? – продолжала измываться я, с весельем наблюдая, как он пытается освободиться. – Расскажу, если уступишь участок до осени.

– Переживу, – буркнул он.

– Хорошо, переживай, – пожала я плечами.

Он с силой дернул ногой, пытаясь освободиться. Нога осталась при нем, сапог по-прежнему торчал в полу. Носок был потерян в голенище. Сосед раздраженно цыкнул, пристраивая голую ступню на замызганный пол. Дивное зрелище! Буду вспоминать в приступах плохого настроения.

– Удачно добраться до холла, господин темный. Приползай, если на пороге переломаешь лодыжки, так и быть, схожу за костоправом.

– Никуда не торопишься? – рыкнул он в мою сторону.

– Уже ухожу! Кстати, через огород ко мне быстрее. Ох! – нарочито всплеснула я руками. – Ты же стену поставил! Значит, или в обход, или подкоп...

Видеть его лицо было бесценно: он сделался злым, непримиримым и как-то по-особенному темным. Даже темнейшим!

– В общем, смотри почаще под ноги, – елеино улыбнулась я, но, повернувшись к нему спиной, улыбку мгновенно погасила.

Ведьмак действительно думал, что нагородит забор в моем священном огороде, с большим пафосом заявит, будто является

хозяином каждой былинки, а ему поверят на слово? Не с той светлой чародейкой связался!

Через десять минут, надев соломенную шляпку, я решительно пошла в городскую управу, но через четверть часа от прогулки под солнцем решительности поубавилось, а раздражения прибавилось.

День выдался жаркий и душный. Такой лучше проводить дома или в гамаке под тенью сливовых деревьев, а не шпарить по кромке фермерского поля. Сразу захотелось от души кому-нибудь отвесить светлой благодати, но по пути никого не встретила. Может, и неплохо, что не встретила. До меня уже дошли слухи, что уважаемый бургомистр Хенрик Дюпри во всеуслышание сомневался в цвете моей светлой магии.

В Круэл я приехала три года назад, выбрала место подальше от магических ковен и кланов. Сняла у городской управы домик в полчаса ходьбы от городской стены, когда-то переданный в казну за долги, посадила огород и завела нечисть. Последнее – случайно. Но здесь никто не знал имени Агаты Истван и никогда не слышал скандальной истории, заставившей меня, старшую дочь пресветлого Вацлава, шарахнуть дверьми родового замка.

К слову, уходя из семьи, замковые ворота я тоже за собой захлопнула. Хотела ритуально поставить жирную точку на старой жизни, но не учла, что створки не закрывали еще с молодости бабки Розалинды. Смыкались они с истошно-скрипучим стоном, потревожившим в могилах всех окрестных мертвецов, а потом вывалились с куском крепостной стены. Грохот стоял, как в каменоломнях. После моего ухода целостность родового гнезда вообще была чуток нарушена, и новых разрушений никто не ожидал. Признаться, даже я.

Отец до сих пор страшно злился, о чем не забывал регулярно писать, где-то один раз в месяц. В ответ я мстительно напоминала ему, что гнев и злопамятность плохо сочетаются с его званием пресветлого, а значит, добрейшего чародея королевства. С другой стороны, он всю жизнь выдавал добро порционно и в таком причудливом исполнении, что просителям было впору спасаться бегством. Не понимаю, почему все говорят, будто мы похожи характером. Врут как дышат!

Архив с библиотекой находились в здании городской управы, как раз под боком бургомистра. И новость о том, что в городе впервые за

долгое время появилась чародейка из старого дома тетушки Петунии, долетела до господина Дюпри раньше меня самой. Пока я добралась до пыльного здания с каменной башней, на брусчатой мостовой уже стояла запряженная коляска. Возница с улыбкой поприветствовал меня, приподняв шляпу, за что был награжден любезным кивком. Люблю вежливых мужчин.

Не успела я дошагать до парадного входа, как дверь передо мной волшебным образом раскрылась, и на улицу, морщась от яркого солнца, выкатился помощник бургомистра. Дай бог вспомнить его имя, но оно что-то никак не вспоминалось.

Следом появился и сам Дюпри. Он был лысеющим человеком чуть за пятьдесят, среднего роста и средней комплекции. Мимо такого пройдешь в толпе и не заметишь. Единственное, что примечательного имелось во внешности Хенрика – густые усы сочного угольного цвета. Магический порошок для окрашивания я смешивала собственными руками. И, несомненно, это был наш с бургомистром маленький секрет.

При виде меня уважаемый градоначальник мигом осознал, что план побега провален, но, смирившись с неизбежной встречей, расставил руки в самом гостеприимном жесте, словно актер провинциального театра на последнем поклоне:

– Госпожа чародейка, я услышал, что вы к нам направляетесь, и лично вышел поприветствовать! Какими ветрами?

– Попутными, – отозвалась я. – А вас они куда понесли?

Мы втроем одновременно посмотрели на готовую коляску.

– Велел запрячь заранее, чтобы вам не пришлось возвращаться пешком по жаре, – ловко выкрутился он. – По каким вы к нам делам?

– По личным.

– Так идемте же быстрее в кабинет, там гораздо-гораздо прохладнее! – пропел он. – К слову, может, обсудим вопросик похолодания хотя бы на парочку дней?

– Исключено, – отказалась я гневить стихийной магией природу. – Я все равно пришла не к вам, господин бургомистр, а в городской архив. Очень нужно о местных жителях почитать.

– А что с нашими горожанами? – испуганно переглянулся он с помощником.

– Растут в численности, – скупно буркнула я, проходя в сумрачный холл.

После яркого солнца внутри казалось совсем темно. Воздух был пропитан особенным запахом казенных мест – смесью сладковато-медовых чернил, пыльных бумаг и расплавленного сургуча. Я окончила академию светлой магии пять лет назад, а этот запах по-прежнему напоминал мне о деканате и стареньком секретаре в очках с толстыми стеклами, который заполнял бумаги исключительно гусиным пером.

– Так после вашего благословения, госпожа чародейка, у нас младенцы как цыплята... – закудаhtал бургомистр. – Губернатор нашей долины даже грамоту прислал за хороший приплод!

– Поздравляю. А о том, что в Круэл приехал новый чародей, вы уже в курсе? – быстро спросила я.

– Еще один?! – Дюпри отшатнулся и схватился за сердце.

Кажется, он собрался осесть на исхоженный каменный пол, чтобы изобразить глубокий обморок, но был подхвачен под локоть верным помощником.

– Он не еще один, а темный, – педантично поправила я.

– А есть какая-то разница?

– Принципиальная! Темные чародеи никогда не живут поодиночке. Где один, там десяток. Теперь разница ясна? Ждите в Круэле нашествия ведьмаков, а потом живых умертвий.

– Кажется, я начинаю понимать, – расплылся в довольной улыбке Дюпри, как-то разом передумав падать в обморок. – Опасаетесь честной конкуренции на магические услуги?

– Ошибаетесь, господин бургомистр. Вы все-таки чего-то недопоняли, – сощурившись, вкрадчиво произнесла я. – Сегодня мой темный сосед заявил, что земля, которую я арендовала у города на десять лет, принадлежит его семье. Так яснее?

Что мне особенно нравилось в Дюпри: он быстро смекал, когда начинало припекать пятую точку, и умел красиво переобуться в полете.

– Вы правы! Немедленно в архив! Мы обязаны доказать, что это заговор и возмутительная клевета! – с убежденностью заявил он, отчего мигом стало ясно, что ведьмак, скорее всего, не соврал. Хотя по дороге в город во мне теплилась надежда.

Архив размещался под зданием, и копаться в старых городских книгах лично Дюпри не собирался. Помощника он тоже не оставил. Приведя меня в холодное помещение с крошечными окошками под самым потолком, он покричал архивариуса.

В ответ раздалась глухая тишина, характерная для забитых хламом хранилищ с низкими потолками. О том, что архивариус со службы не сбежал, доказывала лишь надкушенная булочка, лежащая на разложенной салфетке между книгой для учета посетителей и чернильницей с кособоко торчащим пером.

Наконец где-то за стеллажами зашуршало. Я была почти уверена, что из-под полок выбрался неупокоенный дух, но к нам вышел высокий и нескладный молодой человек, отчего-то напоминающий кузнечика.

При виде визитеров он испуганно попятился, словно увидел трех умертвий кряду и быстренько придумывал, чем бы отбиться. Потом рассудок прояснился, архивариус признал начальство, живое, говорящее и недовольное, и начал оправдываться. Тут его прервали и всучили меня. Фигурально выражаясь.

– Очень толковый парень, – отрекомендовал бургомистр и, подтолкнув помощника обратно к обшарпанной двери, оставил нас с толковым парнем в гробовом молчании.

– Что вы ищете, глубокоуважаемая госпожа чародейка? – заискивающе уточнил он и с дурацкой улыбкой на узких губах вкрадчивым движением убрал в карман служебной мантии надкушенную булочку.

На столешнице остались хлебные крошки, и некоторое время я с интересом ждала, не стяхнут ли их на пол? Уборкой архивариус заниматься постеснялся.

– Мне нужны любые упоминания о темном клане, который раньше жил в Круэле, – вздохнула я, стаскивая с головы порядком надоевшую шляпку.

– Легко! – объявил он. – Когда они здесь жили?

– Понятия не имею, – призналась я. – Дом у них опустел... лет двадцать назад?

– Уже сложнее, – рассудил толковый молодой человек, но, потеряв гладкий подбородок, обнадежил: – Сейчас что-нибудь поищу. Вы там за столик присядьте.

Как ни странно, справился он поразительно быстро. Я только устроилась за пустым столом под окошком, с натугой пропуская дневной свет, как передо мной лег фолиант не самого впечатляющего размера.

– Семейная книга темных магов? – оживилась я.

– Нет, просто учетная, – поправил архивариус. – Если верить каталогу, в середине кое-что о колдовской семье упоминается.

– Негусто. – Я поцокала языком и едва заметным взмахом руки заставила толстый слой пыли самостоятельно смахнуть с кожаного заскорузлого переплета. Туда-сюда прочертились полосы, словно по нему небрежно прошли веничком для уборки. Не особенно чисто, но я непривередливая.

– Может, еще что-то и имелось, но прежний архивариус сказал, что в прошлом году архив по весне затопило. Много чего не уцелело. – Сложив руки за спиной, парень с интересом наблюдал за простеньким колдовством. – Я-то всего пару месяцев как к службе приступил...

– Вы нас наедине не оставите? – намекнула я, что кое-кто здесь лишний, и это точно не мы со старой городской летописью.

– Конечно, госпожа чародейка. – Архивариус отступил от стола и скрылся за стеллажом, заставленным старыми рукописными фолиантами.

Наверняка в них рассказывалось об истории провинциального Круэла, но все больше в сухих фактах и цифрах. Кто на ком женился, а потом умер, и как увеличилось в тот год поголовье скота.

Щелчком пальцев я заставила книгу раскрыться и зашуршать пожелтевшими страницами с расплывшимися чернильными строчками. На середине фолиант замер. Нерешительно поиграл листиками и окончательно определился, замерев на развороте.

– Что ж, соседка, – пробормотала я, – что-то твое семейство не жаловали на исторической родине.

Если верить городским записям, в Круэле действительно жила колдунья Матильда Хэдлей. Одинокая старуха пользы городу не приносила, местных не привечала и четверть века назад ушла за грань миров.

В уголочке городской летописец вкривь и вкось изобразил герб темного клана. Если обладать воображением, то в тотемном животном

угадывался оскаленный дракон. Хотя больше всего он походил на плотоядную корову.

Старый дом ведьма оставила внучатому племяннику, имя которого так размазалось, что, как ни прочитай, выходило или затейливое ругательство, или бодряя белиберда.

В общем, выяснить имя соседки, если говорилось о нем, заочно не удалось. И еще черным по белому (вернее, теперь по желтоватому) было написано, что кусок участка Матильда отдала своей единственной прислужнице, чье жилище стояло по соседству.

За стеной вся земля действительно принадлежала безымянному племяннику, и по осени не видать мне бузинных ягодок! Не использовать же магию, в самом деле. Этот, прости господи, сосед отчалит туда, откуда появился, а я останусь с выжженным пустырем!

– Чудесно, – процедила я сквозь зубы и постучала светящимся магией ноготком по листу, отчего на желтоватой пористой бумаге разбежались круги, как по водной глади.

– Что чудесное вы обнаружили? – прошептал за плечом не только толковый, но и очень любопытный архивариус.

– Вот именно, что ничего! – буркнула я и махнула рукой: – Принесите, любезный, бумагу с чернилами. Чертить буду.

– Волшебные знаки чертить изволите? – оживился парень.

– Карту своего участка, – проворчала я, хмуро разглядывая схему, где было педантично отмечено в футах, сколько старая ведьма уступила землицы своей темной прислужнице в безвозмездное пользование. Вернусь домой и просчитаю все до последнего клочка.

Оказалось, за последние пять лет после окончания академии я сильно растеряла навыки, и чертежник из меня получился такой себе, криворукий. Сжав зубы, я мысленно ругалась и вела нетвердые линии. Закончив, встряхнула лист и выставила перед собой. Чернила насквозь проели тонкую папиросную бумагу, пропускающую дневной свет.

– Что-то не очень похоже, – покачал головой архивариус, наблюдавший за работой из-за моего плеча.

– Зато повторяет естественный ландшафт, – недовольно проворчала я, несколько задетая справедливой критикой.

В моем исполнении прямоугольный участок походил на кособокую трапецию. Кто посмотрит – не поверит, что на последнем курсе академии светлой магии я вдохновенно переносила на бумагу

сложнейшие схемы вихревых магических потоков, но потом ни разу ничего не чертила. Было незачем.

И вообще, знала бы, что в реальной жизни эти знания мне никогда не пригодятся, побольше читала бы о выращивании ядовитых растений под окнами жадных ведьмаков. Глядишь, из одного куста красной бузины вырастила бы целую бузинную плантацию. Вот соседушка замучился бы топором размахивать.

Ведь какая дивная идея! Физический труд облагораживает и даже мартышку превращает в нормального мужика. Спору нет, внешне темный уже выглядит мужиком и даже не самым последним представителем своего подвида, но внутри-то, прости господи, ведьмак ведьмаком.

Горя желанием восстановить свой огород в исторических границах, я свернула схему трубочкой, нахлобучила на голову шляпку и покинула архив.

На улице стоял послеполуденный жар. Солнце пряталось за черепичные крыши, и изломанная тень от соседнего здания неумолимо напознала на тесную круглую площадь. Коляска с возницей, специально приготовленная «для госпожи чародейки», исчезла без следа. Не то чтобы я на нее рассчитывала.

– Вот мошенник! – проворчала себе под нос и направилась в сторону городских ворот.

Вела к ним прямая улица, пересекающая городок с запада на восток. Если, задумавшись, не сворачивать в переулки – никогда не заблудишься и минут через двадцать окажешься за городской стеной. Но ко мне начал выходить народ. По дороге к управе окликать побоялись. Видимо, что-то в моем лице намекало, что чародейка в том чудном настроении, когда она сама не особо уверена в цвете собственной магии.

Через час я сидела в повозке соседа-фермера, обмахивалась шляпкой и перебирала в голове десяток полученных заказов. Расплатились за них заранее – снедью. В плетеной корзине лежали хлеб, кусок ветчины, половинка сырного шара, покрытого восковой корочкой, и бутылка козьего молока. У светлых не принято назначать цену за простое бытовое колдовство, мы же не какие-то темные жлобы. Эти, прости господи, здоровые конкуренты на магические услуги даже за мелкое заклятие предлагают подписать кровавый

договор, а потом заставляют до седин горбатиться на них прислужником.

На повороте к ферме я заставила соседа притормозить и подхватила довольно увесистую корзинку.

– Госпожа чародейка, давайте до калитки довезу! – воспротивился он.

– Тут дойти пять минут, – отказалась я утруждать хорошего человека и слезла с повозки на дорогу.

Я почти добралась до дома, как из-за поворота на полном ходу, заставив меня отпрянуть в кусты, выскочила знакомая коляска. С каменными лицами мимо прокатили бургомистр с помощником. От их стремительного проскока с головы едва не слетела шляпка, а на зубах заскрипел песок.

Выходило, что неразлучная парочка, пока я ковырялась в архиве, сгоняла за городскую стену, чтобы поприветствовать ведьмака. Поди, пожаловались на самоуправство светлых, а теперь дали стрекача, чтобы не попасться мне на глаза. Каковы подхалимы!

Подпрыгивая на кочках, коляска стремительно отдалялась. Еще и пыль за собой глотать заставили!

Тихий щелчок светящимися магией пальцами, и пассажиров окутало плотное пыльное облако. До меня донеслись ругательства. Бургомистр сорвал с головы помощника шляпу и начал ею размахивать в разные стороны, стараясь получить хоть глоточек чистого воздуха.

Пыль разом осела, покрыв седоков плотным слоем. В коляске ошарашенно замерли, а секунду спустя синхронно обернулись назад. С улыбкой я помахала бургомистру и, напевая под нос веселый мотивчик, повернула к своему утопающему в зелени жилищу.

Не успела я закрыть калитку, как из-за угла выскочил Йосик и принялся скакать по дорожке. Он трусил следом за мной в огород и тыкался в ноги, пока я пристраивала возле раскрытой кухонной двери корзинку. Казалось, призрачный пес требовал немедленно зайти в дом.

– Подожди, табуретка! У нас важное дело, – раздраженно отмахнулась я от табуретопса и, пристроив шляпку на длинную корзиночную ручку, с умным видом расправила схему.

– Сейчас проверим, господин темный жлоб, сколько ты у меня землицы оттяпал! – процедила я, орлиным взором оглядев ненавистную стену.

Измеряла расстояние шагами от дома и до самого забора. Три раза проверила. Сначала в одну сторону, потом обратно и снова. Так и есть! Ведьмак прихватил не меньше шести футов.

– Попался, – пробормотала я и, сощурившись, приказала забору: – Расступись!

Забор оставался колюч и монолитен. Пришлось предупредительно щелкнуть пальцами и, выбив искру, зажечь магический огонек, похожий на свечную пику.

– Сейчас же...

Стена ожила, пришла в движение и расступилась, открывая узкий зазор. На соседскую территорию пришлось пролезать бочком, чтобы не зацепиться за ощеренные длинные шипы, а хотелось-то войти по-королевски, гордо вскинув подбородок. И с лицом инквизитора.

– Итак...

С независимым видом я двинулась к дому ведьмака, себе под нос тщательно считая шаги. Так увлеклась, что едва не уперлась склоненной макушкой в крепкую мужскую грудь. Сосед перекрывал проход, уперев руки в бока. Пришлось поднять голову, чтобы посмотреть в его наглую рожу.

– Что делаешь? – тихо спросил он.

– Восстанавливаю историческую справедливость! – объявила я и сунула ему в нос слегка помятый папиросный лист, изрисованный линиями, кружочками и прочими топографическими обозначениями. – Любуйся, дорогой сосед!

– Чем? – поморщившись, как от зубной боли, он отодвинул рисунок от лица.

– Вот этим! – потрясла я бумаженцией. – Я сходила в архив, как ты настаивал, и знаешь, что выяснила? Твоя тетка отдала темной прислужнице огород, так что ни один внучатый племянничек на него претендовать не может.

Он молча перевел нечитаемый взгляд с чертежа, на меня.

– Видишь? – не унималась я. – Это доказательство, что ты присвоил целых шесть футов моей честно арендованной земли!

Смирившись, что так просто с него не слезут и причитающиеся футы стрясут, ведьмак цыкнул и забрал у меня чертеж. Некоторое время он его изучал, сверялся с натурой: посмотрел направо и налево, снова покосился в схему.

– Кто чертил? – оборонил он.

– Подсказка нужна? – съехидничала я.

Он молча пальцем ткнул в крестик и указал на старую корявую яблоню, стоящую у него под окнами. Потом постучал по второму крестик и махнул в сторону высокого древнего дуба, растущего за забором возле дороги.

– И что? – с вызовом уточнила я.

Одарив меня убийственным взглядом, ведьмак перевернул схему.

Бог мой, какой конфуз! Я-то считала, что на чертеж нанесли какие-то особенные топографические метки, значение которых понимали только землемеры, а они, подлецы, просто деревца таким нехитрым образом обозначили.

– Если верить чертежу, дорогая соседка, – проговорил ведьмак, даже не пытаясь скрыть издевку, – я отмерил тебе шесть лишних футов. Так что, будем восстанавливать историческую справедливость или оставим как есть?

Скрипнув от злости зубами, я выдрала из его рук бумагу и быстренько смяла в кулаке. Это же надо так оплошать, чтобы в собственном чертеже запутаться. Чуть сама у себя кусок огорода не оттяпала. Позор тебе, Агата Истван! Несмыываемый и вечный.

– Так и я думал, – ухмыльнулся ведьмак.

– И вообще, по правилам забор между прилегающими участками нужно ставить из штакетника, а не городить такую глухую стену, что белого света не видно! – не придумав, за что еще поспорить, как-то очень удачно вспомнила я.

– Это по правилам этикета? – хмыкнул он.

– По правилам, написанным в королевском указе о добрососедских отношениях! – заявила я.

– Наш король горазд на странные указы. – Ведьмак сочувственно покачал головой. Неясно, кому он сочувствовал: мне, его величеству или всем подданным нашего королевства.

– Ты поставил стену с шипами. А если мой пес напорется? – обвинительным тоном спросила я. – Кто ответит за здоровье невинного создания?

Неожиданно в плантации ревеня, аккуратным квадратом зеленеющей ровнехонько за спиной ведьмака, началось странное движение. Листья энергично зашевелились, и из них выглянул край

любопытной табуретки. Появление «невинного создания», которому стена с шипами даже лак не могла поцарапать, ведь благородное покрытие давным-давно сошло, оказалось совершенно некстати.

Я цыкнула, запрещая призрачному псу являть миру цветочную обивку, и приказала сидеть в ревете тихим шпионом. Но при жизни Йося, очевидно, был энергичным, добрым и на редкость глупым зверем. Одним из тех, что лают на грабителей от искренней радости, а не ради сохранности хозяйского имущества. В посмертии характер пса не изменился. Он решил, раз хозяйка цыкает, а не орет, значит, сильно его любит и подзывает познакомиться с новым соседом, от которого за милю разит темной силой.

Сосед между тем, ехидничая от всей темной душонки, предлагал превратить Йосю в умертвие и не догадывался, что в этой жизни Йосе уже ничего не поможет. Песик, восторженно выставив алый кант-хвост, ринулся из ревета. Прямоком через грядку с цветущими одуванчиками.

– Тыгыдын-тыгыдын! – цокали у меня в голове табуреточные ножки.

– Сидеть! – рявкнула я, пытаюсь остановить неминуемую встречу ведьмака и нечисти.

– Не понял? – изумился тот, перебитый на полуслове.

– Стоять! – страшным голосом черной ведьмы приказала я табуретопсу.

– Ты уж определись, – прошипел сосед, словно действительно хотел выполнять команды и не мог выбрать, с какой именно начать.

Секундой позже Йося, как бодливый баран, ударил острым краем ему под коленями, и ведьмак начал терять равновесие. Я отошла на шаг. Не ловить же тяжелого мужика, право слово. Тот выразил неземную радость от встречи с табуреткой лихой матерной фразой.

Уверена, что хотел сказать что-нибудь политесное, вроде «мама дорогая!», просто не нашел правильных слов. Но Йося проникся моментом и остолбенел, уронив хвостик-кант. Кажется, мне открывалась тайна Вселенной, как именно управлять нечистью.

Сосед самым немислимым образом устоял, хотя по закону земного притяжения должен был приземлить пятую точку в сочный куст алоэ, и резко обернулся.

– Табуретка?! – в мужском голосе прозвучало откровенное изумление.

Йося отмер и начал бочком перемещаться к хозяйке, то есть ко мне, мучительно прикрывшей на секундочку глаза. Почему у всех заводятся нормальные псы и хорошие соседи, а у меня – адское недоразумение? Не иначе как пресветлый Вацлав, сидя в отремонтированном замке, насылает светлые проклятия.

– Живая, – озадаченно добавил ведьмак и перевел на меня восхищенный взгляд: – Ты об этом невинном создании соловьем разливалась?

– И что с того? – ощетинилась я, уперев руки в бока. – Отличный домашний питомец, между прочим! Есть не просит, обувь не грызет, мебель не портит.

– Безусловно, живая мебель не портит сородичей, – издевательски протянул ведьмак.

– Ключевое слово «живая»! – огрызнулась я. – В отличие от вас, темных, мы, светлые, все-таки предпочитаем жить с живыми существами...

– Мы все еще говорим об одержимой нечистью табуретке? – с ехидством протянул он, пропустив мимо ушей откровенный намек на пробужденных умертвий, которых заводил каждый мало-мальски уважающий себя некромант.

Скрипнув зубами, я подхватила увесистого «питомца» под мышку. Йосик принялся шевелить ножками, как большая водоплавающая черепаха, непременно желающая добраться до моря.

– В общем, сосед, – проворчала я напоследок, – прореди свою изгородь. Иначе прорежу я, и вам всем это не понравится!

– Всем – кому? – любезно уточнил он.

– Ни тебе, ни изгороди! – отрезала я и с независимым видом пошагала между грядками по направлению к дырке в заборе.

Даже пройти через нее не успела, как колючие ветви срослись обратно, самым нахальным образом прищемив мне край юбки. Не догадываясь о конфузе, я едва не осталась без нижней половины наряда.

– Да чтоб в твой дом молния попала! – обругала я ведьмака и, спустив табуретку на землю, кое-как выдрала прищемленный подол.

Ткань безобразно порвалась, а на шипах остался висеть светлый лоскут в мелкий цветочек.

Злобно схватив шляпку и корзинку, я влетела в дом. Хлипкая дверь шарахнула за спиной, ударив скачущего изо всех ножек Йосика. А в опрятной кухне меня ждал неожиданный сюрприз. Хотя сюрприз, понятно, ожидаемым не бывает.

Между столом и посудным шкафом, безвольно уронив руки по бокам, застыл высокий и худой, как оглобля, парень. И с первого взгляда в восковое, словно высушенное лицо с рыжеватой козлиной бородкой, похожей на приклеенную паклю, стало ясно, что он неживой. В смысле, подвижный, но точно мертвый!

Глава 2

Не самый свежий заложник

На лбу у «бородатого сюрприза» красовалось расплывчатое клеймо со знаком семьи Хэдлей, тонко намекающее, что питомца создали по разрешению светлого ковена. Он являлся движимой собственностью ведьмака и упокоению не подлежал.

Другими словами, наглый сосед – все-таки поехавший крышей некромант. С первого взгляда, конечно, не скажешь. Выглядит-то он относительно нормальным, без характерного безумного огонька в глазах, но и меня, миловидную и моложавую шатенку, легко спутать с нежной фиалкой. Что он и сделал. Не то чтобы я сама показала высший класс магического мастерства и искусства дипломатии.

В общем, чудесно! В смысле, конечно, ужасно. Но знаете? День перестал быть отчаянно поганым...

«Еда!» – беззвучно раззявил монстр щербатую пасть.

«Заложник!» – мысленно возликовала я.

Сорвавшись с места, кровожадный гость в три шага преодолел расстояние между нами. Выпустив из рук корзинку, я выставила вперед открытую ладонь. Кухоньку, раскрашенную теплым закатным солнцем, озарила такая ослепительная вспышка, что перед глазами поплыли белые круги.

Магическая печать врезалась в грудь умертвия и как таран опрокинула его на спину. В воздухе мелькнули ноги в исхоженных сапогах. Окостеневшее тело с грохотом распласталось на домотканом половике, раскинув руки-лапы с безобразными желтоватыми когтями.

Петунья возмущенно зазвенела чашками в посудном шкафу. Хотелось верить, что она беспокоилась за меня, а не за обездвиженное чудовище.

– Что ты раскудахталась? Он еще поживее тебя будет! – проворчала я и, обмахивая лицо шляпкой, чуточку склонилась над воскрешенным.

Незванный гость таратился в потолок по-рыбьи мертвыми глазами и энергично смердел. Пасть была раскрыта, словно челюсть отпала от

изумления, что слабый корм оказался сильным хищником. Да так ее и заклинило. Передних зубов не хватало.

Самое забавное, что он удивительным образом походил на моего дядьку Дюка Иствана, ловца за живыми мертвецами. Разве что уважаемый родственник (один из немногих, к кому я испытывала теплые чувства) все еще жив. Ну... я надеюсь. Мы виделись лет семь назад, и с тех пор я о нем ничего не слышала.

В последнюю встречу, Дюк выглядел не лучше: бородатый, отощавший и оголодавший. Да и пах тоже отвратительно. С мрачным видом он заявил, дескать, только вылез из склепа, из которого гонял студентов-некромантов, вздумавших создать неподсчитанное умертвие. Но, судя по амбре, источаемому заношенным плащом, этих самых студентов дядька прождал в засаде не меньше месяца. Еще с тех пор, когда они сами не подозревали, что хотят сотворить живого мертвеца. У меня же имелся готовенький, с разрешительной грамотой и даже печатью на лбу.

Пальцем я аккуратно закрыла умертвию рот, в смысле, пасть. Челюсть опять отпала.

– Ладно, я сделала все, что могла, – выпрямляясь, вздохнула я и тут же вспомнила, что рядом с Дюком-вторым глубоко вдыхать не стоило, впрочем, как и рядом с первым. – Поехали прятаться, сердечный?

Держать пахучего монстра в доме не очень-то хотелось, но сюда, в отличие от старой клетки возле забора, ведьмак без разрешения не войдет. Нет, он мог бы, но правила приличий и закон о пиетете по-прежнему были с нами. Да и отдача потом замучает.

Под действием магии распростертое на полу тело дернулось и рывками заскользило ногами вперед к дверному проему, утягивая за собой, как хвост, домотканый половик. Длинные худые руки начали медленно подниматься. В дверном проеме заложник застрял, словно вцепился когтями в косяк и отказывался двигаться дальше.

– Да что ты будешь делать? – проворчала я и сложила ему руки на груди опрятным крестом. Хоть сейчас отправляй в последний путь. Но упокоенный заложник отобранную часть огорода мне точно не вернет.

– Двигаемся! – вновь скомандовала, подкрепляя приказ магическим знаком.

Пока он перемещался мимо обалдевшего и по этому случаю изображавшего обычный табурет Йосика, я открыла дверь хозяйственной кладовки. Крошечная клетушка под лестницей была заставлена метлами, лопатами, ведрами и остальными очень нужными в приусадебном хозяйстве вещами. Кто бы три года назад сказал, что я буду знать, для чего нужна садовая тяпка, подняла бы на смех, а потом зачаровала. Заклятием честности. Чтобы несли в мир прекрасное, а не чушь.

Неожиданно до меня донесся равномерный стук, точно кто-то отбивал молотком кусок мяса. С недоумением я выглянула из кладовки. Заложник доехал до стены и тыкался в нее ногами, словно старался проломить проход. За ним скромно топтался Йосик. Видимо, тоже очень рассчитывал на эту дыру в большой мир.

– Демоны дери, – пробормотала я, щелчком пальцев останавливая ритмичную долбежку. – Ты там выжил, Дюк?

Вообще, спрашивать у умертвия, насколько он жив, например, по шкале от скорее жив до окончательно мертв, натуральное издевательство, но Дюк, безусловно, был безответен. Пустые глаза по-прежнему смотрели в потолок, приоткрытая пасть демонстрировала щербатость, а сам он источал мертвенный холод и аромат бродяги со стажем. В самый раз, чтобы потравить тараканов. Правда, тараканов в доме не было, а так бы воспользовалась случаем и избавилась.

Затаскивать Дюка в чулан пришлось волоком, схватив под мышки. Он оказался тяжел и неповоротлив. А с виду-то и не скажешь, что весит, как полтора мешка батата. Дурацкий коврик под ним собирался гармошкой и перемещению совсем не помогал.

– Что же ты такой худой, но неподъемный? – кряхтела я, пятясь спиной. – Пожрать, поди, любишь. Да, Дюк?

Кое-как мы втиснулись в узкое пространство между тяпками и лопатами. Те зашатались, грозясь осыпаться мне на хребтину, полка над головой тоже странно задрожала, но обошлось без инвентарных катастроф. Приваленный к стене Дюк, горестно уронил голову на грудь, точно хмельной пьянчуга, случайно заснувший в подсобке питейной. Аккуратно перешагнув через длинные ноги умертвия, я вышла и накрыла его хвостом коврика, упрямо вылезая из чулана.

– Чудесно! – С довольной улыбкой я отряхнула ладони и глянула на Йосика, обиженно жавшегося к стене. – Не ревнуй, табуретка.

Скоро твое место освободят.

На запертую дверь каморки пришлось наложить проклятие, в смысле, заклятие, чтобы ядреный дюковский дух не пропитал дом и не уничтожил в нем все живое. В смысле, меня и две цветущие герани на кухонном подоконнике. Осталось дожидаться, когда сосед обнаружит пропажу и лично явится за питомцем.

Но вторжение злобствующего некроманта никак не происходило. Дом медленно окунался в сумерки, я успела хорошенько отмыться и сделать освежающую маску из огуречных кругляшей, а он все не являлся. Возможно, оказался недогадливым или же рысцой носился по окрестностям, прочесывая близлежащие овраги, кладбища и единственный склеп на другом конце Круэла.

Вскоре я начала подозревать, что ведьмак просто выгнал умертвие, как нашкодившего щенка. Может, в соседнем жилище оно пыталось найти нового хозяина, а не корм? Но его мало что не упокоили, так еще сверху добавили сковывающую печать. Даже жалко стало горемычное. Чуть слезу не пустила, пока думала о нем и разливала по флаконам зелье красоты! Хотя, возможно, глаза заслезились от ядреного снадобья.

Когда на землю опустилась по-сельски густая темнота, в небе рассыпались мелкие звезды, а сверчки застрекотали на остроконечный месяц, дом сотряс грозный стук во входную дверь.

Дождалась! Темнейший явился.

Петунья с перепугу заблокировала створки посудного шкафа. Йосик изобразил табуретку. А я, источая спокойствие, достойное мертвого озера замка Истван, открыла припозднившемуся визитеру.

Сосед был взмылен, взбешен и растрепан. Зуб даю: гонял в склеп на другом конце города. Над его головой светился уличный фонарь, привешенный на крючок под козырьком. В тишине в стекло бились мотыльки, привлеченные ярким огоньком.

– Где он? – без вступлений рявкнул ведьмак и дернулся, готовый без дозволения чародейки ворваться в светлый дом.

Я выразительно посмотрела на порог и сложила руки на груди. Темный скрипнул зубами, но вернул ногу в пыльном сапоге на место. Видимо, кое-какие зачатки манер у него все-таки имелись. Или исключительно развитый инстинкт самосохранения.

– Мне просто любопытно, ты недогадливый или невнимательный? – К шантажу я приступила издали, не скрывая ехидной улыбочки. – Не сразу понял, где его искать, или не сразу заметил, что оно сбежало?

– Верни мое умертвие! – процедил он.

– Без проблем, – с фальшивой легкостью согласилась я, и по его лицу пробежала судорога облегчения. – Но что мне за это будет?

– Я тебе ничего не сделаю, – щедро пообещал он.

– Это понятно, – усмехнулась я. – Что ты готов мне предложить за своего потерянного питомца?

– Чего? – коротко уточнил ведьмак, кажется, не веря собственным ушам.

Может, ему эликсир для остроты слуха предложить? В качестве компенсации. Или лучше успокоительную настойку? А лучше смешать все в одном флаконе! По-моему, отличная идея. Вон какой дерганый. Явно нервишки не в порядке.

Нарочно затягивая переговоры, чтобы он точно проникся безвыходностью положения, со знанием дела я принялась рассуждать:

– По правилам светлых ковен, если хозяин не обнаружился в течение суток, я обязана умертвие упокоить и предать огню, чтобы его никто не поднял еще раз. А если вспомнить, как выглядел твой питомец, то он уже заслужил вечный сон.

– А ты, огородная фея, смотрю, не так проста, как кажешься, – нехорошо сощурился сосед. – Что ты хочешь?

– Твою часть участка, – без экивоков потребовала я, – убрать безобразную стену и, пожалуй, чтобы ты больше не выпускал своего товарища на самовыгул.

Он кривовато усмехнулся:

– Если подумать, сутки еще не прошли...

– Верно, – спокойно согласилась я, – но завтра-то под вечер они закончатся, и тогда я буду вынуждена следовать правилам. Ты и меня пойми: в ковенах очень строго с этими вашими умертвиями. Один раз отпустишь, потом он сбежит и кого-нибудь слопает, а отвечать придется мне.

– А знаешь, госпожа соседка...

Ведмак облокотился одной рукой о дверной косяк и склонился ко мне. От него мускусно пахло горячим телом и хвойным мылом. Носы

сапог уперлись в порог, но шаг внутрь кухни он себе не позволил.

– Я сейчас просто войду к тебе и заберу умертвие, – хрипловатым тихим голосом пригрозил он. – Как тебе план?

– Нет, ты, конечно, мог бы попытаться... – Я пожала плечами, дескать, взбесившего коня здравый смысл вряд ли остановит, только пропасть. – Но искренне не рекомендую.

Некоторое время мы смотрели глаза в глаза. Вблизи ведьмак казался старше. Полагаю, я выглядела младше, но он уже не обманывался моложавой внешностью. Всем своим сильным, напружиненным телом темный стремился ворваться на чужую территорию, а я с напряжением ждала, когда его подсознательное победит и мне удастся сорвать раздражение из-за переполоха в священном огороде.

Неожиданно он выпрямился и предложил:

– Забирай до осени.

– Навсегда! – отрезала я. – Ты уступишь свою часть участка навсегда.

– Идет, – вдруг согласился ведьмак на совершенно наглый, даже с моей точки зрения, шантаж.

У меня вырвался смешок:

– А ты, похоже, действительно дорожишь своим умертвием.

– Теперь я могу его забрать? – Он пропустил мимо ушей издевательское замечание.

– Быстрый какой! – фыркнула я. – Мне нужны гарантии.

– Считай, ты их получила, – кивнул сосед.

– Пф! Я с детства не верю людям на слово.

– Тяжелое детство? – не преминул съехидничать он, хотя по всему находился не в том положении, чтобы отвечать ядовитые комментарии.

– Обычное, но оно научило меня не рассчитывать на призрачные морковки, – не думая обижаться, объявила я. Он же не жил с пресветлым Вацлавом в одном замке и не в курсе, как от басистого голоса «самого доброго чародея королевства» дошли даже канарейки в клетках. – Дай магическую клятву.

– Нет.

– Как знаешь. – Я потянулась к ручке, чтобы захлопнуть перед его носом дверь. – Спокойной ночи, сосед. Обещаю, твой питомец уйдет в

вечный сон со всеми почестями.

– Да демоны тебя дери! – рявкнул он, не позволяя мне запереться. – Хорошо!

Ведьмак протянул руку, раскрыв ладонь с глубокими, словно порезанными линиями судьбы. Просто мечта ярмарочной гадалки! На внутренней стороне крепкого предплечья выделялись вены.

– Держи свою клятву, – поторопил он.

Отгоняя идиотскую мысль, что мне всегда нравились красивые мужские руки, а у ведьмака они до обидного красивые, я мягко обхватила крепкое запястье. Его шершавые сухие пальцы сомкнулись на моем предплечье без нарочитой агрессии и излишней силы. Из-под них заструился черный дымок.

– Участок твой, – спокойно произнес ведьмак, глядя мне в глаза.

Магическая клятва была дана, и мы мгновенно расцепились.

– Теперь отдай мое умертвие! – потребовал он.

– Конечно, – согласно кивнула я. – Забирай.

– Где?

– Ну...

– Ты его зарыла, что ли? – мрачно пошутил ведьмак.

Конечно, до вечера садовым совком махала и грабельками помогала: раскидывала комья земли, а потом закидывала. Как раз на том месте, где в начале лета землекопы не дорыли компостную яму.

В самую жару они втроем вяло поковыряли грунт и сбежали «обедать» в неизвестном направлении, как Йосик, чудом вырвавшийся на свободу. Месяц жду, когда подлецы вернуться, но, думаю, их уже нет в королевстве... А на крыльце между тем стоит крепкий, широкоплечий и, главное, готовый абсолютно на все мужик. Просто сто семьдесят фунтов – точно не меньше! – не пристроенной к приусадебному хозяйству силы!

– За домом, – не моргнув глазом соврала я.

Сосед поменялся в лице и прошипел:

– Какого хрен... демона ты его похоронила?!

– Ну не в кладовке же его прятать, право слово. Он у тебя такой зачуханный, что скоро чесаться начнет. Когда ты его в последний раз мыл? За умертвиями тоже надо следить. Не в курсе, что вы в ответе за тех, кого воскресили?

– Лопату... – перебил ведьмак скрипучим голосом и протянул руку, словно рассчитывал, что садовый инвентарь ему вытащат из кармана платья. – Давай!

– В огороде возле бочки стоит, – охотно подсказала я и крикнула в спину, когда ведьмак, как налакавшийся зелья резвости, ринулся за угол дома: – Подожди: фонарем подсвечу!

Господи, радость-то какая! Мало, что участок вернула, так и землекопа для компостной ямы сумела найти.

Я быстро спряталась в кухне, запалила фонарь и через заднюю дверь вышла в огород. Ночь неожиданно оказалась прохладна. Ветер, намекающий на близкую непогоду, шелестел в кустах боярышника и тревожил светлячков в густой траве. Из-за дома к небу поднималось багряное марево, словно возле забора полыхала пламенем старая покосившаяся клеть.

Несколько забеспокоившись, я завернула за угол и поморщилась от яркого, режущего глаза света. Ведьмак действительно копал, но без ожидаемого энтузиазма: ритмично вонзал лопату в сухую землю, откидывал рассыпающиеся комья. А над ним переливалась оранжевая сфера, словно наполненная раскаленной лавой.

Недолго думая, без предупреждений я погасила чужую магию. Показалось, что мир погрузился в темноту, а перед глазами поплыли красные пятна. Землекоп замер и выразительно кашлянул.

– У нас есть свет, – пояснила я и для наглядности помахала фонарем, отчего огонек безудержно затрепетал, готовый погаснуть. – Мы же не хотим спалить дом?

Ведьмак так громко промолчал, что стало ясно: не стоит говорить за всех присутствующих здесь чародеев. Он-то в душе не против подпалить дом ушедшей феи. Но знаете? Какие соседи, такие и феи!

– Странно, – протянул он и выразительно воткнул в глинистую почву лопату.

– Что именно?

– Земля твердая, как будто до меня здесь никто не копал. Тщательно утрамбовала?

– Хочешь найти свое умертвие? – сдержанно уточнила я, не собираясь выпускать из огорода бесплатную рабочую силу, пока не получу хотя бы подобие компостной ямы. – Копай!

Видимо, нечаянный помощник уже и сам осознал, что, как и умертвие, превратился в заложника, которому придется отработать и свою свободу, и неживого приятеля. С мрачным видом он швырнул мне под ноги комья земли, словно сказав все, что думает о светлых чародейках. Выразительно цыкнув, я отряхнула туфлю и потеснилась, практически утопив его в темноту.

– Поближе, – недовольно буркнул он. – Я копаю почти наощупь.

Чем уж там он ощупывал почву, ногой или лопатой, история умалчивала, а мне были не особенно интересны подробности. Главное – результат!

– Уверяю, ты ему точно ничего не отрубишь, – отозвалась я и, подняв повыше фонарь, вновь придвинулась к краю будущей компостной ямы. – Получишь своего питомца в целостности и сохранности. Со всеми конечностями. Правда, без зубов. Но зубы он потерял до меня, так что потом не предъявляй претензий.

Некоторое время он продолжал работать. Компостная яма грозила перерасти в могилку.

– Давай левее, а то недолго до первобытных захоронений дорыть, – деловито скомандовала я и указала пальцем в намеченную еще землекопами границу.

Окинув меня убийственным взглядом, он начал копать левее. На руках напрягались мускулы, гибко двигалось сильное тело. Честное слово, следить за тем, как мужик роет компостную яму – сплошное удовольствие. Очень советую попробовать. Расслабляет дивно! Особенно когда за это еще и денег платить не придется.

Неожиданно он прервал работу и вытер вспотевший лоб краем выбившейся из-за пояса штанов широкой рубахи.

– Правее тоже надо?

– Как отказаться, если господин темный чародей сам предложил? – с улыбкой развела я руками. – Ни в чем себе не отказывай. Рой в удовольствие!

– Свет! – рявкнул он.

– Господи, что ты кричишь, как будто не землю копаешь, а артефакт собираешь? – буркнула я и снова вытянула фонарь, отбрасывающий тусклое свечение.

Накидывая землю на быстро растущую по краю ямы гору, порядком упаренный ведьмак пропыхтел:

– Ладно, что моего умертвия здесь нет, я понял с первого взгляда. Но зачем мы роём? Клад ищем?

– Почему же мы? – даже удивилась я. – Роешь ты, а я контролирую процесс.

– И что именно я рою?

– Компостную яму, естественно.

Он поперхнулся на вздохе, словно до этой вспышки честности считал, что его в самом деле посреди ночи заставили хитростью соорудать могилку. Ну знаете? Так сказать, на будущее. Чтобы горюющие Истваны не перепутали место, куда завещала похоронить свой прах старшая дочь пресветлого Вацлава, когда ее ужокошит взбешенный сосед.

– Ты комаром, что ли, подавился? – озаботилась я. – Водички принести?

– Не надо.

– Да мне не жалко водички для усердного работника, – уверила я. – Просто, понимаешь, полтора месяца ждала, когда вернутся землекопы, а ты один за полчаса справился. Всегда знала, что некроманты умеют отлично выкапывать ямы. Но чтобы настолько! Искренне восхищена. Честное слово, похлопала бы, но фонарь мешает... Почему ты на меня так смотришь, будто думаешь проклясть?

Лицо соседа действительно было сложно описать во всех оттенках и красках. Полагаю, он представлял, с каким наслаждением свернул бы мне шею и похоронил в этой самой, уже выкопанной, компостной яме. А потом, через пару дней, поднял и превратил в свеженького питомца, коль прежнего, потасканного жизнью и пахнущего отнюдь не розами, найти не удалось.

– Идея соблазнительная, но я и без магии уже затрах... накопался.

Он категорично воткнул лопату в землю и, отряхнув руки, с превеликой аккуратностью принялся расправлять закатанные рукава рубахи.

– Что ты делаешь? – заволновалась я. – Мы еще не закончили.

– Я закончил, но ты можешь продолжать, уважаемая соседка. Хочешь, фонарь подержу? – любезно предложил он, напрочь отказываясь превратить неровную яму в опрятную усыпальницу для животворящего компоста.

– Похоже, я тебя перехвалила, господин некромант, – недовольно проворчала я себе под нос.

Ведьмак брюзжание проигнорировал и выбрался из ямы:

– Теперь я могу забрать свое мертвие?

– Конечно, – согласилась я, и он напрягся, видимо, начиная подозревать, что сейчас его хитростью вынудят еще что-нибудь сделать: крышу там отремонтировать, старую клеть заново построить. – В смысле, конечно, забирай. Он в кладовке.

Если бы взглядами темные умели проклинать, ей-богу, у нас случился бы магический поединок.

– Позволь задать личный вопрос, а то меня терзают смутные сомнения, – вымолвил он мягким голосом, отчего сразу стало ясно, что непременно ляпнет гадость.

– Спрашивай, – великодушно согласилась я.

– То, что ты не наивная фея, я уже понял. Но ты точно светлая?

– Вот сейчас было обидно! – возмутилась я. – Не понимаю, почему все сомневаются в цвете моей магии?

– И впрямь! С чего бы? – издевательски хмыкнул он.

Не побоявшись повернуться к нему спиной, с независимым видом я направилась к распахнутой задней двери, из которой в ночь сочился теплый свет обжитого дома.

– Я начинаю понимать, как ты оказалась в глухой провинции, – проговорил он мне в затылок и без промедлений предположил: – Тебя поперли из ковена за дивный характер.

– Мне любопытно, за что в глухую провинцию поперли тебя, господин темный? – не оборачиваясь, с усмешкой парировала я и вошла в дом.

Ведьмак остался стоять в раскрытом дверном проеме, с интересом разглядывая цветочные стены, дощатые полы и Йосика, несмело покачивающего хвостиком-кантом.

– Могу я войти? – поторопил сосед.

– Сапоги для начала обей, – велела я, кивнув на измазанную в глине обувь.

Он нарочито громко, так что косяк задрожал и в двери зазвенело оконце, постучал мыском о порог. Сбив с подошвы комья глины, то же самое проделал со вторым сапогом.

– Сейчас я достаточно чистый, чтобы оказаться в вашем гостеприимном жилище, госпожа чародейка?

– Добро пожаловать. – Пристроив фонарь, обернулась я к нему, но тут же ткнула пальцем: – Главное, не забывай, что ты гость, а приличные гости грязными башмаками по мытым полам сильно не топчутся. Хотя где темные, а где приличия...

– Я нахожусь от тебя в двух шагах и все слышу, – войдя, насмешливо отозвался он.

– Значит, в зелье для остроты слуха не нуждаешься, – кивнула я и пояснила, собственно, ничего толком не поясняя: – А то я уже начала подозревать неладное. Идем: покажу, где кладовка.

Мы остановились перед чуланом под лестницей. Ведьмак оглядел закуток и кивнул на хлипкую дверь:

– Он все время был здесь?

– На нем печать неподвижности, поэтому убежать не должен, – рассудила я и уткнулась носом в рукав платья, представив, какой «божественный» запах стоит в кладовке. Хоть топор вешай. У соседа, к слову, один был. Могли бы из исследовательского интереса провести эксперимент.

– Открывай, – поторопил он, теряя терпение.

Проглотив совет не дышать глубоко, а лучше вообще не дышать, я повернула ручку и дернула на себя дверь. Изнутри, больше не сдержанное заклятием, на нас хлынуло облако зловония. Оно практически сбивало с ног. Я была готова, а вот ведьмак отшатнулся.

– Господи боже, – едва слышно пробормотал он, тоже утыкаясь носом в сгиб локтя.

Пленник по-прежнему сидел, горестно уронив голову на грудь, словно страшно печалился одиночеством.

– Вот твой Дюк, – прокомментировала я. – Как сказала: целый и невредимый.

Ведьмак покосился на меня как на чокнутую. Не то чтобы прежде он смотрел как-то иначе: с пиететом, согласно королевскому указу, или, того хуже, с мужским интересом.

– Ты дала умертвию имя?

– Он заслужил! Ты не видишь, что ли? Жизнь с тобой его доконала. Обидно уходить в вечный сон безымянным.

Откровенно говоря, Дюк давно протянул ноги, притом гораздо раньше, чем попал в кладовку моего дома.

– Это он тебе сказал? – усмехнулся ведьмак в рукав.

– Если бы твое умертвие могло говорить, то давно потребовало бы банный день! – начала беситься я. – Не в курсе, что его надо мыть? Желательно, почаще. Я думала, что это очевидно любому некроманту.

– Некроманту, может, очевидно, но я не некромант, – зачем-то высказался ведьмак, не уточнив, что мне делать с этим знанием.

– А за Дюком тебя, значит, попросили посмотреть? – не преминула съехидничать я.

– Вроде того. Зачем ты его прикрыла? Замерзал?

– В саван замотала! – огрызнулась я.

Отодвинув меня с дороги, он отбросил коврик мыском сапога, схватил неподвижного питомца за ноги и дернул. Стоило Дюка сдвинуть, как неустойчивая конструкция из тяпок, грабель и лопат с грохотом рассыпалась, накрыв исстрадавшееся чудовище. В смысле, именно то из двух чудовищ, которое было мертвым. А с полки восторженно, словно только и ждал возможности объявить о себе, свалился пыльный уличный фонарь. Он припечатал скрюченного ведьмака аккурат в район лопаток и, задорно отпрыгнув в сторону, со звоном разбился.

На дом опустилась звенящая тишина. Вокруг все замерло. И даже я. Кажется, можно было услышать, как в огороде стрекочут сверчки, не подозревающие, что им тоже следует замереть. Ведь у нас как-никак развернулась фонарно-тяпочная драма.

Ведьмак медленно выпрямился, упер руки в бока и выразительно повел широкими плечами.

– Если тебе от этого станет лучше, то мне он тоже едва не свалился на голову, – нарушила я безмолвие. – Не лучше?

– Какого демона... – делая паузы между словами, процедил он и рывкнул на одном дыхании: – У тебя такой бардак?!

– Эй, ведьмак! – охнула я, перестав говорить в рукав. – Ты владениями не ошибся? Пока твое чудовище ко мне не забралось, здесь было чисто и пахло вкусно, а не вот этим всем! Один насмердел, второй натоптал. Из нас троих я единственная, кто пострадал!

Очень медленно он повернул голову и бросил взгляд над плечом. Глаза почернели, из-под пальцев заструился темный дымок.

– Ты колдовать, что ли, в моем доме надумал? – вкрадчиво уточнила я.

Он тяжело перевел дыхание, действительно погасил заклятие, а потом одним махом, заставив меня отпрянуть к стене, за ноги вырвал Дюка из плена садовых инструментов. Грохот стоял такой, словно чулан разломали на дощечки. Впрочем, он и лежал в руинах.

– Теперь я знаю, почему у него не хватает зубов, – пробормотала я себе под нос, но на самом деле достаточно громко, чтобы этот изверг услышал. – Ты же не потащишь его за ноги?

– Ему наплевать.

– Никакого понятия о гуманности, – покачала я головой. – А еще он будет цепляться за заросли... Но действуй, как хочешь. Главное, уже вытащи своего питомца на улицу, а то у меня герань от его ароматов завянет.

– Да чтоб тебя!.. – проскрипел он, выпуская ноги Дюка. В смысле, как и при знакомстве с табуретопсом, сосед очень хотел произнести эту фразу, но почему-то получилось красочным матом. – Ты!

– Что? – немедленно приготовилась скандалить я.

Скажу больше, мне даже хотелось поругаться. От души поорать на нахального мужика – еще один отличный способ расслабиться. Даже лучше, чем понаблюдать, как этот самый мужик копается в огороде.

– Ты слишком болтливая!

Что именно ведьмак хотел сказать на самом деле, осталось загадкой. Вообще, он так умело использовал бранные слова, собирая из них восхитительные конструкции, что невольно возникало подозрение: не учат ли их простонародному наречию в темных академиях? Очевидно же, что у моего соседа твердые знания и богатый словарный запас на любой случай жизни. Даже на тот случай, когда по хребтине прилетает стеклянным фонарем во время спасения умертвия из кладовки светлой чародейки.

– Ну извините, – развела я руками. – Пока никто не жаловался.

– В общем, поговорить тебе просто не с кем, – буркнул он и дернул подбородком, указывая на Дюка: – Печать с него сними.

– Не получится, – покачала я головой. – Сама растает.

– Когда?

– Да скоро. Через пару-тройку дней. – Я задумалась, пытаюсь вспомнить, какой силы заклятие наложила. Выходило, что достаточной. – Хотя, скорее всего, через пару седмиц.

– Две седмицы?! – Он поменялся в лице.

А мне-то казалось, что еще темнее этот темнейший сделаться просто не способен.

– Что ты возмущаешься, как будто его с концами упокоили? – охнула я. – У тебя две седмицы, чтобы спокойно заняться ремонтом и не думать о питомце. Только запри его где-нибудь, а то он очнется оголодавший и будет готов сожрать даже моего Йосика. Я тебе как специалист по...

Острый взгляд ведьмака как бы тонко намекнул, что девушка неосмотрительно сболтнула лишнее. Пришлось выворачиваться:

– Просто из опыта. Помочь перевалить его на спину?

– Сам справлюсь, – буркнул он, действительно кое-как закидывая Дюка на закорки.

Неповоротливым караваном они двинулись к выходу. Ноги умертвия волочились по полу.

– С дороги! – рявкнул сосед на Йосика, неосторожно застывшего в проходе.

Несчастливая табуретка с грохотом отпрыгнула в сторону и убралась под кухонный стол. Ведьмак потащился к задней двери, чтобы добраться до дома через огород.

– Спокойной ночи, – пропела я ему в спину и с улыбкой щелчком пальцев захлопнула дверь. Правда, через секунду открыла обратно: дюковский дух истреблялся только непрерывным проветриванием.

Глава 3

Сад камней в священном огороде

На следующее утро я вскочила ни свет ни заря, но не от жажды деятельности, а от холода: под тонким летним одеялом продрогла до костей. Предчувствие меня не подвело: погода портилась.

Круэл давно ждал от лета послабления и прохлады. Бургомистр и вовсе был готов заплатить деньги за стихийную магию, крайне губительную для природы и погодного равновесия. Представляю, как он обрадуется, что удалось сэкономить городской казне внушительную сумму, а себе – нервы. Всегда найдутся недовольные, штурмующие мэрию. Ведь одним побрызжет дождичком, а другим превратит засеянное поле в непроходимое болото.

Кутаясь в теплую шаль, я быстро спустилась на проветренный и даже успевший выстудиться первый этаж. Хотела поскорее прикрыть оставленную на ночь дверь, но замерла на пороге, залюбовавшись огородом.

На рассвете он выглядел не просто прекрасно, а по истине божественно! Грядки зеленели, ухоженные кусты шелестели листвой. Дремлющие одуванчики только и ждали, когда придет время раскрыть тугие бутоны навстречу готовому выкатиться из-за горизонта солнцу.

Превосходный вид не портил даже соседский дом. Потемневшие ставни, грязные окна, стены, местами прикрытые покрывалом изумрудного плюща, а местами незамысловато облезлые. Веревка с постиранным мужским исподним, натянутая между деревьев... И никакой шипастой стены посреди участка!

Отсутствие этого колючего препятствия доставляло такое эстетическое наслаждение, что даже развешанные мужские портки не противоречили моему чувству прекрасного.

– Чудесное утро, – вздохнула я полной грудью и тут же поежилась от порыва сквозняка. – Холодное только.

Хорошим оно, правда, оставалось недолго, часов до восьми. Только я собралась вкусно позавтракать хлебом с ветчиной, даже успела поднести сэндвич к открытому рту, как на мясной ломоть упали хлопья серого пепла.

– Да что же тебе не спится-то? – проворчала я, с раздражением откладывая еду на тарелку.

В воздухе, постепенно приобретая форму листа, закружились сожженные лоскуты бумаги. Послание выткалось и посветлело. Появились строки, написанные крупным размашистым почерком пресветлого. Письмо упало на стол, прикрыв тарелку с ветчиной.

– В чем я на этот раз провинилась?

Отец всегда безошибочно угадывал, когда у меня случалось хорошее настроение, и обязательно его портил, но послание оказалось на удивление доброжелательным. Впрочем, пресветлый всегда лучился дружелюбием, когда подкладывал кому-нибудь свинью.

Оказалось, что в ковене начался традиционный отбор неофитов, и, по мнению отца, пришло время мне взять в ученики какое-нибудь юное дарование. «Превратить сорняк в благородное цветущее растение», – высокопарно писал он, по-видимому, решив, будто теперь дочь понимает исключительно садово-огородные аллегии.

– Петунья, открой шкаф! – не отрывая взгляда от послания, приказала я. – Мне нужен письменный набор.

Тетушка моментально выдвинула ящичек, где хранились перья и чернильница. Не тратя напрасно бумагу, я нацарапала ответ сразу под подписью пресветлого, нахально наехав восклицательным знаком на родовую печать: «Дорогой отец, облагораживайте сорняки на собственных клумбах. Без моего участия!»

Между засветившимися пальцами затрепетал нежный лепесток магического пламени. Чахлым и безобидным он выглядел только со стороны – лист от него съежился и потемнел в мгновение ока. В воздухе закружилось лишь несколько невесомых, как тополиный пух, хлопьев черного пепла.

Я прихлебнула чай, ожидая отцовского ответа. Обычно возмущенное послание, полное родительской скорби, приходило моментально, полагаю, пресветлый его заранее готовил и предвкушал, как обрушится на меня со всей силой всего своего возмущения.

Время шло. Чай закончился. Новое письмо не торопилось появляться. Пресветлый Вацлав проглотил отказ! Или подавился им до удушья и сейчас боролся за жизнь (сильно вряд ли).

Возможно, бросился переписывать по сотому разу завещание и мстительно представлял, как вырвет лист с моим портретом из

родовой книги? Задумал какую-то каверзу? В любом случае его таинственное молчание изрядно нервировало, ведь оно могло означать что угодно!

– Умеешь же ты испортить хорошее утро, – поймав себя на том, что перебираю в уме, что именно отец задумал, буркнула я и отправилась в огород. Успокаиваться.

Прошлась по владениям: с видом полноправной хозяйки осмотрела половину ведьмака. Проверила каждый куст! Сосед не тронул ни одного растения, даже придраться не к чему. Пришлось с помощью нехитрого, но очень полезного заклятия заставить лейку поливать грядки с аптекарскими травами. Вода в ней никогда не иссякала и поступала напрямиком из кристально чистого озера в подземном гроте пресветлого.

Ведмак выбрался из темного логова в то время, когда у нормальных людей закончился второй завтрак, и они с нетерпением ждали обеда. Йосик, топтавшийся рядышком, начал украдкой отступать в кусты. Видимо, не хотел попасться на глаза суровому представителю темной братии. Тот направился к веревке с развешенным бельем, не обращая на меня ровным счетом никакого внимания.

– Доброе утро, – поприветствовала я, укладывая в корзинку срезанный лист алоэ.

Сосед остановился и резко повернул голову. Судя по хмурому виду, он считал, что только откровенные идиоты называют утро добрым, даже если это самое утро наступило в полдень.

– Что ты делаешь? – бросил он.

– Наслаждаюсь работой в *своем* огороде, – с елейной улыбкой пояснила я и без того очевидную вещь. – Чудесно расслабляет. Как-нибудь попробуй завести свой огород. Очень рекомендую!

Он окинул меня недобрый взглядом, выразительно кашлянул и, сорвав с веревки белье, широкими шагами направился в дом. Так решительно и целенаправленно шел по кромке огорода, что грешным делом я подумала: не забыл ли завернуть за угол? Вдруг выйдет напрямиком из калитки и на своих двоих уберется из Круэла, не забирая ни вещей, ни мертвья?

Я наблюдала за решительным проходом, затаив дыхание. Это было бы идеальной развязкой нашего нелепого соседства. Но увы! До

меня донесся грохот захлопнутой двери. Он шибанул ею с такой силой, словно выместил на ней всю необъятную «радость» от нашей встречи.

Во второй половине дня громко позвонили в колокольчик, висящий на крюке возле калитки. Я щелкнула пальцами, заставляя засов отодвинуться. За дверью зазвучали звонкие женские голоса. Под действием заклятия сама собой отворилась неприятно скрипнувшая входная дверь.

На пороге под жестяным козырьком, занеся кулак, удивленно хлопала глазами девица в светлом платье и в соломенной шляпке. За ней мяла в руках зонтик от солнца ее подружка.

Дочь главного лекаря Эльза и падчерица хозяина ателье Гретта всегда приезжали без договоренностей. Обе учились в женском пансионе недалеко от столицы и в прошлом месяце вернулись домой на каникулы.

– Привет, Агата! – разжав кулак, с улыбкой Эльза помахала рукой. – Я за эликсиром красоты.

– А я со списком от матушки, – высовываясь из-за ее плеча, пояснила Гретта. – Можно войти?

– Конечно, – с гостеприимной улыбкой кивнула я. – Добро пожаловать.

За спиной раздался категоричный щелчок запертого посудного шкафа. В прошлый раз Эльза кокнула чашку с голубым цветочком на боку, и тетушка Петунья тонко намекнула, что девицы, конечно, могут пожаловать в дом хоть с добром, хоть с чем угодно, но на облепиховый чай пусть не рассчитывают. Посуды для чаепития из ее шкафа мы все равно не добудем. Разве что из шкафа соседа. Что тоже весьма сомнительно.

– Список, – потребовала я от Гретты.

Она с азартом вытягивала шею и смотрела в окно, словно между кустами выросло что-то интересненькое, о чем я сама не имела понятия.

– Ага, держи. – Не потрудившись повернуть голову, она на ощупь вытащила из кружевной сумочки запечатанную записку и протянула в мою сторону.

Некоторое время я провела в погребе: подобрала заказанные флаконы с эликсирами, упаковала их в холщовые мешочки, чтобы

спрятать от солнечных лучей, и вышла обратно в кухню. Девицы успели переставить с подоконника горшки с геранью, а теперь припали к окну, что-то с жадностью разглядывая.

– Какая красота! – прошептала Эльза, обмахивая лицо ладошкой, словно в кухне резко сгустилась духота.

– Превосходный образчик! – с придыханием согласилась Гретта. – Глаз не оторвать.

– Чего вы там разглядываете? – наконец не выдержала я, смутно догадываясь, что девушки говорят вовсе не о замечательном отборном кусте белого олеандра.

Подвинув болтушек, я выглянула в окно и изумленно прошептала:

– Бог мой...

Вообще-то, хотелось выругаться, но меня подвел голос. Раздетый до пояса ведьмак раскладывал крупные камни, явно привезенные с берега соседней речушки.

– Скажи? – хихикнула Эльза. – Какой мужчина! Не представляю, как ты рядом с ним живешь и не воспламеняешься?

– Поверь мне, – зачарованно глядя, как ведьмак укладывает очередной булыжник, протянула я, – с огромным, огромным трудом. Просто нечеловеческим усилием воли...

– И я тебя понимаю! Какая убийственная фактура! – подхватила Гретта и дрожащими от жадности пальцами словно погладила в воздухе невидимые ведьмачьи телеса. – А торс! Какие у него мускулы.

– Ты ехать не хотела, – высокомерно фыркнула ее подружка. – Говорила же: здесь будет на что посмотреть.

– Бог мой, что он творит? – едва слышно выдавила я и выкрикнула звенящим от ярости голосом: – Какого адского демона ты устроил в моем огороде?!

С недоуменным видом повернувшись, ведьмак обнаружил в окне девиц, две из которых пускали на подоконник слюни, а третья незамысловато исходила злостью и практически из этого самого окна вываливалась. Он одарил нас широкой улыбкой, вызывающей немедленное желание превратить ее из белозубой в беззубую.

– Отличный денек, дамы!

– Не смей сходить с места! – приказала я, готовая взорваться на тысячу маленьких светлых чародеек.

Пихнув в руки ойкнувшей Гретты корзинку с флаконами, я рванула на улицу. Выскочила через кухонную дверь и двинула в сторону соседа. На пальцах трещали магические разряды. Перед глазами плясали кусты, грядки и почему-то световые пятна. Никак от гнева из глаз собирались посыпаться искры.

– Соседка, ты вышла мне помочь? – с иронией протянул он. – Не суетись, я почти закончил.

– По какому праву ты хозяйничаешь в моем огороде? – прошипела я, останавливаясь в трех шагах от ведьмака. Вблизи оказалось, что следы от когтей умертвия пересекают не только грудь, а тянутся до самых ребер. На другом боку был виден еще один белесый рубец, оставленный оружием.

– Тебе не понравились изменения ландшафта? – С самым непонимающим видом он указал на разложенные широким кругом валуны.

– А мне должны понравиться раскиданные поперек грядок булыжники? – прошипела я.

– Почему же раскиданные? – протянул он. – Художественно разложенные. И грядок здесь нет.

На клочке земли, где он устроил свои архитектурные фигуры, действительно ничего толкового не росло, сколько бы я ни предпринимала попыток. На островке появлялась лишь мелкая травка. Да и та вылезала неохотно, жалкими пучками.

– Пока нет! Ты решил из камней художественную стену сложить?

– У тебя никакого творческого воображения, госпожа светлая чародейка, – жалостливо поцокал он языком, словно я действительно страдала скудоумием и этот обидный факт его страшно расстраивал. – Это сад камней. Никогда о таких не слышала? На эти камни надо взирать и успокаиваться.

Я сделала к нему угрожающий шаг.

– Пожалуй, я сейчас тебя упокою на пару седмиц и без медитаций стану безмятежной, как гладь мертвого озера.

– Видишь? – он неодобрительно покачал головой. – У тебя проблемы с контролем гнева. Будешь ходить по кругу и ловить волны спокойствия. Не благодари.

– И не подумаю! Немедленно убери камни! – рыкнула я и указала на один из валунов.

С кончика пальца сорвалась магическая молния. Вокруг рассыпались искры, а на гладкой, отполированной речной водой поверхности нарисовался черный след. По идее, камень должен был отлететь как минимум на пару шагов, но он не сдвинулся с места. Не веря собственным глазам, я проговорила:

– На них темное заклятие!

– Зато пролежат долго. Каждый на своем месте.

– Эй, ведьмак, ты же не собираешься собрать шабаш и устроить какой-нибудь темный обряд? – нехорошо сощурилась я. – С танцами голышом и зарезанными курами.

– А ты о темных обрядах, гляжу, побольше моего знаешь, – хохотнул он. – Расскажи поподробнее, а то я впервые о таких слышу. Наблюдала? Близко?

Далеко, демоны дери! Если так интересно, то перетряси темные гримуары.

– Лучше ты расскажи, как обошел магическую клятву, – огрызнулась я.

Удивительно, но ведьмак не послал меня в учебники, а, наоборот, охотно ответил:

– Разве можно обойти клятву? Я не владелец этих земель, а твой новый садовник.

От неопишуемого нахальства я подавилась на вздохе и только сумела выдавить:

– Ты сам себя нанял?

– Тебе явно не хватает в хозяйстве мужских рук, госпожа светлая, – спокойно пояснил он. – Я решил, что готов подсобить. По доброй воле. Ты против?

– Против!

– А вчера заставила рыть яму.

Откровенно сказать, я не нашлась чем ответить. Мужских рук в хозяйстве мне точно не хватало. Мужских, заметьте, а не ведьмовских.

– Ладно, мой новый садовник, – проскрипела я, понимая, что сама открыла ведьмаку лазейку в магической клятве. – Мне не нравится твой заговоренный сад камней. Убери!

– Завтра.

Я резко дернула подбородком в сторону каменного круга:

– Сейчас!

– Сейчас не могу. – Изображая вселенскую печаль, он потер поясницу. – Спину сорвал, пока дотащил тележку. Не жалко согревающей растирки для усердного работника?

Ответом ему послужил убийственный взгляд.

– Ясно, никаких растирок, – хмыкнул он и кивнул в сторону дома: – Там тебя дожидаются.

Я обернулась. Гретта с Эльзой, с жадностью следящие за нами из окна, с зачарованным видом синхронно подняли руки – одна правую, другая левую – и помахали. Ведьмак хмыкнул, схватил небрежно выброшенную на ветки кустов рубашку и прикрыл телеса, будоражащие девичьи фантазии.

– Увидимся, дорогая соседка... – Он делал вид, будто на секунду призадумался. – М-м-м... Хотя ты же мне теперь хозяйка, да?

Он сжал ручки тележки, поднял ее и резко толкнул. Деревянное колесо подскочило на кочке и как-то ловко скатилось в углубление, где крепко сидел куст горного табероуса. Незаменимое для косметических паст растение было вкопано так, чтобы до него не добрался Йосик и не раздавил коробочки с розовой пылью на жилистом стебле. Но мой новый сосед оказался проходимее табуретопса.

– Осторожно! – воскликнула я. – Там...

Раздался хлопок. В ведьмака ударило клубящееся облако ярко-розовой пыли. Со стороны дома донесся испуганный вскрик. Я успела прикрыться магической заслонкой, красящий пигмент захватил лишь подол платья и носы туфель, из-под него торчащие, а вот соседа накрыло. Он-то о коварности горного растения, похоже, понятия не имел.

– Там... посажен табероус, – тихо договорила я и, помахав рукой, развеяла магию, любезно позволившую мне избежать большой стирки.

Зато пыльца табероуса не плавала по воздуху, а моментально прилипла на ближайшие поверхности. На травку, кусты, обалдевшего от цветочной подлости ведьмака. Он замер в напряженной позе, сжимая ручки тележки. Сказала бы, что до побелевших костяшек, но пальцы, рукава и кузовок окрасились жизнерадостным цветом королевской фуксии. Зато спина осталась чистенькой!

– Эта пыльца используется почти во всех косметических притирках, – зачем-то пояснила я буквально жизненную

необходимость каждой светлой чародейки вырастить в огороде подлое растение.

Сосед резко повернул голову. С розового лица осыпалась пудра. Глаза горели от ярости.

– Не открывай рот! – Я выставила вперед указательный палец. – Она отвратительно горькая.

Не то чтобы совсем отвратительно... На самом деле мне ни разу не пришло в голову попробовать пыльцу табероуса. Но лучше пусть сосед сожмет зубы и молчит. Злобные ведьмачьи глаза на фоне розовой физиономии получше любых слов говорили о том, какие мысли сейчас проносятся в его голове. Очень говорящие глаза! Буквально вопящие забористыми ругательствами.

– И послушай доброго совета: лучше сразу отмывайся в реке, иначе весь дом уделаешь, – поделилась я печальным опытом. – Где речка, ты уже знаешь. Вот! Прямо туда и отправляйся.

Неожиданно мне на нос сверху упала тяжелая капля. Невольно я подняла голову. Весь день ветер гонял по небу серые облака, собирая их в тучу. Похоже, Круэл дождался осадков.

– Хотя, может, и не надо на речку, все равно сейчас пойдет дождь, – задумчиво протянула я. – Зря только грядки с утра поливала.

– Госпожа чародейка! – неожиданно позвали из кухонного окна девушки, заставив меня повернуться. Выглядели они испуганными, словно ожидали, что сейчас начнется магический поединок, и их вместе с домом сметет каким-нибудь разрушительным заклятием.

Или просто боялись, что дороги традиционно размочит, и в городок они вернутся только к ночи, вымокшие и несчастные. После того, как их карета раза три увязнет в грязи. Если что, прошлой осенью маменька Эльзы так и добиралась из нашей с соседом дыры в Круэльскую цивилизацию после притирок красоты.

– Уже бегу!

Ведьмак как-то странно зарычал и почти выпустил из рук тележку.

– Нет-нет! – поспешно остановила я. – Аккуратно откати, а то куст заденешь. Мне надо идти. Но ты постой. Под дождем все быстренько отмоеся.

Ливень обрушился на землю разом: заколотил по листьям деревьев, наполнил воздух влажной серой дымкой, притушил дневной

свет, превратив его в грязноватые сумерки. Я бросилась в сторону дома с опустевшим кухонным окном.

Пока рассчитывалась и прощалась с девушками, сосед исчез вместе с тележкой. Паршивый сад камней никуда не делся. Мок под дождем и выглядел неопрятно. Такой себе, прямо сказать, источник спокойствия. Бесит одним видом!

Дождь зарядил до ночи. Набирал силу и слабел, снова превращался в яростный ливень. Прекращался на некоторое время, а потом опять начинал частить звонкой капелью. Он смывал с кустов розовую пыльцу, насыщал иссохшую землю влагой.

Я засыпала под убаюкивающий мерный стук по крыше, а проснулась от яркой вспышки, осветившей спальню. Тишину сотряс тяжелый басовитый раскат грома. Кажется, от него даже стекла зазвенели.

Откинув стеганое одеяло, я слезла с кровати и подошла к окну. На улице хлестал дождь, ветер гнул деревья, трепал кроны... Но барабанной дробью злого ливня не было слышно. В доме царила ничем не потревоженная тишина. Похоже, на окно была наложена мастерская иллюзия.

Нахмурившись, я громыхнула шпингалетом и открыла створки. В лицо вместо влажной мороси действительно пахнуло густой, тяжелой магией. Настолько сильной, что кончики пальцев сами собой вспыхнули голубоватым свечением.

Ни ветра, ни дождя. Только небо выглядело мутным, сизым. Сверкнула близкая молния и под новый раскат грома за кустами высветила фигуру ведьмака. Он стоял, возведя руки к небу, посреди того самого доморощенного сада камней, а вернее, самого настоящего ведьмовского круга.

Я почувствовала, как меняюсь в лице.

– Какого демона?

Натянув на ходу халат, я спустилась по лестнице на первый этаж, сунула босые ноги в туфли и толкнула дверь. Теперь за порогом дул колдовской набирающий силу ветер. Уверена, темные придумали для этого явления красивое название, но в белых гримуарах иначе как «ведьминым дыханием» яростные порывы не величали. Во времена кровожадных драконов они корежили рощи, сносили крыши, а иногда разрушали целые деревни.

Если ветер войдет в полную мощь, то окончательно разворотит посадки, но он неожиданно стих. Пространство замерло, словно приготовилось к новой вспышке молнии и раскату грома, но небо промолчало – содрогнулась земля. Между грядок, заваленных сломанными ветками и сорванной листвой, прочертилась кривая глубокая трещина. С яростной скоростью она ринулась по каменной дорожке. Я остановила разрушение резким магическим приказом и, от ярости сжав зубы, свирепо зашагала к самодельному святилищу.

Картина открылась чудная. Выложенные камни тускло светились, озаряя полупрозрачным мерцанием стоящего спиной ведьмака. В магическом свечении он казался выше и мощнее, чем при свете дня. В центре круга из земли высовывался каменный ларь, стоящий на невысоком постаменте и закрытый резной крышкой. Во время магических войн в таких тайниках ведьмаки прятали мощные артефакты. Зато стало ясно, почему в этом месте не приживался ни один саженец.

– Не приближайся к колдовскому кругу, светлая, – повернув голову, бросил над плечом ведьмак. Его голос звучал иначе: мягкие, вкрадчивые интонации теперь резали, словно холодная сталь.

– Значит, ты под моим носом все-таки выложил ритуальный круг. Поэтому хотел отгородиться забором? Чтобы я ничего не заметила? – насмешливо проговорила я, не сводя с него глаз и не пропуская ни одного даже малейшего жеста.

– Не люблю любопытных соседей. Как ты сейчас догадалась о ритуале?

– Гром есть, а шума дождя нет. Ты забыл, что дождь не бывает беззвучным.

Ведьмак усмехнулся и повернулся ко мне. Он выглядел другим. В смысле, не просто отмылся от цвета фуксии, что уже вызывало восхищение, а двигался иначе. Плавно, как напряженный перед стремительным выпадом хищник. Лицо не выражало эмоций, глаза казались почти черными. Настоящий, стопроцентный ведьмак, готовый к бою. Не то чтобы кто-то сомневался в цвете его магии.

– Послушай, фея, у меня есть щедрое предложение. Ты зайдешь в свой уютный чистенький домик, закроешь дверки и снова заснешь. Я не трону тебя, просто заберу свое.

– И что там? – кивнула я в сторону ларя. – Ответь, ведьмак. Тогда я решу: готова ли вернуться в дом и закрыть ставни на окнах.

– Значит, по-хорошему не хочешь. В таком случае... постараюсь быть нежным.

Мы выбросили заклятия одновременно: он хотел быть резким и неожиданным, а я ожидала удара и приготовилась защищаться. Но нежность по-ведьмачьи поражала воображение. Я отклонилась от сонных чар, и за спиной фактически облысел куст сирени, принявший на себя темную магию.

Оказалось, что уходить от ударов в домашнем халате такое себе удовольствие. Особенно, когда противник превосходит в сноровке. Он одет в удобные штаны и, в отличие от меня, последние три года не закапывал навыки в грядках. С выпущенным в него заклятием, сбивающим с ног, справился играючи.

Яркой вспышкой оно отлетело в сторону и яростно врезалось в ларь. Каменная коробка зашаталась, грозя перевернуться. На долю секунды движение отвлекло противника, и я тут же отправила в него парализующее заклятие. Но едва магия сорвалась с кончиков пальцев, как сверху меня накрыла невидимая сеть. Ловушка сжалась вокруг тела, перепеленав руки и ноги.

Ведьмак застыл в нескольких шагах в самой нелепой позе, словно собирался бухнуться на одно колено и преподнести на раскрытой дымящейся магией ладони обручальное кольцо.

За пару коротких мгновений мы оба превратились в неподвижные изваяния: в колонну и в статую мужика с протянутой рукой. Не огород, а галерея скульптурного творчества. И мы наблюдали, как медленно, не устояв, заваливается на бок ларь...

С грохотом отлетела тяжелая крышка. Каменная коробка перевернулась, мелькнув нутром, и упала на землю. Тайник ведьмы Хэдлей оказался безнадежно пуст.

От неприятного открытия затих даже огород. Вокруг плавали сорванные листья, потухли ритуальные камни, превратившись в неприятзательные речные гольши. Никто из нас не победил. С яростью мы тарасились друг на друга, скрипели зубами и неохотно осознавали, что придется наступить на горло принципам и договориться.

– Милое платьице, – заговорил ведьмак, неожиданно заведя светскую беседу.

– Это вообще-то халат. Так торопилась, что не успела переодеться к твоему чудесному шабашу, – насмешливо отозвалась я. В смысле, настолько насмешливо, насколько возможно, будучи опутанной темным заклятием.

– Снимем на счет три? – предложил ведьмак. – Раз...

– Давай хором, – перебила его.

– Мы на детском празднике? – разозлился он, хотя, казалось бы, куда уж сильнее.

– На детских праздниках не устраивают темные ритуалы, – огрызнулась я. – Вдруг я сниму заклятие, а ты нет?

– Демон с тобой, фея, давай хором, – процедил он.

Мы принялись считать, словно маленькие дети, вызывающие призрак давно почившего дедушки. Получилось вразнобой: он торопился, я тянула.

– Три! – исхитрились произнести в унисон.

И ничего не произошло. Мы по-прежнему стояли как два идиота и сверлили друг друга ненавидящими взглядами. В общем, проверка на доверие между соседями оказалась с треском провалена.

Сверху на макушку упали тяжелые холодные капли. Снова начинался дождь. Представилось, как через пару часов займется рассвет, а мы, вымокшие, замершие и потерявшие чувствительность конечностей, стоим посреди огорода, и вокруг, увязая в грязи, скачет ничего не понимающий восторженный Йосик.

– Почему ты не сняла заклятие? – накинулся на меня ведьмак. Фигурально выражаясь. Он по-прежнему представлял собой неподвижную статую.

– А ты?

– Не доверяю изворотливым, хитроумным светлым ведьмам!

– Сам ты... ведьма! – оскорбилась я. – Нахальный, вероломный...

– Хорошо! – рыкнул он. – Согласен! Ты свободна!

Чужая магия, заставляющая стоять по стойке смирно, исчезла и перестала удерживать тело в вертикальном положении. Колени подогнулись, я едва не осела на мокрую траву. Ойкнув, кое-как удержала равновесие и принялась расхаживать колющие иголками затекшие ноги.

– Эй, фея! – рыкнул сосед.

– Ах, ты же еще тут... – пробормотала я и щелкнула пальцами.

Ничего не вышло. Парализующее заклятие по-прежнему вынуждало его вдохновенно указывать вперед окостенелой рукой. Ведьмак опалил меня гневным взглядом.

– А нечего было меня пеленать, как умертвие в последний путь, – буркнула я.

Встряхнула руки, потопталась на месте и, резко сжав кулаки, натянула путы. Пленник издал кричащий звук, словно ему стянули ребра и перекрыли дыхание. Хотя так и есть: стянули и перекрыли. Невидимые нити лопнули. По воздуху прошла волна. Ведьмак плюхнулся на одно колено и уперся ладонями в землю, только чудом не уткнувшись в нее же физиономией.

– Да раздери тебя демоны! – донеслись чуть слышные ругательства.

Не обращая внимания на возмущенное бормотание, я вошла в погасший ведьмовской круг. Магия уже развеялась.

– Что ты рассчитывал найти в своем поразительно пустом тайнике? Наследие Хэдлеев?

Сосед прекратил разминать затекшие плечи и проткнул меня мрачным взглядом.

– Серьезно? – У меня вырвался смешок, очень похожий на издевательский, но на самом деле сочувствующий. – Тетка зарыла родовое наследие, а его стащили?

– Ведь его забрала ты, – с утвердительной интонацией проговорил он и сделал ко мне очень неожиданный, но весьма угрожающий шаг.

Мы двигались стремительно и почти синхронно. Он схватил меня за горло и крепко сдавил, словно хотел придушить на месте. Я впечатала ладонь в его крепкую грудь, в районе солнечного сплетения. От пальцев колдуна исходил черный дымок, облизывающий мою кожу. От моей руки по его рубашке разбежались блестящие жилки ледяного заклятия. Наверняка магия кусала болезненно и острый холод пробирал до костей, но ведьмак даже не морщился.

– Где оно? – тихо проговорил он.

– Конечно, кого ты еще можешь обвинить? – усмехнулась я. – Только светлую чародейку. Ты в своем праве искать наследие в этом

городе. Препятствовать не стану. Ищи. Но больше не смей ступить на мою землю!

Приближение молнии мы почувствовали, должно быть, одновременно, и отскочили в разные стороны от ларя. Воздух взорвался ослепительной вспышкой. Жар опалил. Показалось, что я не падаю, а парю в невесомости. Недолго, правда. Приземлилась я на камни и впервые в жизни позорно потеряла сознание.

Бесславное окончание этой ночи запомнилось короткими вспышками. Нахальный ведьмак холодной рукой легонько хлопал меня по щекам и приговаривал: «Эй, фея, ты живая? Или нужно воскрешать?» Его лицо плыло и выглядело недовольным. Потом я болталась, как мешок с опилками, перекинутаая через крепкое мужское плечо, и носом неприятно ударялась о мужскую спину. В следующий момент меня уронили на мягкую поверхность, знакомо пахнущую фиалками. Громыкнула дверь.

Проснувшись я лежа поперек собственной постели, одетая в грязный халат и даже обутая в измусоленные туфли. Комнату заливал полупрозрачный солнечный свет, и внутренние часы подсказывали, что время давно перевалило за полдень. Тишина стояла как в склепе. На полу тянулась дорожка из следов от мужских сапог.

Кое-как отскребшись от кровати, я подошла к окну и скорбно поморщилась. С высоты второго этажа огород выглядел плачевно. На месте ритуала кусты были поломаны и потрепаны. Валялся перевернутый ларь и почерневшая разбитая крышка, принявшая удар молнии.

Мрачный дом напротив выглядел покинутым и безжизненным, каким и был еще несколько дней назад, до приезда соседа.

– Только появишься перед моими глазами...

В кухню я спустилась хорошенько отмытая и прибранная, в чистом платье и новых туфлях. Йосик несмело высунулся из-под стола и замотал хвостиком-кантом. Присев, я погладила табуретку по выцветшей обивке.

– Напугался вчера?

Никогда не испытывала приступов нежности к домашней нечисти, но неожиданно накатило. Кошку, что ли, завести? Настоящую, живую, с хвостом, который не надо пришивать.

– У тебя кант отрывается, – проворковала я Йосе и указала пальцем на кусок материала. – Сейчас приращу. Не шевелись.

Магия пробудилась мгновенно. И я оторопела, не веря собственным глазам. Вместо привычного с детства голубоватого свечения, покалывающего кончики пальцев, в воздух потекли колечки прозрачно-черного дымка.

– Да вы шутите! – вырвалось у меня, но только ядреным ругательством из лексикона соседа.

С шумом распахнулась хлипкая кухонная дверь, и задрожали стекла. Я резко сжала кулак, пряча темную магию, и подняла голову. Небритый растрепанный ведьмак замер на пороге. Он заметил предательский дымок. Пронзительный взгляд остановился на моем лице, рыжеватые брови сошлись на переносице. Молчание давило на уши и казалось оглушительным.

Я медленно выпрямилась и тихо вымолвила:

– Ты меня вчера проклял, темный?

– А ты меня зачаровала, светлая? – хрипловатым голосом проронил он и протянул руку.

Кончики его длинных пальцев искрили светлой магией. Как у чародея.

Глава 4

Крепкая память предков

Никогда в жизни не проходила пять стадий принятия с такой поразительной скоростью, не задерживаясь, в сущности, ни на одной. От шока и понимания, в какую абсурдную ситуацию мы попали, хотелось расхохотаться в голос, а потом так же громко выругаться. С другой стороны, благословенный светлый дар не исчез, а переместился в соседнее тело, в смысле, в тело соседа.

– Так... – глубокомысленно выдохнула я, не найдя других приличных слов, чтобы описать весь спектр эмоций, посетивший меня при виде задорно потрескивающих пальцев идейного врага. Тех самых пальцев, которыми он вчера сжимал мне горло. Хорошо, следов не осталось.

Но я твердо решила быть оптимисткой. Мы сможем поменяться обратно! Взрослые люди и профессиональные чародеи способны справиться с этой адской неразберихой без грызни. Не скатываясь во взаимные обвинения.

– Какого демона ты вчера вмешалась в ритуал! – накинулся на меня сосед, оптимизмом этим странным утром вообще не страдающий. – Что за идиотская привычка совать нос в чужие дела?

Или не справимся без взаимных обвинений. Пусть пиетет катится в топку! Взрослым людям и профессиональным чародеям нужно изредка спускать пар, а потом решать проблемы с холодной головой.

– Позволь напомнить, что ты колдовал под моим окном!

– Вообще-то, я колдовал под своими окнами! – осадил он.

– Но на моей земле! – огрызнулась я. – Ты вызвал грозу и разворотил участок! Я должна была притвориться глухой и закрыть окна ставнями? Что за адский ритуал ты проводил, если мы поменялись магией?

– Обычный ритуал.

– Страшно представить, чем заканчиваются твои особенные ритуалы! Концом света?

Я резко взмахнула руками, и за ладонями потянулся темный дымок, словно за вытащенными из костра обугленными головешками.

Ей-богу, выражение «спустить пар» сегодняшним утром заиграло новыми красками.

При виде явного доказательства, что его магия прекрасно во мне прижилась и даже требовала выхода, ведьмак недобро сощурил глаза и процедил:

– Меняемся!

– Сейчас же! – охотно согласилась я, но он не предпринимал попытки что-то делать. – Надеюсь, ты знаешь верный способ. Меня не учили, как действовать, если однажды я проснусь темной.

– Магическая клятва должна помочь, – уверенно заявил ведьмак, точно менялся силой с каждой второй светлой чародейкой и знал, как без потерь преодолеть этот местечковый конец света. – Надеюсь, магией тебя учили делиться, светлая?

– Учили. – Я сузила глаза, уговаривая себя, что надо правильно расставлять приоритеты. Сначала обмен, а потом избиение мужика тяжелой чугунной сковородкой.

– Так действуй! – Он протянул руку, предлагая немедленно устроить ритуал магического экзорцизма.

Неожиданно мне вспомнилось, в каком плачевном состоянии остался священный огород после его залихватской ворожбы, и опрятную кухню стало искренне жалко.

– Прыткий какой! На улицу! – сурово скомандовала я, кивнув в сторону окна, словно предлагала выйти из дома именно через окно, а не через открытую дверь. – Не хочу потом ремонтировать дом.

– Шустрее! – подогнал он. – У меня пальцы трещат.

– Ну извините, а у меня дымятся! – огрызнулась я, бочком протискиваясь возле него в узком дверном проеме.

Загородил всю дорогу. Не ведьмак, а шкаф! Вон какие широкие плечи отрастил.

– И это неприятно, – процедил он.

Придерживая подол платья, я решительно зашагала по дорожке в огород. Мы уже разворотили кусок участка и уничтожили куст сирени, не хватало еще лишиться олеандра или парочки грядок с аптекарской ромашкой.

– Далеко идем? – проворчал мне в спину ведьмак, практически дыша в затылок. Мог бы и подальше держаться, а то возникает неприятное ощущение, что он меня все время прищпоривает.

– Уже ноги устали? – буркнула я. – Дать растирку от старческой подагры?

Он кашлянул, по всей видимости, проглотив совет, куда мне следует намазать эту растирку... Или куда запихнуть всем флаконом с фигурной крышкой. Не за корсаж, если что.

Мы остановились возле ритуального круга с перевернутым пустым ларем – скорбным напоминанием, что ведьмаку тоже, мягко говоря, не сvezло с родственниками. Смотреть на окрестные кусты с оплавленными черными листьями и переломанными ветвями было по-настоящему больно. Лишь красная бузина продолжала жизнерадостно ловить редкие лучи изредка выглядывающего из-за облаков солнца, да коварный табероус высовывал коробочки из-под мясистых полосатых листьев.

– Здесь! – повелительно кивнула я.

В молчании, бросая на меня мрачные взгляды, ведьмак завернул рукав рубахи, открыв сильное предплечье. Мы крепко сцепились в замок, обхватили запястья. При первом касании в разные стороны брызнули искры, а кожу неприятно закололо.

– Светлая чародейка... – Ведьмак запнулся и быстро спросил: – Тебя как зовут?

– Агата, – недовольно бросила я и добавила: – Истван.

– Из тех самых?

– Не делай вид, что не в курсе. Уверена, бургомистр тебе все выложил, – сухо вымолвила я. – Продолжить не хочешь? Или проникся светлым даром?

На подначку он не отреагировал и заговорил мягким приятным голосом, никак не гармонирующим со злобным блеском в светло-карих глазах. С другой стороны, зачастую самые ужасные вещи люди говорят с самыми теплыми, доверительными интонациями.

– Светлая чародейка Агата из ковена Истван, возвращаю тебе дар с чистой душой...

Из ритуальной фразы слов, конечно, не выкинешь, но у меня вырвался глумливый смешок. У ведьмака сделалось такое лицо, что стало ясно: он не пытается меня грохнуть только потому, что стал заложником нашей маленькой нелепости.

– И с благими намерениями, – договорил он, словно выплевывая каждое слово, и дернул головой, поторапливая меня.

- Темный чародей...
- Фентон.
- Темный чародей Фентон из клана Хэдлей...
- Варлок, – отрывисто исправил тот.

По моей территории слоняется мошенник, выдающий себя за племянника Матильды Хэдлей? Ну все! Терпение иссякло. Не то чтобы прежде я предпринимала попытки терпеть по соседству ведьмака. Клянусь, он за все ответит: за загаженный огород, за воровство чужого наследия и, особенно, за страшнейший бардак в моей спокойной, налаженной жизни! Или я не Агата Истван.

Вот прямо сейчас и начнет отвечать. Только магией обратно поменяемся.

– Темный чародей Фентон из клана Варлок, возвращаю тебе темный дар с чистой душой и благими намерениями, – четко произнесла я ритуальную фразу. – Да будет так.

– Да будет так, – договорил этот самый Фентон Варлок.

Мы смотрели друг на друга и ждали, когда случится великое чудо.

Ни великое, ни маленькое, вообще никакое чудо происходить не торопилось. Я шмыгнула носом, осознавая, что мы прокололись. Ведьмак кашлянул в кулак, должно быть, от конфуза. Очевидно, и дальше держаться за руки, сжимая запястья, не имело никакого смысла.

– Проклятие, – невесело хохотнул Фентон. – Я удивился бы, если бы все получилось настолько просто.

Надежда на быстрый обмен лопнула как большой мыльный пузырь. Внутри всколыхнулся гнев. Но яростным взглядом невозможно превратить подлеца в камень, только магией. Ее-то во мне имелось в избытке – Варлок был из колдунов, способных одним ритуалом запоганить жизнь чародейке. И темная сила пульсировала внутри, незнакомая и агрессивная, будоражила кровь, но без умений была совершенно бесполезна.

Сжав кулаки, я прошипела:

– Что же выходит? Моя магия осталась у вора чужого наследства? Блеск!

– Полегче со словами, светлая, – посуровев, сцедил ведьмак.

– Я и сотой доли того, о чем сейчас думаю, тебе не высказала! – взвилась я. – Если ты не вор, какое отношение имеешь к Хэдлеям?

– Семья Хэдлей много лет входит в клан Варлок.

– А ты кто такой? Очень, знаешь ли, хочется знать, в чьих руках моя родовая сила.

– Я их верховный маг, – веско уронил он.

Все традиции у ведьмаков родом из темных времен магических войн и огнедышащих драконов. На тринадцатый день рождения они вызывают демонов, чтобы в зрелости у избранных везунчиков случилось восхождение силы. Они становятся верховными магами. За такими идут темные чародеи и прислужники, а нечисть несется, не чувствуя под собой копыт. Понятия не имею, почему его побаивается Йосик. Возможно, от переизбытка уважения.

– Ничего не слышала о твоём клане, – процедила я. – Он не особенно знаменитый? Или просто угас?

И хотя ответ можно было прочитать в глазах ведьмака, он его все же озвучил:

– Поэтому я здесь: чтобы мой крошечный, никому не известный клан не угас окончательно. Так что, светлая... – Фентон сделал ко мне шаг. – В твоих руках тоже непростая сила, и мне очень хочется ее вернуть. Бессмысленно злиться. Выход есть.

– Тогда поделись гениальной идеей, верховный ведьмак. Вдруг сработает, и мы поменяемся обратно.

– Обратимся к памяти предков, – неожиданно предложил он.

Я даже моргнула, пытаясь понять, о чем он толкует, а потом брезгливо поморщилась:

– Ты духов, что ли, предлагаешь вызвать?

– Мы же светлые, право слово, – неодобрительно покачал Фентон головой, словно именно я предложила воззвать к какой-нибудь темной ведьме. – Просто расчехлим родовой гримуар.

– Покажешь родовую книгу? – присмирив неожиданно даже для себя, переспросила я. Все-таки не зря умные люди говорят, что гнев – плохой советчик.

– Скажу больше: дам ее прочесть. – Он почти с отвращением посмотрел на свои искрящие пальцы, и голубоватые отблески инфернально отразились в глазах. – Вряд ли предки Варлоков сейчас меня признают.

Обшарпанная дверь в соседский дом оказалась настезь раскрытой. Мы дружно встали перед порогом. Холл ничуть не

изменился: выглядел уставшим и печальным. Облезлые стены, словно поглощали скудный прозрачный свет, проникающий с улицы. В полу зияла дыра.

Ладно, я по привычке опасалась входить в ведьмовской дом без приглашения. Вдруг шарахнет каким-нибудь заковыристым заклятием? Почему застрял Фентон, оставалось неясным. Любезно ждал, когда я налюбуюсь на его жилище?

– Может, позовешь? – нетерпеливо буркнул он.

– Хочешь, чтобы я тебя пригласила? – Изогнув брови, я указала пальцем в дверной проем: – Вообще-то, это твой дом.

– Но из нас двоих ты с темной магией, – напомнил ведьмак, словно об общей неприятности можно было забыть за пять коротких минут.

– Ну ладно... – чувствуя себя если не чокнутой, то где-то очень близко, протянула я. – Добро пожаловать, чародей Фентон Варлок, в ведьмачье логово. Не стесняйся чувствовать себя как дома, потому что ты действительноходишь в собственный дом.

Тот кинул на меня крайне недовольный взгляд и, перешагнув через порог, бросил:

– Чего застряла? Отдельного приглашения ждешь?

Конечно, жду, демоны тебя дери!

– Буду считать, что ты меня пригласил, – пробормотала я себе под нос, проникая в жилище темных магов.

Оно находилось в страшном упадке. В углах свисала паутина. Исхоженный пол натужно скрипел и ходил ходуном. Потолок почернел от влажности, и запах стоял, как в лавке старьевщика. Немногочисленная мебель была накрыта пыльными чехлами. Портрет бывшей хозяйки, висящий в гостиной над камином, потемнел настолько, что в нем едва угадывались очертания женской фигуры.

Всегда считала, что люди чешут языками, когда говорят, будто портреты сильных ведьм заполняются тьмой. Но – гляньте-ка! – на стене висел черный прямоугольник в богатой раме, похожий на окно в преисподнюю.

– А где Дюк? – полюбопытствовала я.

– Кто такой Дюк? – не понял его безответственный хозяин.

– Твой любимый неживой питомец.

– В погребке, – неопределенно кивнул он, и как-то сразу вспомнилась дыра в полу холла, откуда мог выбраться не только отдельно взятый мертвец, а целое древнее зло.

– Он проснется и на тебя нападет, – мрачно предсказала я. – Умертвия предпочитают первыми жрать светлых.

– Надо было закрыть его на замок? – развеселился ведьмак.

– В идеале подпереть дверь шкафом и заколотить дыру в холле, – назидательно высказала я.

Фентон бросил над плечом насмешливый взгляд.

– В погребке не нашлось ни шкафа, ни двери.

Ей-богу, он слишком легкомысленно относился к вопросам о содержании экзотических любимцев, способных прикончить полдеревни. А учитывая, каким голодным пробудится Дюк, вполне вероятно, в расход пойдет целая деревня. Кровавый пир начнется со светлого, живущего рядом и неспособного защититься магией.

– Уверена, из тебя выйдет сытная закуска, – с ехидцей протянула я, тут же в красках представив, как Дюк гоняет по дому взрослого мужика. – Хочешь, займу сковородку? Чтобы было чем отбиваться.

– Рассчитываю, что к его пробуждению закуской опять станешь ты, – парировал он и жестом руки пригласил меня войти в кухню, галантно пропустив вперед. – Кстати, почему Дюк?

– Он похож на моего дядьку, – поделилась я. – Дюк – ловец за воскрешенными мертвецами. По-моему, иронично.

– Не то слово, – хмыкнул ведьмак.

Кухня единственная выглядела обжитой, пусть и неопрятной. На очаге, облицованном потускневшими от времени изразцовыми плитками, стоял подкопченный чайник. Из каменной раковины выглядывал край кастрюли. Массивный обеденный стол выглядел крепким, как и деревянные стулья возле него. Их было всего два.

Фентон подошел к потемневшему от времени посудному шкафу, громоздкой машине с глухими дверцами. Именно в таком должен был водиться призрак, но прислужница ведьмы Матильды почему-то поселилась именно в моем шкафу! С усилием ведьмак выдвинул натужно заскрипевший глубокий ящик и вытащил оттуда завернутую в черную замшу книгу.

– Ты хранишь гримуар в ящике для полотенец?

– Готов поспорить, что твой спрятан в исподнем, – как-то ловко угадал Фентон.

– За кого ты меня принимаешь? – презрительно фыркнула я и мысленно поставила галочку, что белый гримуар следует перепрятать в место понадежнее одежного сундука, стоящего в изножье кровати.

Если бы старая ведьма Розалинда, в смысле, уважаемая бабуля, при жизни догадывалась, что ее уникальную колдовскую книгу завернут в плотненькие панталоны и прикроют ночными сорочками, немедленно переписала бы завещание на моего папеньку.

Прежде чем положить сверток на стол, Фентон ладонью смахнул со столешницы хлебные крошки. Развернул замшевый отрез. Темный гримуар был полностью окован серебром и напоминал шкатулку. В сложном узоре угадывались запирающие магические символы, а в центре зияли две круглые дырки.

– Ему нужна жертва, – объявил ведьмак, наблюдая, с каким пристальным вниманием я разглядываю этот кладезь вражеских чар.

– Нет уж! Ни одной капли крови Истванов не упадет на темную книгу! – категорически отказалась я принимать участие в очередном изуверском ритуале. Знаю этих темных: сначала просят кровушкой покормить, а потом и палец отчекрыжить. – Пойдем за белой книгой. Она не кровожадна.

– В этом гримуаре знания клана за триста лет, – заметил Фентон.

Умеет же подлец найти нужные слова, чтобы соблазнить девушку на непотребство! Совершенно точно предки не одобряют, что я согласилась с такой позорной проворностью:

– Давай ритуальный кинжал.

– У меня есть нож.

– Надеюсь, не кухонный?

– Охотничий, – уточнил Фентон и двинул обратно к шкафу, видимо, чтобы предъявить этот, прости господи, заменитель ритуального артефакта.

– Ты им кого-нибудь уже резал? – с подозрением прищурилась я.

– В смысле, кроме хлеба и умертвий? – не понял ведьмак.

– Давай лучше кухонный нож, – немедленно решила я. – Мне только дырочку в пальце проковырять.

– Ножи здесь тупые и ржавые.

– Темный, как ты вообще до верховного дожил? – проворчала я и, сердито выдернув из пучка острую шпильку с круглым стеклянным шариком-навершием, ткнула в палец. Было скорее неприятно, чем больно.

Тяжелая капля упала на оклад, стремительно разлетелась тонкими линиями, обводя зашифрованные в узорах магические символы. И на этом дело закончилось. Гримуар сам себя не раскрыл.

– И? – не поняла я, подозревая, что охочим до чужой крови предкам не хватило жертвы.

Внезапно в отверстиях вспыхнули два огонька, словно под серебряной маской с прорезями пряталась морда демонического чудовища. Колдовская книга оказалась с сюрпризом! В ней жила чья-то душа. Подозреваю, что ее создателя. Я о таких слышала, но ни разу не встречала, и вопросительно покосилась на Фентона.

– Когда-то Варлоки были сильным кланом, – невозмутимо пояснил он.

– Что случилось потом?

– Потом они практически исчезли, – скупое отговорился он и кивнул: – Открываешь?

Бабкина книга с завидной регулярностью шарахала меня магией. Ей не нравились плохо вымытые руки, освещение, луна не в той фазе, ретроградный Меркурий, да и бог знает какие еще мелочи. Видимо, сказывался возраст (хотя и странно думать, будто гримуар страдает старческим маразмом). Однако темный живой гримуар оказался не из капризных: позволил себя открыть без ворчания или плясок с бубнами.

Титульный лист украшал уже знакомый искусно нарисованный герб в форме огнедышащего дракона. Следующую страницу плотной сероватой бумаги с истрепанным срезом заполняла чернильная вязь строк из острых крупных литер.

Но не успела я просмотреть текст, как он начал исчезать. Сначала строчка за строчкой, а потом испарился разом весь.

– Ты ведь недавно стал верховным магом? – спросила я как будто между делом, переворачивая страницы. Они были пусты.

– С чего ты так решила? – мигом подобрался Фентон, не обманувшись небрежностью тона.

– Ты сказал про Варлоков «они», а не «мы».

– Зачем спрашиваешь, если сама догадалась? – в его голосе звучало ожесточение. Видимо, сама того не подозревая, я оттоптала новоявленному верховному большую мозоль.

– Пытаюсь понять, почему родовой гримуар прячет заклятия.

– Со мной он был разговорчивее, – нехотя признался Фентон.

– Древний шовинист! – ткнув пальцем в рыхлый сероватый лист, обругала я гримуар, и под пальцем неожиданно растеклись чернильные строки. – Смотри-ка, снизошел! Не зря бабка Розалинда говорила, что мужика надо обругать, чтобы он начал хоть что-то делать.

– Спорное утверждение, – хмыкнул Фентон.

– Но с твоим гримуаром сработало.

В паре абзацев неизвестный ведьмак давал изуверские советы, как заставить непокорную деву замолкнуть на седмицу-другую. Причем без магии. Он предлагал запереть «языкатую дочь» на полчаса в подземелье с умертвиями. Если не онемееет, то точно научится выбирать выражения.

– Еще и садист, – осуждающе покачала я головой.

– Но совет дал неплохой, – протянул ведьмак с неожиданно мечтательной интонацией.

– В какой строке? – Я одарила его убийственным взглядом и принялась перелистывать гримуар.

Через добрую дюжину страниц колдовская книга начала приоткрывать тайные знания. Вернее, тайными они были лет триста назад. Не дай бог, узнают светлые! Но сейчас, как бы смешно ни звучало, подобные заклятия разбирались в общем курсе темной магии в светлой академии. В теории, конечно. Никогда бы не подумала, что появится возможность опробовать их на практике.

– погоди! – остановил меня Фентон и кивнул: – По-моему, нам подойдет.

Заголовок гласил: «Как поработить дар светлого отродья».

– Триста лет назад чародеям явно не хватало указа о политеесе, – неодобрительно покачала я головой.

– Можно подумать, сейчас ему кто-то следует, – хмыкнул Фентон.

– Я.

Он покосился на меня с нескрываемой иронией:

– Когда?

– Да почти всегда!

– Ключевое слово «почти», – хмыкнул он, и мне не удалось припомнить случая, когда я действительно следовала королевскому указу. По крайней мере, без искреннего возмущения.

Мы склонились над книгой и некоторое время в дружном молчании изучали неразборчивые строки. Автор не стремился облегчить жизнь будущим поколениям Варлоков и сыпал такими витиеватыми метафорами, что без бокала вина не разберешься.

– Чадо тьмы, забрать силу проще у светлого иного пола, существа мягкого и подверженного влиянию, – прочитала я вслух и неодобрительно кашлянула, выражая глубокое презрение к тому, что чародеек обозвали глупенькими существами. Существами, прости господи! Чтобы у этих предков язык отсох. – Переплетись корнями и конечностями со светлым отродьем, слейся в едином потоке сознания... Что нам предлагают сделать твои замороченные предки?

– Полагаю, что переспать, – невозмутимо пояснил Фентон.

У меня дернулся глаз.

– Чудесно, – сухо прокомментировала я.

– Считаешь совет рабочим? – весьма подозрительно оживился ведьмак.

– Считаю, что сошла с ума, если ожидала от ведьмаков чего-то дельного. Или хотя бы приличного!

Он потер небритый подбородок и протянул:

– Если хорошенько подумать...

– Даже не смей ни о чем таком думать! – перебила я.

– Если просто допустить мысль... То во время этого... кхм... ритуала мы, возможно, расслабимся и поменяемся силой естественным образом.

– А если силой не поменяемся, то хотя бы расслабимся. Получится, что не зря пытели, – издевательски заключила я.

– Давай рассуждать логически: предки плохого не посоветуют, – настаивал Фентон, словно действительно всерьез принял совет улечься на алтарь для тривиального занятия.

Что сказать? Только ритуальной близости для полного набора неприятностей нам и не хватает!

– Укокошу, – категорично объявила я, – зарюю в компостной яме и вобью табличку, что при жизни ты мечтал о воскрешении! Пусть на

твою могилу, как мухи, слетятся некроманты.

– Ты меня пугаешь, фея.

– Я очень рада.

– В смысле, что за праведный гнев? – Он выглядел озадаченным. – Ты девственница, что ли?

– Ну все! – окончательно озверела я. – К демонам некромантов! Сама подниму тебя из компостной ямы.

– Мне будет плевать на цвет магии, но ты никогда не вернешь свой драгоценный дар.

– Овладею темными заклятиями и стану верховной ведьмой твоего маленького клана, – парировала я. – Если подумать, тоже неплохой вариант.

– Ты неправильно меня поняла. – Он выставил ладони в примирительном жесте. – Ты не привлекаешь меня как женщина, и я тоже не в восторге от идеи...

В любом споре возникает тонкий момент, когда следует притвориться немым, чтобы не выглядеть полным кретином. Фентон Варлок этот момент мастерски упустил. Я задохнулась от негодования, уже не понимая, отчего злюсь больше: от предложения улечься в койку или от уточнения, что ни капли ему не нравлюсь.

– Почему я все еще с тобой разговариваю, дремучий колдун? – пробормотала я себе под нос и резко скомандовала: – Идем читать светлый гримуар! Уверена, у Истванов найдется нормальный совет без этой вашей... темной пошлости.

Я извлекла белую книгу из-под ровных стопок исподнего и болезненно поморщилась. Острыми окованными уголками колдовской гримуар натягивал панталоны в цветочек, штанины с кружавчиками болтались. Выглядело так, будто его пытались одеть, как куклу. Было очевидно, что ведьмак, сидящий в кухне, непременно оценит, и издевательских шуточек не избежать.

Он развалился за столом, с любопытством рассматривал посудный шкаф. Йосик, мелкий предатель, доверчиво поцокивал вокруг его вытянутых длинных ног, помахивая хвостиком.

– В твоём шкафу живет нечисть, – проинформировал меня Фентон с глумливой улыбкой.

– Да неужели? – с фальшивым возмущением охнула в ответ. – А я-то не знала.

– Что она там делает?

– Чашки от воров сторожит! – буркнула я и, перешагнув через его ноги, с независимым видом пристроила засунутый в зимнее исподнее гримуар. – Доставай.

Последовала длинная пауза. Судя по кривоватой ухмылке, и панталоны, и цветочки ведьмака впечатлили. Он даже попытался открыть рот.

– Не смей ничего говорить! – сердито перебила я. – Просто вытащи его и открой.

Фентон выразительно кашлянул в кулак, поднялся и с такой издевательской рожей извлек книгу из панталон, выразительно натягивая пояс двумя пальцами, что мне захотелось схватить с крюка сковородку.

– Тебе следует его перепрятать, – старательно пряча издевательский смех, проговорил он.

– Так и сделаю, когда смогу до него дотрагиваться! – отозвалась я, скрещивая руки на груди.

Но ведьмака, к моему огромному удовольствию, нагнала карма! Скидок на пол, возраст и цвет волос бабкина белая книга не делала и во всей красе продемонстрировала дурной нрав. Назидательно шарахнула Фентона таким магическим разрядом, что в разные стороны полетели искры. Он прекратил сыпать насмешками, а начал витиевато ругаться матом.

– У каждой книги свои недостатки, – с самым невинным видом пожалала я плечами. – Твоя кровожадная, моя капризная.

– Стервозная, – прошипел ведьмак, растирая прокушенную магией руку.

– Зато без пошлостей!

«Дщерь света, если хочешь завладеть темной силой во имя добра и благодати, то слейся с колдуном в тесных объятиях, оплети его, как лоза...» – без экивоков советовал этот кусок древних знаний, который я искренне считала целомудренным, как монашка перед постригом.

– Да вы сговорились, – процедила я себе под нос. Никогда еще светлые чародейки не подставляли праправнучку в таком эпичном масштабе.

– Похоже, у наших предков единство мнений, – с неуместным весельем прокомментировал Фентон.

– Вообще, будем откровенны: ни в одной из книг не сказано, как должен проходить обряд, – высказалась я.

– А много вариантов? – заинтересовался ведьмак, видимо, сильно заинтригованный, чем порадует его воображение чопорная светлая чародейка.

– Мы можем провести ритуал стоя. И полностью одетыми, – предположила я.

– Безусловно, можно и так. – Ведьмак скользнул по моей фигуре оценивающим взглядом. – Весь вопрос в предпочтениях.

– Придержи плотоядные взгляды для своего шабаша! В книгах нигде не сказано, что надо укладываться в койку. Совет можно трактовать по-разному.

– Не хочу, чтобы ты подумала, будто тебя к чему-то подталкивают, но трактовка тут одна, – развел руками похотливый ведьмак. – Я много прочел странных советов. Этот говорит о близости тел.

– Думаю, нам достаточно покрепче обняться. Чем не физическая близость?

– Никакой сексуальной энергии.

– Обнимемся крепко и эротично. Я разрешу себя... за что-нибудь подержать.

Ведьмак подавился на вздохе.

– За что именно? – уточнил он в кулак.

– Откуда мне знать, что в твоём представлении эротизм? – вышла я из себя. – За что надо, за то и возьмешься!

На мой взгляд, особенно обдумывать здесь было нечего, но в кухне повисла странная пауза. Взъерошив пятерней рыжеватые волосы, Фентон спросил:

– Потискаемся здесь или во избежание ремонта желаешь выйти?

Я покосилась в окно. Солнце окончательно спряталось за дымные облака. В неопрятных сумерках огород выглядел по-особенному жалким, словно чудом пережил конец света.

– Выйдем, – скомандовала я, по-прежнему опасаясь за сохранность дома.

Не стовариваясь, мы друг за другом двинули к входной двери. За нами посеменял любопытный Йосик и замер в дверном проеме, робко покачивая хвостом, когда мы встали под жестяным козырьком лицом

друг к другу. Наверное, со стороны походило, что двое чародеев решили устроить задорный магический поединок.

С самой серьезной миной Фентон раскрыл объятия, без слов предлагая в них нырять. Я потопталась возле него и пару секунд, словно юное одухотворенное создание, выдавшее мужчину только из окна пансиона благородных девиц, примерялась, как потеснее прислониться к крепкому торсу. Ведьмак ждал, а потом все-таки посоветовал в высокомерной манере опытного мужика:

– Будь естественнее, фея.

– Тебя естественнее прикопать, а не обнимать, – проворчала я себе под нос и все-таки обхватила его поперек ребер. Прильнула к твердокаменной груди щекой, прислонилась всем телом и, сцепив в замок пальцы на его поясе, неожиданно почувствовала, как в судороге свело его поджарый живот. Фентон пах дурманным сугубо мужским ароматом.

– Чего стоим? Кого ждем? – буркнула я, ожидая, когда он уже замкнет ритуальные объятия.

Тяжелые сильные руки уверенно легли мне на спину, крепко прижали к горячему телу. Справедливо говоря, ни за что противозаконное он не хватался, я даже несколько расслабилась. Ладно, зачем врать? Полностью расслабилась, ведь стоять в тесной близости оказалось уютно.

Но непродуктивно. Не схватишься за запястье, чтобы торжественно произнести ритуальные фразы.

– Мне стоит повернуться спиной, – пробубнила я.

– Здравая мысль, – отозвался он в мою макушку.

Я развернулась и прислонилась лопатками к его груди. Однако спина вдруг сделалась ужасно чувствительной! Остро ощущалось рельефное тело ведьмака.

– Ты чего заерзала? – проворчал он, щекоча дыханием мои волосы.

– Стоять неудобно, – буркнула я.

– Так прижимайся теснее.

Он уложил раскрытую ладонь мне на ребра и заставил подвинуться так, что пряжка его ремня уперлась мне в поясницу. Я ойкнула или крякнула, сама не поняла.

По канону мы переплели пальцы и вновь по очереди произнесли ритуальные фразы. Сцепленные руки внезапно охватило синее пламя, испускающее сизый дым. Этакая дикая смесь между темной и светлой силой.

Едва финальное «да будет так» поставило точку в обряде, колдовской огонь потух.

– Удалось? – тихо спросила я, отступая от ведьмака, и поспешно призвала магию.

Кончики пальцев облизал полупрозрачный дымок. В гробовой тишине откуда-то издевательски каркнула ворона, как бы тонко подчеркивая эпичность провала.

– Я начинаю думать, что мы обречены, – тихо проговорила я, рассматривая тающую на ладони темную магию.

– Мы все еще можем испытать мой способ... – начал было Фентон, но, проткнутый навывлет яростным взглядом, поднял руки в успокоительном жесте: – Наверняка ты права, и результат будет такой же.

– Какой покладистый, даже напрягает, – пробормотала я, проходя мимо него в дом.

– Я давно усвоил, что не стоит спорить с упрямой женщиной, – поделился он мужской мудростью. – Проще позволить ей сломать шею, чем объяснить, почему не следует лезть в склеп.

– Очень поэтично, – проворчала я. – Видимо, ты много знаешь о женском упрямстве.

– И прекрасно прожил бы без этого знания, – чуть слышно выдохнул он.

И столько в его голосе прозвучало скрытой обреченности, что невольно я почувствовала к неизвестной даме симпатию.

Усевшись за стол, некоторое время мы провели в опечаленном молчании. Петунья испуганно притаилась в шкафу, и только Йосик шумно скакал по кухне, пытаясь поймать муху. Не понимаю, как в мой заговоренный от насекомых дом вообще залетела крылатая тварь, но приходилось прятать ноги под стул, чтобы табуретка их не отдавила.

– Мы что-то упускаем, – задумчиво проговорил Фентон, перелистывая белый гримуар. – Что вчера случилось?

– Кроме твоего зубодробильного ритуала, шарханувшего молнией? – уточнила я.

Ведьмак резко повернул голову.

– Что ты сказала о молнии?

Я почувствовала, как меняюшь в лице. Догадка была неловкой, неуместной и даже смешной. Она вселяла надежду, что нам еще повезет разобраться с магическим хаосом без лишних телодвижений. В общем, сегодня я решительно страдала нехарактерным оптимизмом. Не иначе как от потрясения.

– Считаешь, мы поменялись местами из-за молнии?

– Других предположений у меня нет.

– Чудесно! – воскликнула я и добавила через паузу: – Осталось понять, кто нам ее вызовет.

– Хороший вопрос. – Он потер небритый подбородок и продемонстрировал светящиеся кончики пальцев: – Объяснишь, как этой штукой пользоваться?

У меня вырвался смешок.

– Этой штукой я с детства училась пользоваться.

– Значит, дождемся грозы.

Невольно мы посмотрели в окно. Сказать, что на улице распогодилось, было бы большим преувеличением. Серые низкие облака, больше не пропускающие солнечные лучи, грозили ленивым дождем, но ничто не предвещало грозу с громовым шабашем и охапкой трескучих огненных молний.

– Когда-то гроза придет. Главное, чтобы не следующим летом, – заключил Фентон и тяжело, как старик, вздохнул, словно вложив в этот самый вздох глубокое недовольство.

– Так вот оно, значит, какое, – зачаровано пробормотала я, ощущая внутри нечто новое, совершенно мне не характерное.

– Что? – не понял он.

– Чувство бессилия. Никогда такого не испытывала.

– Я знаю, что нам надо! – вдруг глубокомысленно объявил ведьмак.

– Да? – оживилась я.

– Поешь. На пустой живот думается плохо.

Некоторое время он выжидательно смотрел в мою сторону.

– Ты хочешь, чтобы тебя накормила я? – возмутилась от неуместной соседской приткности.

– У меня шаром покати.

– Так и иди катай шары! Зачем рассиживаться в чужой кухне и ждать трех блюд на фарфоре? Я привыкла обедать позже.

Вернее, обедала два раза в седмицу, когда из таверны привозили горячее. По-моему, прекрасный натуральный обмен! Они мне доставляли еду, а я им регулярно обновляла заклятия от разных паразитов. В том числе, двуногих.

Остальное время перекусывала на ходу. Готовить самой себе было лень. Поначалу, конечно, пыжилась: пару раз похлебку сварила. Не очень съедобную. Удобрив ее старую компостную яму, признала, что стряпуха из меня посредственная, и перестала напрасно портить продукты.

Неожиданно в животе булькнуло от голода. В царящей тишине только глухой не услышал бы этого непотребного звука, а ведьмак все-таки глухотой не отличался. Исключительно частичной, когда слышишь только то, что хочешь.

– Когда ты, говоришь, обедаешь? – протянул он.

– По вторникам и пятницам! – огрызнулась я.

– Так это у тебя не характер паршивый, просто ты всегда голодная, – глубокомысленно заключил Фентон.

Врезала бы сковородкой! Даже поднялась за этим смертоносным орудием справедливости, но неожиданно обнаружила, что направляюсь в кладовую к холодильному коробу.

Ели то, что бог послал. Вернее, что осталось от последних даров горожан. Запивали козьим молоком. Поцапались за последний кусок ветчины. Ведьмак утверждал, что лучшее оставляют гостям, а я искренне считала, что гости не имеют права наглеть. В итоге поделили пополам. Почти. Мне достался кусок побольше.

Когда с перекусом было покончено, со стола убрано, но ни одной хорошей идеи не возникло, с улицы донесся грохот подъезжающего экипажа. Через недолгое время кто-то затрещивал в колокольчик, висящий перед калиткой.

– Ты кого-то ждешь? – нахмурился Фентон.

– Нет, – отозвалась я, прислушиваясь. – Сам уедет.

Но незваный гость легко сдаваться не собирался и намека, что дома никого нет, а если и есть, то ему не откроют, предпочел не заметить. Он звенел колокольчиком с такой яростью, словно случился пожар. Половина хозяйства давно полыхала, а я сидела в погребе перед

рабочим столом и не замечала, что скоро превращусь в поджаренный гренок.

Между прочим, колокольчик был трофейный, купленный на легендарном ночном рынке, и возрастом этому, с позволения сказать, неожиданному визитеру точно годился в прадедушки. Никакого уважения к старине, покрытой благородной патиной! Он заранее мне не нравился.

– Он сейчас колокольчик сорвет, – сощурилась я.

– Дорог сердцу? – усмехнулся Фентон.

– Не то слово. Почти как огород, который ты разворотил.

Не успела договорить, как колокольчик подавился звоном и замолк на несколько секунд. У меня екнуло сердце и забилося заново, когда по огороду разлетелась звонкая трель.

– Похоже, твой гость никуда не собирается уезжать, – вернувшись к изучению бабкиного гримуара, как будто между делом заметил ведьмак.

– Ладно... – Я поднялась из-за стола и огладила платье ладонями. – Сейчас я от этого... источника шума избавлюсь и вернусь.

– Сковородку? – любезно уточнил Фентон, видимо, потешаясь над мрачным выражением моего лица.

– Зачем? Просто выпровожу по-хорошему, – высокомерно заявила я, но едва открыла входную дверь, как колокольчик вновь поперхнулся звоном, словно из него с корнем выдрали пестик. – Или придушу голыми руками.

– Другими словами, выпроводишь по-плохому.

– Как пойдет.

Любопытный Йосик немедленно ринулся следом, по давней привычке планируя лично поприветствовать гостей. Он сильно любил принимать визитеров и, подозреваю, недоумевал, почему они столбенеют от вида ходячей табуретки. В отличие от Петуньи, все-таки обремененной кое-каким интеллектом, он не причислял себя к предметам интерьера.

– Табуретка, под стол! – повелительно скомандовал Фентон, действительно заставив табуретопса с цоканьем ринуться в указанном направлении.

Звон, долетавший, должно быть, даже до соседней фермы, оборвался, едва я зашагала по каменной дорожке. Между оплетенных

розами прутьев мелькал полосатый сюртук. Я отодвинула засов и открыла калитку. Передо мной стоял высокий детина с пшеничными вихрами и сытым лицом. Могучим телосложением он напоминал круэльского кузнеца, если бы этот добрый и простой человек втиснулся в столичный костюм.

На дороге стоял дорогуший экипаж, запряженный двумя лошадьми. На козлах сидел кучер в форменной зеленой ливрее и недоверчиво таращился в мою сторону. Не знаю, кого он ожидал увидеть по другую сторону калитки.

– Госпожа чародейка! – охнул детина. – А я звоню и звоню...

– Я заметила. Ты кто?

Тот заснул за пазуху руку и вытащил письмо, аккуратно сложенное и скрепленное красной сургучной печатью со знаком ковена Истванов. Тут настроение у меня окончательно испоганилось, хотя, казалось бы, сделаться хуже оно просто не может.

– Посыльный, значит, – мрачно резюмировала я и вскрыла печать.

– Не то чтобы посыльный... – пробормотал он, неожиданно покрываясь красными пятнами.

«Чародейка Агата Истван, дочь пресветлого Вацлава Иствана! – Папаня начал официально, умудрившись назвать себя в третьем лице. – Общим решением ковена присылаю тебе неокрепший...»

Я покосилась на мощного парня, способного устоять и не согнуться даже под ведьминым ветром. Под недовольным взглядом он тоже устоял. Разве что нервно переступил с ноги на ногу и шмыгнул носом.

«... неокрепший сорняк».

Конечно, огородные аллегии отец не обошел стороной. Как его, видимо, припекало, что старшая дочь из специалиста по защите от темных чар превратилась в провинциальную колдунью с собственным приусадебным хозяйством. Корову, что ли, завести? Тогда папенька вообще спать перестанет. Точно! Саблезубую корову. Заодно и дом будет охранять от незваных гостей.

Или же нехитро поселить в сарае умертвие Дюка. Тоже дивная идея. Надо на досуге обдумать.

«Прими его! – между тем настойчиво требовал уважаемый отец. – И с благодарностью возрасти достойного мага. Уверен, с твоим чутким уходом зацветет даже лопух».

Ученики мне, в принципе, снились только в кошмарах. Особенно подобного физического... масштаба. Как говорила бабка Розалинда, я не настолько богата, чтобы кормить дракона. А сейчас этот, с позволения сказать, драконов сорняк в веселеньком сюртуке вообще явился в самый неподходящий момент.

– Ясно, – заключила я и захлопнула калитку перед носом у изумленного парня. Пока он хватал ртом воздух, задвинула засов, чтобы ни этому доморощенному ученику, ни его охраннику-кучеру не пришло в голову вламываться на чужую территорию без спроса.

– Учитель! – Парень схватился за прутья, но напоролся на розовые шипы и, взыв, отпрянул на шаг. – Госпожа учитель, куда вы?!

Он склонился. В просвете между розами появились глаз, нос и румяная щека.

– Домой, – недоуменно кивнула я в сторону собственного дома.

– А я? – растерялся «сорняк».

– Доброго пути в замок Истван. – Я кивнула в сторону кареты. – Полагаю, обратную дорогу твой кучер знает.

– Но вы не можете меня отправить обратно! – растерялся он. – Матушка уже заплатила за обучение на весь следующий год. Полную сумму, между прочим! С питанием и проживанием.

– Серьезно? – искренне развеселилась я тем, что и среди богачей попадаютя сущие лопухи. – Прямо с питанием и проживанием?

– Ага! С трехразовым питанием, – горячо кивнул он, взмахнув вихром. – Полный пансион.

– Кому платили?

– Пресветлому, – охотно пояснил маменькин сынок.

– Чудесно, – я растянула губы в издевательской улыбке.

– Лично в руки! – добавил он серьезно.

В общем-то, я с отцом согласна, что он не парень, а лопух. Я-то знакома с расценками в замке Истван за обучение школяров, мечтающих познать тайны светлых заклинаний. Некоторые будущие чародеи вовсе обладали не магическим талантом, а так... хвостиком от последней литеры в слове «магия».

– Вот пусть он тебя и обучает. Если откажется, то верните деньги. Все, до последней медяшки, – по-доброму посоветовала я. – Пресветлый, конечно, начнет беситься и стучать посохом, но вы не

тушуйтесь. Пригрозите жалобой в магический совет. Срабатывает безотказно.

Посчитав разговор оконченным, я пошагала к дому.

– Госпожа Агата, стойте! Вы моя последняя надежда! – с паникой в голосе выкрикнул парень. – Мне пришлось взять академ на год! Если я снова провалю испытание, то никогда не получу демонов диплом!

Он что, выпускник?!

Я остановилась и резко развернулась, по-новому посмотрев на парня. В смысле, увидеть мне удалось только полосатый сюртук между прутьев калитки, но и на безвкусную вещь я тоже посмотрела иначе.

Видимо, решив, что ему удалось надавить на жалость несговорчивой бабы, он начал причитать, описывая мытарства и не догадываясь, что жалости во мне было... вообще не было. Я никогда не страдала излишним сочувствием.

– Госпожа чародейка, – зачастил он, вновь склонившись к просвету между розовыми цветами, – мать пригрозила, что выставит меня из дома и вычеркнет из родовой книги, если я не получу диплом. Понимаете? Так и сказала, что даст пинка под зад! Но ни один магистр не захотел меня подтянуть в светлых заклетьях. Вы же лучшей когда-то были...

Я уже отпирала засов и снова приоткрыла калитку.

– В смысле, вы лучшая! – быстро исправился бывший студент.

– Ага, знаю, – насмешливо хмыкнула я. – Говоришь, срезался на последнем испытании?

– Четыре раза! – горячо поддакнул он.

– Природную магию сдавал?

– Когда? – вытаращился он, снова покрываясь красными пятнами.

От страха сказать что-нибудь не то выступила испарина.

– На четвертом курсе, если мне не изменяет память, – сухо подсказала я.

– Вспомнил! – радостно объявил он о просветлении в сознании. – Сдал на «отлично».

– Чудесно!

Уши у «отличника» подозрительно заалели, и он неловко признался:

– Не очень, если честно, чудесно, а хорошо... С минусом. – Он пожевал губами. – Быть точнее, «удовлетворительно» с минусом.

– В нашей ситуации тоже неплохо, – вынужденно призналась я.

– За деньги.

– Так. – Я потеряла правое веко, которое очень подозрительно задергалось. – Но ты представляешь, что такое природная магия?

– В теории, – признался он.

– Кажется, я начинаю понимать, почему тебя поперли из академии перед самым выпуском, – тяжело вздохнула я.

– Но теорию я помню прекрасно! Хоть ночью поднимай и спрашивай. Я вообще неплохой теоретик. И повар! Знаете, я прекрасно готовлю. Год изучал кулинарию. Конечно, втайне от мамы. Она всегда хотела сделать из меня мага, – доверчиво поделился он печальной историей о том, как злая судьба и авторитарная мать вместо хорошего повара превратили его в посредственного чародея. – А что?

– Я возьму тебя в ученики, но придется пройти испытание, – предложила я.

– Испытание, в смысле, как вступительный экзамен?

– Не думал же ты, что тебя примут закрытыми глазами? Я хочу знать, на что ты способен.

– Но ведь мы уже оплатили учебу! – возмутился увалень. – С проживанием, питанием и...

– Помню, – перебила я. – Но мы снова возвращаемся к началу разговора. Учись у того, кому заплатил.

– Я согласен на испытание! – резко выпалил он и, нервно оправив сюртук, уточнил: – И что надо будет это... наколдовать?

– Вызовешь магическую молнию и останешься здесь. Обещаю сделать из тебя первоклассного мага.

– Мо-молнию? – вдруг начала заикаться наша с Фентоном последняя надежда не опозориться перед всем магическим миром и втихомолку поменяться даром, не выходя из огорода. – Вызвать молнию с помощью магии и теории, которую я предположительно... которую я прекрасно знаю.

Я дернула плечом, давая понять, что он ни в чем не ошибся.

– Учитель, а может, бог с ними, с молниями? – с жаром спросил он. – Давайте лучше покажу, как чудесно варю мясной супчик? Не буду скромничать, но готовлю я божественно!

– Как хочешь.

Я попыталась закрыть калитку, но студент ловко подставил ногу, не позволяя снова отрезать себя от колдовского дома. Подозреваю, что туфлю металлической створкой зажало знатно, но он только крикнул. Тихо, прошу заметить.

– Вызываем молнии! Я вам тут целую грозу устрою, – горячо кивнул он, взмахнув вихром, и в порыве вдохновения указал пальцем в сторону ведьмовского логова: – Хотите, загромыхаю громом и сожгу заброшенный дом?

– Боюсь, сосед не придет в восторг, – фыркнула я и скомандовала: – Заходи.

– Спасибо, учитель! – счастливо провыл парень и обернулся к кучеру: – Выгружай багаж!

– Какой еще багаж? – Я высунулась на улицу и разглядела привязанный к карете вместительный дорожный сундук. – Не сметь!

Несчастный слуга плюхнулся обратно на жесткую лавку, а лошади испуганно застригли ушами.

– Так что делать, госпожа чародейка? – жалобно спросил он, несколько побледнев лицом.

– Езжайте в город, там неплохой гостевой дом. Если утром хозяин не появится, то возвращайтесь, – скомандовала я слуге и кивнула парню: – Идем, ученик, познакомлю тебя... с еще одним экзаменатором.

Студент последовал за мной семенящими шагами, видимо, из последних сил стараясь не наступить на пятки.

– Учитель, можно спросить? – не выдержал он на середине дорожке. – Вы сказали, что я сам вернусь в город...

– И что тебя смущает? – не поняла я, бросив над плечом взгляд, но сумела увидеть, только полосатый пиджак.

– Как же я вернусь без кареты? – наивно уточнил он.

– На самом надежном транспорте. «Ноги» называется. Никогда ими не пользовался?

– Приходилось, конечно, – пробормотал он.

– Чудесно! Освежишь навыки.

Я открыла входную дверь, продемонстрировав нехитрое убранство кухни и коварного ведьмака. Он сидел на стуле, скрестив

руки на груди, и с хитрой физиономией ожидал нашего появления. Левая бровь поднялась в вопросе, дескать, кого ведешь, фея?

– Совершенно неожиданно нашла нам светлого чародея! – объявила с порога и повернула голову к парню: – Познакомься, это...

– Нильс! – быстро представился он и, сделав шаг вперед, макушкой задел висящий уличный фонарь. Раздался странный звук, словно по пустой кастрюле ударила медная поварешка. Фонарь зашатался. Нильс поспешно остановил маятниковое раскачивание и густо покраснел.

– Нильс, – согласилась я.

– Баек, – добавил он. – К вашим услугам.

– К нашим услугам Нильс Баек, – продолжила я представление с уверенностью, словно сватала ведьмаку юную светлую девицу, а не парня комплекции кузнеца. – Он без году дипломированный светлый чародей и способен вызывать молнии.

Тот нервно огладил сюртук и почему-то вошел в дом бочком, словно боялся не вместиться в дверной проем. Фентон, следивший за неуклюжим проникновением, не скрывал глумливой ухмылки.

– Примите мое почтение, господин чародей, – добавил Нильс.

– Не напрягайся, он темный, – деловито объявила я, закрывая за парнем дверь.

– Вы мирно сосуществуете с темным? И даже ходите друг к другу в гости? – изумленно воскликнул он. – Это так современно! Всегда считал, что светлые и темные обязаны жить в мире и согласии.

Мы уставились на парня как на пришельца из другого мира, неожиданно зачитавшего указ о пиетете между чародеями.

– Ты действительно так думаешь? – переспросил Фентон.

– Нет, – покаялся Нильс.

– Хорошо, теперь ты нравишься мне чуть больше, – хмыкнула я и обратилась к ведьмаку: – Сегодня ночью Нильс продемонстрирует нам, как умеет вызывать молнии.

Фентон поднялся со стула и выпрямился во весь рост, отчего просторная кухня, куда ни разу не вмещали плечистого ведьмака и два шкафа, один из которых передвигался, а в другом жил призрак, вдруг показалась тесной.

– Я искренне надеюсь, светлый, что ты умеешь управлять природной магией и покажешь сегодня класс.

– Это да... – Он обтер руки о пиджак и озабоченно покрутил головой: – А учебник здесь есть? Теорию освежить.

Глава 5

Плохая хорошая идея

Понятное дело, учебных фолиантов в моем доме отродясь не имелось, а предлагать родовую книгу в качестве учебника – кощунство... Но я, конечно, предложила. Белый гримуар отказался разговаривать с недоучкой: огрел возмущенным разрядом, заставив его рукав дымиться, и поглотил надписи даже на титульном листе.

– Что же мне делать? – растерялся Нильс, сбивая искры с подпаленной рубашки.

Не тревожа Петунью больше из здорового нежелания плодить слухи, что старшая Истван живет с нечистью, я выдвинула из шкафа ящик с письменными принадлежностями. Вытащила чистую бумагу, чернильницу и перья.

– Хорошо, Нильс. – Пристроила это все перед учеником. – Раз память предков себя тревожить отказалась, придется напречь тебе собственную. Пиши, что помнишь.

Фентон бросил на меня странный взгляд, а следом обратился к парню:

– Нильс, тыходишь в ковен Истванов?

Очевидно, он начал подозревать, что нам достался не совсем чародей. В смысле, чародей, но только будущий.

– Это была бы огромная честь, но они берут лучших, а меня никуда пока не позвали, – доверчиво пояснил тот, поерзав на стуле. – Сейчас подтяну с учителем магию, обязательно куда-нибудь примут. Главное, не в северные ковены. Не люблю холод.

– Учитель? – Ведьмак посмотрел на меня, и лицо у него сделалось неприятное. Видимо, от окончательного прозрения.

И нечего тут строить рожи! Я тоже была не в восторге, что придется довериться недоучке, но что-то не вижу у калитки очереди из чародеев любого цвета, готовых вызвать для нас качественную грозу.

– Госпожа Агата лучшая, и попасть к ней большая честь! – Нильс решил, что лести много не бывает, и еще чуть-чуть польстил. Пришлось его остановить сдержанным покашливанием.

– Ага... Можно тебя на пару слов? – Фентон дернул подбородком, предлагая мне выйти в огород, и немедленно удалился из кухни.

Грохот хлипкой двери, не привыкшей к варварскому обращению, как бы тонко подчеркнул, насколько дражайший носитель моей родовой магии не одобряет гениального плана использовать недомага.

– Нильс, ты начинай пока ковыряться в памяти, я сейчас вернусь, – скомандовала я и вышла следом за Фентоном, стоящим под дверью.

Погода, к сожалению, за последние полчаса совершенно не изменилась. По-прежнему грозила неспешным дождем, который оказался истинно неспешен и даже идти пока не собирался. Под кустами уже сгущались тени. Да и вообще суматошный день медленно клонился к вечеру, а покой на горизонте никак не брезжил.

Ведьмак почесал бровь, словно у него тоже начался нервный тик верхнего века, и тихо проговорил:

– Исправь меня, если я что-то упущу. У нас есть ты, я и школяр, которого изгнали из академии за неуспеваемость.

– Ничего подобного! Меня еще не выгнали, – вдруг прозвучал негодующий голос Нильса, заставивший нас невольно поднять головы к приоткрытому кухонному окну. – Я ушел в академ по собственному желанию!

– Видишь? – поддакнула я. – Зачем наговаривать на человека? Он почти маг.

Фентон кашлянул, словно пытался подавить поток ругательств. Честное слово, я уже начинала за него беспокоиться: целый час прошел, а ведьмак не сказал ни одного бранного словечка.

– Знаете, госпожа Истван... – вымолвил он. – Теперь и я готов признать, что мы обречены.

– Не хорони хороший план раньше ночи, – возмутилась я. – Дай ему шанс! Возможно, Нильс нас удивит...

Внезапно в доме тонко, почти по-женски взвизгнули:

– Учитель, у вас одержимая табуретка!

Мы с ведьмаком недоуменно переглянулись. Раздался такой страшный грохот, что я поморщилась и представила художественную дыру в полу посреди кухни, как в холле соседского дома. По всей видимости, у Нильса перевернулся стул.

– Посудный шкаф тоже одержим! Учитель, на дом напала нечисть! Мебель ожила! – вскрикнул он, словно встретил не нечисть, а зеленомордого пришельца из параллельного мира, и болезненно взвыл: – И начала драться, окаянная!

Действительно внутри дома задребезжали стекла. Видимо, Петунья продемонстрировала самый забористый из своего арсенала трюк и резко открыла дверцу шкафа, припечатав бесящего гостя по физиономии.

– Госпожа учитель, что мне делать?!

– Не приставать к ней! – приказала я.

Судя по агрессивному звону, грохоту и задорному цоканью подпрыгивающего Йосика, нечисть пошла в окончательный разнос. Тетушка мстительно учила школяра-переростка хорошим манерам и обозначала личные границы, а песик просто думал, что с ним играют, и радовался. Как себя чувствовал Нильс, оставалось тайной. Он молчал, как шпион на допросе.

– Пожалуй, пойду к себе, – хмуро объявил Фентон. – Срочное дело появилось.

– С чего такая внезапность? – удивилась я.

– Хочу завещание написать, – вполне серьезно поделился он и начал загибать пальцы, словно мысленно ставил галочки: – Назначить преемника. Сказать, что не желаю посмертной жизни. Верховному надо уходить, не оставив после себя двусмысленности. Иди спасай студента, чтобы он потом спас нас.

В кухне шло восстание домашней нечисти. На полу лежал перевернутый стул, валялись листы писчей бумаги и смятый сюртук, на его спине красовался след от мужской туфли. Петунья хлопала дверцами, как крыльями, грозясь лишиться резных стекол. Под этот грохот загнанный в угол Нильс отбивался от Йосика одежной вешалкой. Со стороны казалось, будто он пытался насадить скачущего табуретопса на рогатину.

Я прикрыла на секунду глаза и глубоко вздохнула, представив себя спокойной гладью мертвого озера близ замка Истван. Бог с ним, с оптимизмом. Никогда не верила в лучшее, и не стоило начинать в столь паршивый день. Буду по-простому излучать терпение.

– Развлекаетесь? – тихо спросила я.

Мой сдержанный негромкий вопрос произвел эффект взорвавшейся шутихи. Бунтари замерли, и наступила звенящая тишина. Петунья перестала хлопать дверцами и под строгим взглядом скромно прикрыла створки. Йосик без команд потрусил под стол, волоча за собой хвост-кант. И только Нильс продолжал выставлять вешалку, как садовые вилы.

– Почему табуретка на меня нападала? – жалобно спросил он.

– Она считает себя псом и думает, что ты с ней играешь, – спокойно пояснила я и кивнула на вешалку: – Уже можно поставить.

Вешалка досталась мне от Петуньи, и я искренне считала, что деревянное основание для устойчивости приколочено к дощатому полу гвоздями. Оказалось, что мне просто не хватило сил ее сдвинуть. В отличие от Нильса Баека. Не зря умные люди говорят, где есть сила, там и магии не надо.

– Вы живете с нечистью... Как эксцентрично! – Он резко повернулся ко мне и, естественно, напоролся на выразительный взгляд. – Я хотел сказать: как экзотично.

– В мой дом вечно проникают странные создания, а потом отказываются его покидать, – тонко намекнула я на толстые обстоятельства.

Нильс на голубом глазу намек понимать отказался и с невозмутимым видом принялся наводить порядок. Повесил на возвращенную в угол вешалку нелепый полосатый сюртук, перевернул опрокинутый стул, собрал с пола рассыпанные и исхоженные Йосиком чистые листы писчей бумаги. А я внимательно читала на надорванной и расчеркнутой странице, что он успел выудить из памяти...

– Ну как? – тихо спросил Нильс, пытаясь заглянуть в собственные записи, словно в них еще ничего не видел.

– С памятью у тебя явно имеются проблемы, но надежда есть. – Я указала на стол. – Присаживайся и слушай, как правильно вызвать магическую грозу, чтобы все остались живы.

– Может, еще и покажете? – оживился студент, пристраиваясь на соседний стул.

– Если бы я могла показать, то сейчас ты был бы на пути в Истван, – пробормотала я.

К глубоким сумеркам писчая бумага закончилась, два раза иссякли чернила в трех самописных перьях. Нильс пыхтел, корпел и

переспрашивал. Я прохаживалась по кухне туда-сюда, внимательно слушала, как вспаренный студент раз за разом повторяет порядок призыва грозы, и с облегчением понимала, что в конце беспросветного тоннеля забрезжил свет.

Появление Фентона оборвало его на полуслове. Ведьмак встал в кухонных дверях и в высшей степени недоволено, словно оказался оскорблен до глубины души, прокомментировал:

– В твоём доме есть свет.

Неволью я посмотрела на потолок. На толстой цепи вниз спускался стеклянный шар с мелкими яркими светляками. Они, как мотыльки, бились в толстые стенки, отчего по кухне плыла полупрозрачная мозаичная тень.

– Нильс зажег.

– С бытовыми заклятиями у меня полный порядок, – немедленно уверил студент, решивший, что моя просьба зажечь в кухне светильники – это просто прихоть вредной чародейки, проверяющей его магический потенциал, а не жизненная необходимость.

Если неожиданно наш план провалится, то следующий месяц мне придется днем и ночью жить с полным освещением в кухне. Пока светляки не издохнут без чародейского вмешательства. Но я искренне верила, что учитель из меня вышел неплохой, и Нильсу удастся воспользоваться щедро отсыпанными знаниями на практике.

– Почему у тебя в руках черпак? – спросил ведьмак.

Тут-то с превеликим удивлением я обнаружила, что действительно держала поварешку и, расхаживая по кухне, выразительно прихлопывала ею по ладони, как указкой. Понятия не имею, когда она оказалась в моих руках. Зато сразу стало ясно, почему Нильс вжимал шею в плечи каждый раз, когда я подходила к нему со спины и читала каракули в записях. Видимо, опасался, что за ошибки его этой самой поварешкойогреют и выбьют только-только приобретенные знания.

Кашлянув, я поспешно отложила грозное оружие на кухонный прилавок и спросила:

– Закончил с завещанием?

– Не дописал.

– У тебя так много наследников и богатств, господин верховный ведьмак? – съехидничала я.

– Верховный?! – округлив глаза, тихо выдавил Нильс, и пришлось на него цыкнуть, чтобы прикусил язык, дескать, прекрати, как малое дитя, удивляться всему, что видишь.

– Стемнело, – недовольно признался этот самый верховный. – Одолжи фонарь.

– Бери, – милостиво согласилась я поделиться уличным фонарем. – Но Нильс уже готов к вызову грозы. Думаю, пора начинать.

– Я?! – Студент подавился на вздохе и побледнел, словно собрался грохнуться в обморок, снова опрокинув стул. – Можно морально подготовиться?

Вряд ли полуобморочный чародей был способен вызывать грозу, так что отправился подышать свежим воздухом. Мы с Фентоном через окно следили за его метаниями между грядками.

Йосика я тоже отпустила на улицу после недовольного замечания ведьмака, дескать, жестоко запирать питомца, когда он может вымазаться в огороде. Хотелось верить, что умертвие на самовыгул он все-таки не выпускал.

Некоторое время табуретка и нервный чародей маячили туда-сюда. Сначала нечисть следовала за Нильсом, а потом наоборот. Они словно играли в очень медленные ловитки.

Неожиданно студент встал спиной к дому, словно что-то задумал, расставил ноги на ширину плеч и резко поднял руки, задрав измятую рубашку.

– Что он делает? – недоуменно уточнил Фентон.

– Кхм... – нахмурилась я. – Тренируется?

Нильс между тем встряхнулся и снова яростно вскинул вверх руки. Между ладонями прочертился эффектный голубоватый разряд, озаривший вздыбленный светлый вихор.

На кухне погас свет. Некоторое время, пытаясь оценить успехи ученика, мы с Фентоном провели в молчании и в зловещем полумраке.

– Лампу не дам, – через паузу проговорила я. – Зажги ритуальные свечи. Говорят, черный воск неплохо горит.

– У тебя за душой хоть что-то святое есть? – недовольно проворчал ведьмак.

– Странно слышать о святом от человека, воскресившего зомби, – фыркнула я в ответ и добавила: – Могу дать свечи, но они лавандовые, от непривычки вызывают мигрень.

– Я не девица, чтобы страдать мигренью, – надменно отозвался ведьмак.

– Как скажешь. – Я дернула плечом. – Но за капли от головной боли придется платить монетами.

– Всегда на соседях наживаешься?

– Ты ведьмак, на тебе не грех нажиться, – фыркнула я. – Между прочим, слухи врут: светлые чародейки питаются не воздухом и не солнечным светом. Мы, как бы тебе поточнее сказать, не фиалки.

– Я заметил, – издевательски хмыкнул Фентон. – Тебе еще ученика кормить.

– Ученика будет кормить тот, кому он деньги отдал, – отказалась я от любых притязаний на преподавательское знамя. – А у меня уже есть один живой шкаф. Только он неподвижный и есть не просит.

Между тем Нильс расправил плечи, размял шею и с самым решительным видом повернулся к дому.

– А куда свет делся? – спросил он, хотя определенно собирался сказать что-то другое.

– Потух. Неожиданно... – Я неопределенно махнула рукой, дескать, не забивай себе голову мелочами, а сосредоточься на главном. – Ты готов?

– Да! – кивнул он и вдруг промямлил: – Нет... Не знаю.

– Выбери один ответ, – предложила я.

– Я готов, учитель!

– Видишь? – Я легонько пихнула ведьмака, задумчиво потирающего небритый подбородок. – Он полностью готов.

– Что-то мне подсказывает, что все закончится печально, – недоверчиво покачивая головой, пробормотал Фентон. – А я не дописал завещание.

– Не каркай, – буркнула в ответ и постучала три раза по подоконнику.

Хотела предложить, чтобы он осенил себя божественным знаком, но где ведьмаки, а где божественное. Боюсь, если Варлок перевернется на светлую сторону, то в мире пошатнется равновесие добра и зла, а местечковое нашествие хаоса перерастет в глобальный конец света.

Темнота между тем быстро сменяла грязные сумерки, и огород уже не выглядел трагично разоренным. Местами даже казался приличным местом, где мирно сосуществовали аптекарские травы,

красная бузина и верховный ведьмак. И только место, изуродованное вчерашним ритуалом, потемки не скрасили.

Даже на расстоянии я почувствовала, как Нильс вобрал в грудь побольше воздуха, готовый разразиться неудобными вопросами.

– Если хочешь что-то спросить, то лучше перехоти, – посоветовала я.

Нильс зачем-то посмотрел на Фентона. Видимо, надеялся, что тот переведет ему совет на мужской, то есть человеческий, язык.

– Лучше помалкивай и колдуй, студент, – хрипловато рекомендовал он.

– Учитель, клянусь, что унесу все тайны вашего огорода в могилу! – пообещал Нильс, и очень хотелось попросить его хорошенько постараться, чтобы сегодняшним поздним вечером вместе с тайнами он не унес в могилу нас всех. – Но все же... Это ритуальный круг, да? Я такие в учебнике видел.

– Нет, это сад камней, – спокойно возразила я и выразительно покосилась на Фентона. – Просто мне попался паршивый садовник.

Ведьмак сделал вид, будто проглотил выпад в его сторону, но, встав позади, так красноречиво сжал мои плечи, что пришлось отдавить ему каблуком ногу. Надеюсь, он понял, что плечи у меня не казенные и не стоит их сдавливать почему зря.

И пока мы безмолвно цапались, Нильс выискивал удобное положение и готовился: топтался на месте, зачем-то пинал камни мыском туфли. Наконец он нервно размял шею и вскинул руки. Мы напряженно замерли в ожидании забористой грозы.

– А куда, кстати, молнии направлять? – Он вдруг повернул голову, словно не заметив, что между мной и темным расстоянием, мягко говоря, не политесное.

– В нас, – спокойно распорядилась я.

– В вас?! – поперхнулся на выдохе Нильс и уронил руки, чтобы прижать их к екнувшему сердцу.

– Мы специально скучковались.

– Она хотела сказать, в сад камней, – дипломатично поправил Фентон и указал пальцем для определенности: – Бей в ларь.

Судя по всему, неживая цель студента все-таки пугала меньше. Он нервно взъерошил и без того вздыбленный вихор.

– Ну, я начинаю.

– Начинай, начинай, – легким взмахом руки благословила я, а потом вцепилась в запястье ведьмака. – Не тушуйся. У тебя все получится! Мы в тебя верим.

– За всех не говори, – едва слышно буркнул Фентон.

Наконец Нильс призвал магию. Между возведенных ладоней прочертился агрессивный разряд. Полупрозрачный магический свет озарил макушку и могучие плечи.

Поднялся ветер. Не злой, как бывает при темном колдовстве, но тревожный: предвестник большой грозы. Небо над нами потемнело, в мгновение ока собралась тяжелая мрачная туча. В ее глубине злобно сверкнуло, и по окрестностям прокатился грозный громовой пережат.

Мы с Фентоном прижались потеснее и за мгновение до ослепительной вспышки призвали магию. Молния ударила в ларь, земля содрогнулась от басовитого грома. Она не причинила вреда создателю, а нас окружил плотный магический кокон, отразивший волну обжигающего воздуха. Последовавшая за ударом тишина показалась оглушительной. Ларь красиво дымился, а по земле нарисовалась дорожка из трепетных язычков пламени.

Разомкнув объятия, мы с ведьмаком отошли друг от друга. И даже расцепившись, каждый остался при своей магии! С наслаждением я расставила светящиеся пальцы, и между ними прочертились хрупкие ершистые молнии.

Благословенный дар, переданный мне от предков, вернулся. А ведьмаку возвратилась эта его темная хтонь. Он сжимал и разжимал дымящийся кулак, кажется, не до конца осознавая, что сила вырвалась из плена светлой чародейки.

Ошеломленный Нильс изумленно разглядывал свои руки, словно впервые их видел.

– У меня получилось! – пробормотал он. – Госпожа учитель, вы гений!

– У него получилось, – с высокомерием обратилась я к Фентону. – Признайся, темный, что идея оказалась недурна, и Нильс сумел тебя удивить...

Новая молния сверкнула неожиданно, когда ее никто не ждал и, прямо скажем, уже не хотел. Мы с Фентоном шарахнулись в сторону на долю секунды быстрее, чем под гневный громовой пережат в землю ударил огненный столб.

Я падала плохо: споткнулась о камень, запуталась в юбочном подоле и полетела лицом в речные камни, выставив руки. Но помощь пришла, откуда не звали, не ждали и, в общем-то, совсем не жаждали.

Ведьмак схватил меня в охапку и широкой ладонью прикрыл затылок. Упала я мягче, чем могла рассчитывать, надежно прижатая к крепкому мужскому телу. Понятия не имею, откуда в нем проснулась тяга к рыцарству – в ведьмаке, а не в его теле, – но никогда меня, профессионального мага, еще не спасали от падения.

И пока мы приходили в себя от резкой смены вертикального положения на горизонтальное, мир ослеп от очередной вспышки, и под басовитый грохот грома новая молния превратила истерзанный куст сирени в факел. Следующая ударила вглубь огорода, заставив землю гудеть от тока.

Ведьмак не просто возлежал рядышком, а ловко прикрыл меня сверху, не давая ни вздохнуть, ни пискнуть. Я барахталась, пытаюсь освободиться. Кому-то следовало остановить грозное недержание, пока молнии не перекинулись на фермерские поля. Но Фентон из нормального циничного ведьмака, накануне тащившего меня на плече, как мешок с соломой, вдруг заделался в одержимые телохранители и начал защищать!

Что у него щелкнуло в голове, только ему ведомо, но отбиваться пришлось энергично. Я умудрилась извернуться и пихнуть ведьмака коленом в поджарый живот:

– Да отпусти же ты!

Ведьмак крикнул и, откатившись, позволил мне сесть. Убрав с лица взлохмаченные волосы, я поднялась и с высоты не то чтобы значительного роста оглядела развороченный огород. Грядки дымились, полыхал куст сирени. Хрустели и плавилась ветви. На землю стекали огненные кляксы. От рыжих отблесков вокруг танцевали уродливые inferнальные тени. Огонь грозился перекинуться на другие деревья.

В общем, все, что вчера не успел испоганить темный ведьмак, допоганил светлый чародей. Я начинаю подозревать, что дело не в цвете дара, а в принадлежности к мужской половине нашего славного общества.

– Твой школяр, фея, действительно умеет удивлять, – соскребшись с земли и выпрямившись, оценил ущерб Фентон.

– Он отцовский школяр.

Пришлось напомнить себе, что цель оправдывает средства: лучше лишиться огорода, чем светлой магии, и призвать чары. Пальцы знакомо вспыхнули голубоватым светом, и куст погас. Остался обгорелый остов, в воздухе заструился пахнувший гарью дымок.

– Нильс, ты где? – раздраженно спросила я.

– Здесь! – подал он голос откуда-то из кустов. – Не беспокойтесь обо мне.

И не собиралась...

– Вылезай!

– Не могу, но пытаюсь! – провыл тот. – Рубашка зацепилась, и я застрял. Спасите, учитель!

Однако он вывалился из кустов быстрее, чем его успели спасти так, чтобы ему захотелось в этих самых кусках окопаться. Чуб стоял дыбом, порванная на боку рубашка вылезла из-за пояса брюк. В прорехе мелькал упитанный животик, трогательно нависающий над ремнем. Сразу видно, человек больше любит готовить, чем колдовать.

– Учитель, это была битва не на жизнь, а на смерть, – объявил он, оглаживая себя по бокам. – Я порвал рубашку, но вырвался.

Именно в этот момент, словно дождавшись, когда зрительный зал заполнится, приготовится внимать и восхищенно охать, темноту прорезала очередная молния. Под одобрительный громовой раскат она влетела в железный штырь от сломанного флюгера, с незапамятных времен торчавший на крыше ведьмовского дома. В разные стороны посыпались искры и поскакали по старой черепице, покрытой темным мхом.

– Твою же мать! – коротко выразил Фентон отношение ко всему происходящему.

– Не ругайте маму, господин темный чародей! – пробубнил Нильс, словно действительно имел право голоса. – Она хорошая и очень меня любит...

Взгляд упал на ведьмачий дом, и я почувствовала, как начинаю меняться в лице. На крыше сверкали языки огня. К грозовой туче, то и дело вспыхивающей свирепой зарницей, тек сизый дым.

– Ведьмак, у тебя крыша горит! – охнула я.

– Тут ты права, у меня подгорает...

– Да крыша дома горит! – перебила я, указав в сторону старого особняка.

Фентон круто развернулся. Пламя между тем, ничем не остановленное, входило в силу. Ведьмак цветисто выругался, вновь мастерски вплетя в одну фразу светлых чародеев, и где именно он всех нас видел. Место, к слову, он упомянул неприглядное.

– Не смей на меня орать! – возмутилась я. – Сейчас потушу. Раскудахтался, как индюк...

– Курица, – зачем-то поправил Нильс, которому из чувства самосохранения следовало изобразить безответный столб или, в крайнем случае, слиться с кустами.

– Светлые... – сцедил, как выплюнул, ведьмак и не позволил мне вскинуть руки. Взял спасение собственного жилища на себя, видимо, посчитав, что сегодня ему достаточно причинили добра.

Не хочу злорадствовать, но... Сколько отвесил зла вчера, столько в ответ получил светлой благодати сегодня. Практически магическое равновесие по Агате Истван.

Колдовал Фентон основательно и как будто веско. По-мужски. В раскрытых ладонях за клубилась магия, глаза почернели, а на лице затанцевали тени от огня. Воздух вокруг его напряженной высокой фигуры пошел рябью. Что говорить! Верховный ведьмак был силен.

И, подчиняясь этой силе, огонь начал медленно съеживаться. Уходил неохотно, выплевывал снопы искр, вспыхивал то с одной, то с другой стороны, надеясь, что новые языки не заметят и не затрут. Но в конечном итоге стих и исчез. В воздухе, только-только наполненном запахом грозы, разливалось зловоние пожарища.

– Кхм... – Я кашлянула и заметила: – Всегда говорила: хорошо то, что хорошо заканчивается.

Огласив окрестности предсмертным хрипом умирающего дракона, крыша с хрустом провалилась вниз, оголив каминные трубы. Они-то, в отличие от нас, не дрогнули. Брызнула почерневшая от огня черепица. Нам под ноги отлетело несколько осколков. Пространство постепенно успокоилось, и воцарилось молчание, отдающее предчувствием большого скандала.

– Ну... – протянула я, пытаюсь отыскать хотя бы что-то положительное в возникшей проблемке, – у тебя еще остался первый этаж.

Неожиданно дом заскрипел, как-то подозрительно вздрогнул. С ужасающим грохотом, оборвав одеяло плюща и подняв облако пыли, рухнул кусок стены. Сквозь завесу виднелись обнажившиеся внутренности: кусок холла на первом этаже и пустая комната с нетронутым разрушением камином – на втором. Доски, камни и мусор засыпали дорожку под окнами. Разломанные кирпичи скатились к огороду и погребли под собой растения.

– Что сказать? – Я вытянула губы трубочкой, на самом деле понятия не имея, что именно стоило говорить, когда от целого дома осталась только часть. – Обалдеть.

Нет, конечно, мысленно я желала отправить ведьмовской дом к демоническим праотцам, но никогда не думала об этом всерьез. Скажу больше, мы жили практически в гармонии. Он портил деревенский вид, а я никогда не лезла к нему с колдовством.

– Я не виноват! – немедленно снял с себя вину Нильс, видимо, где-то чуточку понимающий, что с заклятиями слегка напортачил. – Колдовал, как меня учили!

Ведьмак развернулся ко мне всем корпусом. В глазах горела ненависть.

– Хорошая идея, говоришь? – прорычал он и указал в трясущегося школяра не менее трясущимся от ярости пальцем. – Без году чародей?! Уверен, конец света в итоге начнется с хорошей идеи, которая придет в твою голову!

Нильс вжал шею в плечи и начал бочком продвигаться ко мне за спину. Так обычно прятался Йосик, когда понимал, что дело плохо и ему грозит вечный беспробудный сон.

– Понятно, что дом жалко, но ты же не планировал здесь оставаться надолго... – Я примирительно подняла руки. – Или планировал?

– Светлые, прокляну... – в тихом бешенстве, грозящем перерасти в бешенство неудержимое, процедил Фентон и двинулся в сторону разрушенного жилища.

Я пожалала плечами и, подхватив грязный подол, отправилась к своему. Нильс, пыхтя, поплелся за мной следом. Он ступал тяжело, под его ногами хрустели сломанные ветки.

– Разве мы не должны ему помочь? – спросил он.

– Проклянет, – равнодушно бросила я.

– Понимаю... – промычал Нильс. – Мы ему уже достаточно помогли.

В доме царили тишина и темнота. После сухой грозы домашняя нечисть не подавала признаков жизни. Щелчком пальцев я зажгла свет и поморщилась: после ночной мглы даже бледная магическая лампа показалась демонски яркой.

– Госпожа Агата, а можно очень личный вопрос? – жалобно протянул Нильс, остановившись на пороге.

– Что еще? – повернулась я к нему.

Со школяра успел слететь чрезмерный столичный лоск. Скажу больше, Нильс выглядел оборванным и ободраным. В прямом смысле этих слов. После боя с колючей малиной поперек левой щеки тянулись длинные царапины, а на грязных брючинах торчали репы. Я и не догадывалась, что у меня где-то вызрел репейник.

– Где я буду спать? – замямшись, спросил Нильс и почесал обожженную крапивой руку.

– Ты хочешь спать здесь? – удивилась я.

В моем идеальном плане, в котором не было разрушено ни одного дома, сразу после обряда школяр отправлялся по направлению к Круэлу и не занимал место в доме, рассчитанном на одинокую чародейку с нечистью в форме мебели.

В лице Нильса появилась неподдельная паника:

– Но не могу же я лечь на улице.

– Там широкая скамейка возле забора, – любезно подсказала я.

– А как же злой ведьмак?

– Думаешь, он тебя облает и съест? – фыркнула я.

– Он клялся меня проклясть.

– Тогда возвращайся в город. Вряд ли он за тобой побежит, чтобы проклясть.

– Посреди ночи?! – охнул он и схватился за сердце, словно собирался прямо на моем пороге отдать концы.

– В Круэле совершенно безопасно, – уверила я. – Нечисти нет. В смысле, вся нечисть живет в моем доме. А единственное известное мне умертвие обездвижено еще на седмицу как минимум. Ты же доберешься до города за седмицу?

– За седмицу?! – воскликнул Нильс. – Если мне по дороге попадется неизвестное вам умертвие?

– Вряд ли... – скептически покачала я головой, но для очистки совести уточнила: – Тебя учили их упокоевать?

– Было дело, – согласился он.

– Вот! Воспользуешься академическими знаниями. Очень полезная, к слову, штука. Счастливой дороги!

Школяр начал бледнеть на глазах и до побелевших костяшек вцепился в косяк. В общем, невеселая перспектива стать вкусной закуской для гипотетического умертвия подкосила Нильса. Он собрался рухнуть прямо мне под ноги, изобразив глубокий обморок.

Магом он был посредственным, поваром непроверенным, но лицедеем точно талантливым. Зря не пошел по цирковой стезе, сбежал бы от маменьки с бродячими артистами, не пришлось бы сейчас изображать трагедию.

– Господи, ладно! – сдалась я. – Откуда вы только беретесь такие, нежные создания? Идем!

Нильсу резко похорошело. На второй этаж он поднимался бодрячком и головой крутил с большим любопытством. Мы прошли мимо открытой двери в мою спальню. Школяр попытался что-то крикнуть.

– Нет, – сухо объяснила я и, минув туалетную комнату, толкнула дверь в единственную свободную комнату. – Можешь сегодня спать здесь.

Свет озарил маленькую комнатку со свисающими с балок пучками трав, заготовленных на зиму (некоторые, должна с прискорбием признать, были заготовлены еще к позапрошлой зиме). Окно скрывала глухая ставня, и спертый воздух трепетно пах сухим разнотравьем... Соломой он, в общем, пах, как на сеновале. Обстановку составляли свисающие веники и два сдвинутых к стене дорожных сундука.

Нильс замялся, но все-таки промычал:

– Здесь нет кровати.

– Зато я точно знаю, где есть кровать, – живенько поделилась я. – В городском трактире. Дивное местечко. Шумное, правда. Но! Когда я там ночевала, посетители вели себя тише воды ниже травы. Очень понятливые люди, если их вежливо попросить не орать. Главное, при этом призвать магию.

Нильс смекнул, что любое неосторожное слово легко доведет его до похода по фермерским угодьям в поисках трактира, и с жаром уверил:

– Знаете, госпожа Агата? Спать на полу очень полезно для спины. У меня после долгой дороги как раз поясницу прихватило.

Для наглядности он потер упомянутую поясницу. Полагаю, она была здоровее моей.

– Чудесно, – с иронией улыбнулась я. – В сундуках лежат одеяла и подушки. Можешь доставать и стелить.

– А умыться можно? – осмелел Нильс.

– Может, тебя еще и покормить? – любезно уточнила я, пытаюсь намекнуть, как зыбко положение бесправного гостя в моем маленьком доме.

– Буду премного благодарен! – наивно обрадовался он. – После чар такой аппетит разыгрался...

– Помнишь про трактир? Там неплохо кормят.

– Да кто вообще в такое позднее время ест? – махнул рукой Нильс. – Кошмары потом замучают.

– Ага, – насмешливо согласилась я. – Сейчас лампу принесу.

– Да я светляк запалю.

– Другими словами, одной сожженной крыши тебе сегодня мало, – пошутила я.

Правда, он шутки не понял и немедленно принялся оправдываться, что ничего специально не предпринимал и в штырь от флюгера вообще не целился. До конца я не дослушала и сбежала за единственной лампой, неспособной превратить мой дом в огромный факел. Если, конечно, Нильс Баек не надумает сделать из нее курильницу. Искренне верю, что нет.

Подозрительная возня под окнами застала меня в тот момент, когда с фонарем в руке я собиралась подняться обратно на второй этаж. На секунду прислушалась к доносящимся звукам. Казалось, что под окнами кто-то ходит. Невольно проверила в кухне Йосика. Вдруг забыла его на улице? Но табуретопес дремал под столом.

Нахмурившись, я толкнула хлипкую заднюю дверь. Свет разрезал ночную темноту и озарил фигуру Фентона. На закорках он тащил мертвые. На локте болталась пухлая заплечная сумка, а под мышкой торчал зажатый сверток с темным гримуаром. В общем, ведьмак был

навьючен, зол и, судя по мрачному взгляду, по-прежнему хотел проклясть всех светлых в радиусе мили.

Не произнося ни слова, он сгрузил Дюка возле стены, словно мешок с сеном, и прошагал ко мне.

– Будем считать, что ты меня пригласила.

– Нет.

– Хорошо, я буду так считать, – объявил Фентон и бесцеремонно подвинул меня в дверях.

С непроницаемым видом бросил на пол набитую вещами сумку, по-хозяйски прошел в кухню и шарахнул на стол сверток с гримуаром. Я многозначительно кашлянула, но сосед не отреагировал. Более того, уселся на стул и принялся стаскивать грязные сапоги!

– Стесняюсь спросить, что ты делаешь? – не выдержала я.

– Зачем же стесняться? – Он бросил на меня хмурый взгляд, и на лбу собрались морщинки. – Разуваюсь.

– Это я и без умников вижу. – Я шагнула к нему. – Вопрос в другом. Почему ты разуваешься на моей кухне?

– Мой дом разрушен, в нем невозможно жить, – проговорил Фентон и избавил себя от второго сапога, а меня – от желания быть вежливой. – Придется переселиться к тебе.

Я подавилась на вздохе и не сразу вернула дар речи, как-то резко меня покинувший от неумной соседской наглости. Ей-богу, никогда в жизни не встречала типа нахальнее! Еще седмицу назад я не представляла, что по соседству поселится ведьмак, а теперь он решил перебраться ко мне за стенку!

С грохотом шарахнув лампой о стол, я уперла руки в бока.

– Не пойму, Фентон Варлок, ты вместе с домом потерял и чувство реальности? Иди в трактир!

– Предлагаешь напиться?

– Предлагаю туда переселиться!

– Так ты изящно меня послала, – догадался он.

– Верно. Я ни разу не гостеприимная.

– Тогда воспринимай меня как постояльца, – любезно предложил он.

– Постояльцы платят за проживание.

– Я оплатил проживание разрушенным напрочь домом.

– Ну не напрочь, будем честны, – деланно поморщилась я. – У тебя еще погреб остался. К слову, о жильцах в погребе. Постояльцы с питомцами платят в двойном размере.

– Можешь до фундамента разрушить мой дом. Все ценное я уже забрал. – Он спокойненько похлопал по гримуару. – Не оставляй камня на камне. Отведи душу. В качестве двойной оплаты.

– Так...

Я потерла переносицу, пытаюсь представить себя спокойной гладью озера. Представлялось плохо. В голове крутились кровавые картины, и в них я избивала ведьмака чугунной сковородкой.

К сожалению, просто шархнуть его заклятием было чревато риском и самой оказаться бездомной. Маленькое жилище Петунии вряд ли выдержит магический поединок. Ни огород, ни ведьмачье логово не пережили.

– Господин темный чародей, покиньте мою кухню вместе со своей котомкой и темным гримуаром! – отчеканила я. – В городском трактире вкусно кормят и застилают кровати простынями.

– У тебя нет простыней?

– Как и лишней кровати! – окончательно разозлилась я. – Да предки Истваны в гробах перевернутся, если в моем доме поселится ведьмак. Я сама бы легла в гроб и перевернулась!

Фентон поднялся со стула одним плавным движением и навис надо мной, вынудив задрать голову. В шее как-то нехорошо хрустнуло.

– Позволь напомнить, что сегодня твои предки предложили нам переспать, – тихо напомнил он просто космическое издевательство от прародительниц Истван. – Я им определенно понравился.

– Если следовать твоей логике, то и Варлокам я тоже понравилась?

– Они называли тебя «отродьем», – напомнил он.

– Мои не называли темных «отродьем» только из хорошего воспитания.

– Или здравого смысла.

– По крайней мере, у Истванов он есть! В общем, сумка, умертвие, выход, трактир. Выход, если не знаешь, там. – Я указала пальцем на входную дверь. – Трактир как-нибудь найдешь. Можешь забрать с собой Нильса и по дороге проклясть. И будем в расчете.

– Школяр ночует в доме? – неожиданно оживился Фентон и с подозрительным интересом обернулся к лестнице. – На втором этаже?

Я рот не успела открыть и даже не успела придумать колкий ответ, как он подхватил с пола пухлую заплечную сумку и начал по-хозяйски уверенно подниматься по лестнице, скользя ладонью по деревянным перилам. Грязные сапоги один к другому стояли под стулом.

– Ты куда карабкаешься? – даже несколько растерялась я.

– Спать, – отозвался он. – Так и быть, лягу с твоим школяром.

– Ты одолжение, что ли, мне делаешь?!

– Если бросишь в меня заклятие, то пострадает дом. Ты же не хочешь оказаться бездомной, фея? – словно прочитал он мои собственные мысли и с непередаваемым нахальством скрылся из поля зрения.

Над головой простучали тяжелые шаги. У ведьмака была скверная привычка стучать пятками по потолку, в смысле, по полу. Терпеть не могу! Зато понятно, почему в его холле была дыра. Не иначе как не выдержала «легкой» поступи.

– А говоришь, у тебя нет кровати, – донеслось со второго этажа.

– Я сказала, что у меня нет лишней кровати! – рывкнула я и ринулась вверх по лестнице – спасти собственную спальню от вторжения бесцеремонного захватчика.

Между тем Фентон уже дергал дверь во вторую комнатенку. Та не поддавалась. Живо представилось, как помирающий от страха Нильс отчаянно вцепился в ручку и уперся ногой в стену.

– Занято! – выкрикнул он.

Я на секунду прикрыла глаза, отыскивала в памяти приличные слова и скомандовала:

– Нильс, сейчас же отпусти ручку.

Дверь волшебным образом открылась. Взлохмаченный, раздетый до пояса Нильс виновато выглянул из темной спальни и пробубнил:

– Госпожа Агата, он меня проклянет, пока я буду спать.

– Хорошая идея, – согласился Фентон.

– Учитель, слышите? Пусть идет на кухню. Мне обещали полную безопасность жизни и здоровью.

Как за одну седмицу мой тихий дом превратился в натуральный дурдом? Никак пресветлый наслал чары невезения.

– Вот и ночуй в замке Истван! – вышла я из себя. – Просто ложитесь спать в разных углах, а завтра извольте уйти без лишних напоминаний.

– До завтра еще дожить надо, – бросил Фентон и похлопал Нильса по плечу: – Да, школяр?

Удивительно, как тот не отбросил копыта прямо в дверном проеме, а тихо-мирно потеснился, освобождая дорогу завоевателю.

– Уж постарайтесь дожить. Оба! – проворчала я. – Не хватает утром ваши трупы со второго этажа стаскивать.

Не успела развернуться, как услышала удивленный возглас:

– Фея, у тебя и впрямь одна кровать.

– И она стоит в другой комнате, – пожаловался Нильс.

Выразительно хлопнув дверью, я закрылась в спальне и в одежде упала на заправленную кровать. Хорошо, что не успела перестелить постель. Думала, вечером перед сном аккуратно расправлю чистые простыни, надену наволочки на подушки, уткнусь в них лицом, вдохну запах фиалок. А теперь лежу без сил, дышу гарью, проникающей через щели в оконных рамах, и радуюсь грязному белью. По-моему, упасть ниже просто невозможно.

В тишине за тонкими стенами зазвучали голоса гостей, упрямо доказывая, что я все еще находилась в свободном падении. Но дно стремительно приближалось.

– Школяр, ты решил улечься раздетым? – брюзжал ведьмак.

– Сейчас рубашку надену...

На несколько дивных секунд они замолчали.

– Ты собираешься пристроиться ко мне? – снова прозвучал недовольный голос Фентона.

– Господин верховный, но тут только одно одеяло, – пожаловался парень. – Я не могу спать на голом полу.

– Ложись на сундуки!

Вновь все стихло. Жаль, ненадолго. Внезапно раздался страшный грохот, и содрогнулись стены. Я подскочила на кровати, почти уверенная, что между вторым и первым этажом появилась сквозная дыра.

– Да демоны тебя раздери, школяр! – рявкнул Фентон.

Только демонов для полного набора в моем доме не хватает! Верховный, просто возьми грех на душу, если она у тебя имеется, и

прокляни Нильса Баека неподвижностью. Клянусь, я сделаю вид, что ничего не заметила.

– Простите, господин верховный, – простонал школяр. – Я не помещаюсь на сундуках... Можно мне лечь на краешек одеяла? Клянусь, что ночью не буду к вам прижиматься. Даю слово светлого мага!

Ведьмак привычно ответил бранным ругательством.

Без сил упав на подушки, я прикрыла рукой глаза и прошептала:

– Господи, когда уже этот длинный день закончится?

Вообще, лучше бы меня взволновал вопрос, когда начнется следующий день. А начался он преступно рано: за окном едва-едва занимался пахнувший гарью рассвет. Из мутного сна, в котором я почему-то жарила школяру кабачковые оладьи, меня вырвал истошный звон колокольчика.

В комнате по-прежнему горел верхний свет, я лежала одетая в испачканном ночью платье и тихо ненавидела мир. Особенно ту часть мира, которая спозаранку устроила непотребный, несмолкающий перезвон. На секунду я даже подумала, будто ведьмак из вредности решил разбудить меня ни свет ни заря и предпринять отчаянную попытку загнать на разбор завала, но из соседней комнаты донеслось хриплым недовольным голосом:

– Ты открывать собираешься?

– Сам открой, если надо!

– Ты хозяйка в этом доме.

– И хозяйка не понимает, почему ты все еще в нем! – не осталась я в долгу, мгновенно напомнив, что после пробуждения не планировала лицезреть его небритую физиономию.

Пришлось соскестись с кровати, накинуть на плечи шаль и спуститься на первый этаж. При моем появлении Петунья обеспокоенно зазвенела чашками, словно догадывалась, кто именно заявился в такую несусветную рань, когда все приличные чародеи во сне готовили кабачковые оладьи.

Йосик испуганно топтался перед входной дверью, готовый гнать во весь опор и встречать визитера. Сдержать призрачного пса не удалось. Он вырвался на свободу, перелетел единственную ступеньку и ринулся к калитке, собственно в нее и врезавшись торцом. Звон немедленно прекратился.

– Госпожа чародейка, наконец вы услышали мой зов! – послышался с улицы знакомый голос бургомистра Круэла.

– Дюпри, да вас в столице услышали, – недовольно проворчала я.

– Беда пришла! – умоляюще крикнул тот и через паузу добавил: – Не только к вашему соседу.

Отодвинув ногой оголтело скачущую табуретку, я отперла засов и толкнула калитку. Обычно одетый с иголки бургомистр не походил на себя. Костюм был измят, грязные брюки заправлены в рыбацкие сапоги выше колен. Посеревшие усы торчали щеткой. И сразу стало ясно, что случилось нечто из ряда вон выходящее – в сапогах Дюпри я не видела ни разу.

– Что с вами произошло? – обескураженно спросила его.

– Произошло со всеми нами! Чудовищная гроза! – сбивчиво объяснил он и махнул рукой в сторону города, заставив меня перевести взгляд на заляпанную глиной коляску. – Пока у вас горело, у нас топило! Ливень стоял стеной.

В общем, настоящая гроза досталась не нам, а городу. Природная магия показала себя во всем буйстве.

– А к рассвету поднялась река! – закончил он.

– Какая река? – не поняла я.

Река, конечно, имелась: прорезала лес узкой извилистой полосой недалеко от моего участка. За жаркое лето она обмелела настолько, что практически превратилась в мирный ручей и обнажила огромные валуны.

– Подземная, – объяснил Дюпри и принялся загибать пальцы, вернее, разгибать, протянув ко мне сжатый кулак: – Мэрию затопило, площадь затопило, мой особняк скоро тоже того...

Он замолк, замерев с тремя выставленными пальцами.

– Что еще? – осторожно уточнила я.

Перед мысленным взором появилась картина затопленного Круэла. Милый провинциальный город превратился в безмятежное озеро. Из воды торчала остроугольная крыша мэрии с длинным шпилем и разодранным королевским стягом. Вокруг него в солнечных лучах кружили крикливые чайки, а в воздухе отчетливо разливался рыбный душок. Я даже головой мотнула, чтобы развеять странное видение.

– Госпожа чародейка... Агата! Пока мы разговариваем, наверняка заливает торговую улицу! – с паникой в голосе предрек Дюпри. – Без магии никак. Помогите!

– Ждите, господин бургомистр, – велела я, собираясь захлопнуть калитку.

– Чего? – Он непонимающе моргнул.

– Не могу же я ехать в шали?

– У вас очень симпатичная шаль. – В воздухе Дюпри обрисовал женский контур, словно я была закутана в шаль, как в смирительную рубаху. – Да и вода прибывает. Скоро на лодках поплывем. Мой особнячок...

– Но до города-то мы на коляске доедем? – перебила я.

Он обернулся к собственному транспорту, словно ожидал на дороге обнаружить не запряженную каурой кобылкой коляску, а парусник на колесах и с раскрытыми парусами.

– Очевидно, доедем.

– Видите? За пять минут город не уплывет.

Искренне в это верю... Похоже, кое в чем ведьмак оказался прав: когда-нибудь конец света начнется с хорошей идеи, пришедшей в буйную голову мага. Естественно, я не о себе.

Глава 6

Темная фея, светлый ведьмак

Сложив руки на груди, с помятой со сна физиономией Фентон стоял под жестяным козырьком и поджидал меня. Переросшая рыжеватая щетина на его щеках торчала в разные стороны.

– Город затопило, – коротко пояснила я, проходя мимо него в дом. – Попросили о помощи. Коляска ждет.

– Я еду с тобой, – объявил он.

– Конечно, едешь, – фыркнула я. – Не думал же, что я действительно оставлю темного в своем доме. Где Нильс?

– Там же, где ты его вчера оставила, – с иронией отозвался Фентон.

– Проклял?

– Пожалел, – хмыкнул он.

Я быстро поднялась на второй этаж и заглянула в спальню к студенту. Внутри царили сумерки, воздух ядрено пах мужским духом, отродясь в этом жилище не витавшим. Школяр спал на животе, уткнувшись носом в единственную подушку.

– Нильс, – позвала я.

Сон у здорового Нильса тоже оказался здоров и крепок. Парень не реагировал на внешние раздражители. Он не просто не проснулся, но довольно всхрапнул, словно дрых на теплой перине в родительском доме.

– Нильс!

– Мам, еще пять минут... – пробормотал он.

Сжав зубы от раздражения, я призвала магию. Неожиданно в потемках крошечной комнаты показалось, что в воздух заструился тонкий черный дымок... Я поспешно затрясла руками, и пальцы вспыхнули голубоватым свечением. Привидится же! Даже сердце екнуло.

В удобно подставленный Нильсов филей вонзился колкий магический разряд. Школяр испуганно подскочил на одеяле и проворно сел.

Почесывая обожженный зад, он диковато захлопал глазами. Видимо, силился понять, где проснулся. Чуб стоял дыбом, на расцарапанном кустами лице остался след от подушки.

Сложив руки на груди, я выразительно кашлянула.

– Госпожа учитель! – школяр наконец признал хозяйку дома. – Доброе утро.

– Отвратительное, – не согласилась я. – Вставай!

– Завтракать пора? – как будто обрадовался он.

– Знаешь, от какого слова «завтрак»? От «завтра».

– Уверен, что вы что-то путаете, – внезапно заспорил он.

– Я специалист по защите от темных чар, а не языковед, чего и тебе желаю, – отрезала я. – В общем, сегодня с утра ты не ешь и тихо уходишь.

– Прямо сейчас?

– Чудесное время! Солнце еще не поднялось, до жары успеешь дошлепать до города и найдешь свой экипаж.

– Но погода-то была плохая...

– Значит, успеешь до дождя. У тебя пять минут!

Переодевалась быстро, в мужской костюм, выуженный из-под аккуратных стопок белья в сундуке. Брюки, рубаха, кожаный жилет. Спускаясь на первый этаж, наскоро заплела спутанные волосы в длинную косу.

В кухне полным ходом шли сборы гостей. Нильс с помощью магии пытался вернуть рубашке божеский вид, но ткань истончилась, и разрыв дотянулся практически до воротничка.

Обнаженный до пояса Фентон умывался в кухонной раковине. В разные стороны летели брызги, с локтей на пол стекала вода. Он схватил с крючка чистое кухонное полотенце и вытер небритую физиономию.

– Учитель, я еду искать кучера, а вам-то зачем в Круэл? – поинтересовался Нильс, кое-как справившись с починкой одежды.

– В городе начался потоп.

– Из-за нас? – ужаснулся он и растерянно посмотрел на ведьмака, словно ждал от него подтверждения моих слов.

– Не будем делить подвиг на всех, – проворчал тот, возложив ответственность на студента, хотя тот просто оказался не в то время и

не в том месте. Скажу больше, он понятия не имел, что его светлым даром воспользовались не ради демонстрации умений.

– Ты вещи собрать не хочешь? – намекнула я Фентону, что пора бы и честь знать. Гостеприимству есть предел, и он уже наступил.

– Я вернусь, – бросил тот и, заставив меня подвигнуться, схватил со спинки стула чистую рубаху. Грязная висела на вешалке, рядом с нелепым полосатым сюртуком школяра.

В моем доме имелся явный перебор вещей Фентона Варлока. Сумка занимала стул в кухне, мертвый Дюк все еще валялся под окнами, а темный гримуар, аккуратно завернутый в замшу, лежал на колдовской книге бабки Розалинды. Настоящее вторжение! Должно быть, хитрые ведьмаки сначала поселяли в чужом доме свои вещи, а потом перебирались сами.

– Когда вернешься за вещами, не забудь забрать умертвие, – велела я Фентону.

– Умертвие?! – Нильс сошел с лица. – Живое?

– Нильс, «умертвие» от какого слова? – раздраженно спросила я.

– Мертвый? – уточнил он, словно не был уверен в ответе.

– Мертвое бывает живым?

– Нет? – Школяр без преувеличения оторопел.

– Именно: нет! Умертвия бывают только воскрешенными.

Отличник-теоретик... – насмешливо добавила я и скомандовала: – Сюртук не забудь.

– Спасибо, что напомнили! – Он бросился к вешалке и аккуратно, чтобы не сбросить замызганную ведьмачью рубашку, хотя та висела на рогатине как влитая, снял сюртук. – Мама всегда говорит, что возвращаться – дурная примета.

– Не надо возвращаться. Я от него просто избавлюсь.

Бургомистр Дюпри едва не почесывался от нетерпения. Стоило выйти из калитки, как он подпрыгнул и охнул:

– Я уже снова хотел в колокольчик звонить!

Следом за мной на улицу вывалился хмурый небритый ведьмак и все еще растерянный со сна Нильс, который мял в руках полосатый сюртук и ежился от утренней прохлады.

– Как вас много! – развел Дюпри руками, прямо сказать, опешив от многолюдности. – Вы похожи на клан!

Я выразительно кашлянула.

– Ковен! – быстро исправился он, глянул на изогнувшего брови в немом вопросе Фентона и придумал определение похлеще: – Содружество магов.

В гробу с Дюком мы все видели такой магический союз!

– Вы нас еще семейством назовите, – буркнула я и решительно зашагала к коляске. – Поехали, Дюпри, пока ваш дом не уплыл в другую провинцию.

Я уселась на кожаное сиденье. Ведьмак уже поставил ногу на подножку, чтобы забраться следом, но наткнулся на мой выразительный взгляд и без спора скомандовал бургомистру:

– Дюпри, садись первым.

Троим пассажирам в двухместной коляске было катастрофически тесно. Стиснутый с двух сторон бургомистр скромно сунул ладони между коленей и попытался уменьшиться в размерах. Места, правда, занимать от этого маневра меньше не стал.

– Учитель, а как же я? – растерялся Нильс, осознав, что ему деться некуда. Разве что на лошадь, но вряд ли это приведет в восторг и кучера, и лошадь.

– А молодой человек тоже маг? – оживился Дюпри.

– Я ученик госпожи Истван. Нильс Бак, к вашим услугам, – немедленно представился школяр.

Мне оставалось тяжело вздохнуть и сделать вид, что я вообще понятия не имею, о чем этот странный здоровяк толкует.

– Он поедет с нами? – страшно обрадовался бургомистр наличию еще одного совершенно бесплатного мага.

– Не рискуйте, – отвернувшись, едва слышно бросил Фентон.

– Ага, значит, не едет. – Он поерзал на сиденье.

– Госпожа Агата, но как мне добраться до города? – простонал Нильс. – Вы меня правда заставите идти пешком?

– Что тебя смущает? – удивилась я. – Ноги – самый надежный транспорт. По дороге не поломаются. Главное, под них почаще смотри. Трогаем!

– Нет, подождите уезжать! – Нильс вцепился в край коляски. – Я не знаю окрестностей. А если заблужусь в лесах... полях... на пересеченной местности?

– Впервые слышу, чтобы выпускник магической академии страдал топографическим кретинизмом, – покачала я головой.

– Так я же еще не выпускник! – плаксиво отозвался тот.

– Голубчик, вы просто все время идите на север, – по-дружески подсказал Дюпри, но сделал только хуже. В чистых глазах Нильса мелькнула неподдельная паника.

Потрясающий парень! Утро толком не началось, а он уже успел изобразить недоумение, удивление и испуг.

Вот поэтому королевский театр погибает. Им не хватает таких выдающихся талантов. Стоит время от времени наведываться в магические академии и устраивать прослушивания среди кандидатов на отчисление.

– А где здесь север? – растерялся этот кладезь актерского дара.

– По мху определишь! – отрезала я.

До города мы ехали в хмуром молчании. Низкое серое небо намекало, что солнечным день не будет. Коляска тряслась и подскакивала на кочках. Мы качались вправо и влево, напирали друг на друга. Когда колесо попало в особенно глубокую выбоину, на меня всем весом навалились два тяжелых мужика.

– Господа, вам не кажется, что здесь тесно? – сдержанно спросила я. – Полагаю, кому-то стоит продолжить путь своим ходом.

Дюпри повернул ко мне голову.

– Побойтесь бога, – пристыдила его. – Единственной женщине неприлично месить туфлями грязь.

Он перевел взгляд на мои сапоги. Я покачала головой.

Осознав, что с левой стороны ему ничего не светит, Дюпри с надеждой посмотрел на ведьмака, сидящего по правую руку.

– Нет, – отрезал тот.

– Кучеру? – предложил бургомистр.

Возница не обернулся, чтобы покрутить пальцем у виска, хотя вполне мог бы, но покашлял весьма красноречиво.

В конечном итоге мы добирались до Круэла в тесноте и в обиде на эту самую тесноту, но теперь Дюпри напирал исключительно на Фентона. Что при этом думал сам ведьмак, осталось загадкой.

Над вымокшим насквозь городом довлело серое низкое небо. На улицах, переживших атаку грозовой стихии, было пустынно. По мостовым текли ручьи. Люди прятались по домам, и невольно я заметила, что многие тревожно поглядывали в окна.

Неожиданно мы наткнулись на семейство, поспешно грузившее в повозку скарб. При виде коляски бургомистра женщина в белом чепце, прижимающая накрытую тканью птичью клетку, замерла на пешеходной мостовой, словно пойманный на месте преступления воришка.

– Просил же не выходить из дома! – возмущенно заорал на беглецов Дюпри, проезжая мимо. – Господа чародеи сейчас нас спасут!

Глава семьи бросил на нас недобрый взгляд и что-то буркнул. Не расслышала слов, но в бородатом лице легко читалось, где именно он видел помощь чародеев. И думал он не на языке королевских поэтов.

– Что ты там бормочешь, Сюррей?! – взвизгнул бургомистр, но мы уже проехали мимо деятельного горожанина, а скандалить в воздух было попросту глупо.

– Он сказал: на помощь мага надейся, а сам не плошай, – с иронией предположила я.

– Да? – растерянно уточнил Дюпри.

– Практически.

– У вас такой тонкий слух, госпожа чародейка!

Тут Фентон не выдержал и громко хмыкнул, дескать, никогда не забывайте польстить вздорной чародейке, только бы она не передумала спасти город от наводнения. Я сама не сдержала насмешливой улыбки и отвернулась, чтобы не ранить тонко организованного бургомистра. Он всегда становился заискивающим и угодливым, когда ему что-то остро требовалось. Да даже если речь шла о простой краске для усов.

Коляску нам пришлось оставить в одном из переулков, куда не успела добраться большая вода. Не дожидаясь бургомистра, к которому подскочил вполосенный помощник, я поспешно направилась в центр города. Несмотря на строгий наказ сидеть по домам и ждать магического спасения, как божественного благословения, торговцы выстраивали перед магазинчиками преграды из мешков с песком.

Мое появление люди встретили с энтузиазмом. Некоторые ринулись следом, видимо, рассчитывая посмотреть, как местная магиня (прости господи, меня и так называли) избавит Круэл от водной напасти.

На площади стояла вода, со всех сторон обступившая здание мэрии. Плавали пустые корзины, мусорные короба и прочий хлам.

Разве что чайки не летали.

– Придется выложиться, – прозвучал задумчивый голос Фентона.

С удивлением я обнаружила, что он остановился рядышком и, упершись ногой в пирамиду из мешков, смотрел на воду.

– Хочешь помочь?

– Не колдую бесплатно. Сколько город заплатит за магию? – сощурившись, уточнил он.

– У светлых не принято называть цену, если речь идет о большой беде.

– Как же светлые зарабатывают богатства, если колдуют за просто так? – хмыкнул ведьмак.

– Благодарные люди помогают, – презрительно фыркнула я.

– Видимо, тебе они не особенно благодарны.

– Ты сейчас намекнул, что я плохая чародейка, поэтому скромно живу? – взвилась я, хотя действительно жила скромно, но по собственному принципиальному выбору. – Тогда почему ты пытаешься вселиться в мой бедный дом?

– У меня нет выбора.

– Выбор есть всегда. Котомка, дверь, трактир! – как заклятие от вторжения нечисти, вновь повторила я и указала на здание, стоящее на противоположной стороне улицы.

По иронии им действительно оказался тот самый, горячо рекомендованный Нильсу, трактир. Хозяин заведения стоял в дверном проеме, а на балкончике второго этажа толпились взволнованные постояльцы. Они кутались в халаты и явно представляли, как будут вплавь выбираться из затопленного города. Пришлось по-дурацки помахать рукой, чтобы не подумали, будто в них тычут пальцем.

– Господа чародеи, чего вы ждете? – подскочил к нам Дюпри, не сумевший успокоить встревоженных торговцев.

– Тридцать монет, – потребовал Фентон.

Я почти открыла рот, чтобы возмутиться, дескать, побойся бога, за добро стыдно брать деньги, тем более что добро мы вынуждены причинять по собственной вине, но ведьмак добавил:

– Каждому.

– Вообще-то, госпожа Истван, никогда не берет денег за чары. Все отправляется в ковен, – растерялся бургомистр. – Так ведь, Агата?

– Ладно, – согласился темный конкурент. – Ей можно не платить.

– Нет уж, постойте! – возмутилась я. – Сказано: тридцать монет каждому, значит, ни медяшкой меньше.

– Вперед заплатить не получится, – пробубнил оскорбленный в лучших чувствах Дюпри. – Только завтра.

– За кого вы нас принимаете? – протянул ведьмак с такой фальшивой улыбкой, что даже мне неловко стало. – Сначала работа, потом оплата. Фея, ты за что возьмешься?

– Площадь.

– Тогда мне улицы.

– А почему не вместе? – вклинился бургомистр и попятился, когда мы посмотрели на него как на сумасшедшего. – Вы лучше знаете, господа чародеи, как у вас все устроено и поделено...

– Куда будешь переливать? – спросил Фентон.

Я посмотрела на ведьмака даже с некоторым уважением. Надо же! Даже темным не чужд принцип природного равновесия.

– В реку за моим участком. Она за лето обмелела.

Мы двинулись в разные стороны. Ведьмак в неопределенную, а я ступила в воду, мгновенно доставшую до лодыжек. Иначе не почувствую стихию. Сапоги из заговоренной кожи не пропускали влагу, но ноги тут же окутал неприятный холод.

За спиной переговаривались торговцы, ожидавшие чуда и еще чуточку больше. Отрешившись от чужих голосов, я нагнулась и опустила в воду кончики светящихся пальцев. Река под каменными улицами не злилась, но, отыскав выход переполненному потоку, даже с некоторым сожалением топила город. И коль площадь все равно превратилась в большой бассейн, оставалось ее опустошить.

Заклятие было сложным и требовало многих сил. Я взмахнула руками, выплескивая магию. Над поверхностью воды, оставляя за собой длинный хвост, пронеслась воздушная волна, и в центре площади завертелась воронка. Разворачивалась медленно, большая и неповоротливая, вспыхивая полупрозрачными голубоватыми всполохами. Постепенно она набирала обороты, пока не превратилась в быстрый и сильный водоворот.

Атаковавшая город вода уходила. Со стороны казалось, будто озерцо смывалось в огромный сток, как в ванне, обратно под мостовые и дома, но на деле перемещалась в обмелевшую реку. Ускользнула в воронку корзина, уплыл чей-то потерянный сапог, споро ринулся

мусорный короб. Через секунду пушечным снарядом он вылетел обратно, словно его брезгливо выплюнули, и плюхнулся сверху на торговцев, распугав их, как кур.

Площадь начала мелеть. Я прошла, проверяя уровень. Вода не доходила до щиколоток, стало видно брусчатку. Оставалось чуточку подождать и разрушить магический портал. И именно в этот момент торжества светлой магии из соседнего переулка, выходящего на площадь, хлынул грязный поток. Видимо, по пути он собрал весь мусор, что прятался на улицах города.

Не успела опомниться, как меня едва не смыло, усадив задом на мостовую. Вода со злым весельем хлынула к воронке, подхватывая на пути то, что еще оставалось не подхваченным. Светлую чародейку, в том числе. Удивительно, как меня не снесло в наколдованный слив, а оттуда прямехонько в реку под гнусный хохот паршивого ведьмака. Учитывая, что плавала я чуть лучше топора, да и то в стоячем водоеме, это было бы самое бесславное окончание чародейской карьеры, какое видывал белый свет.

– Госпожа чародейка, вы только не утопните! – выкрикнул какой-то заботливый доброхот прежде, чем сделать ноги от нового потопа. – Но если вдруг, мы будем помнить!

Согласна, захлебнуться на площади перед мэрией Круэла – позор всему роду Истванов. Особенно на глубине по колено. Да отец забудет, что он пресветлый, воскресит меня и снова утопит собственными рученьками, как щенка. Не то чтобы меня сильно волновало мнение отца, но ведь на все королевство разразится скандал.

Ругаясь сквозь зубы, я кое-как поднялась и брезгливо расставила руки. От рубашки стекали ручейки, хваленые непромокаемые сапоги промокли насквозь, а одежда неприятно льнула к телу. Пока я в прямом смысле слова обтекала, из вымытого начисто переулка вальяжно шагал совершенно сухой ведьмак, следующий за собственным паршивым колдовством.

– Что с тобой случилось, фея? – искренне удивившись, крикнул он.

– Ты со мной случился, ведьмак! – рывкнула я, взмахнув руками, и в разные стороны разлетелись брызги.

– Тогда я все еще происхожу, – предупредил он и крикнул: – Осторожно!

Секундой позже из другого переулка хлынула вода. Толкнула меня вперед, едва не поставив на колени. Закрутилась, завертелась и ринулась к практически распавшейся воронке. В потоке, как хлипкие лодчонки, неслись ящики с цветами и ныряли в глубь портала.

Проглотив последний ящик, воронка схлопнулась и выплюнула в низкое серое небо струю высотой со здание мэрии. Площадь перестала походить на озерцо, но теперь стала похожей на огромную лужу, заваленную мусором.

– Какого демона ты согнал сюда воду?! – набросилась я на ведьмака, уверенно шагающего в мою сторону.

– Так ты же все равно открыла портал.

– В ад! – указала в него пальцем.

– Разве не в реку? – как будто серьезно озадачился Фентон.

– Я тебя сейчас в ад отправлю, скудоумный!

И вдруг протянутый указательный палец, светящийся злым магическим огоньком, замигал. Из кончика в воздух брызнул знакомый дымок.

– Нет-нет, вернись назад, – в панике пробормотала я, встряхнув рукой.

Огонек послушно разгорелся.

– Слава тебе, господи...

И снова потек дым.

– Нет, не слава! Все снова плохо... – тихо простонала я и сжала кулак, гася чужеродную магию.

Ведьмак остановился и с перекошенным лицом следил за тем, как магия изменяла цвета. Я проткнула это ходящее проклятие своей тихой жизни многозначительным взглядом. Он резко расставил руки в безмолвном вопросе: дескать, снова?!

И как влюбленные после долгой разлуки (аж целых полчаса врозь) в единодушном порыве мы рванули навстречу друг другу. Наверное, со стороны зрителей казалось, будто сейчас обнимемся, поцелуемся и вообще устроим какое-нибудь задорное непотребство в угоду измученным страхом королевским подданным, но нам хотелось сыпать смертельными заклятиями. Мне точно! Полагаю, ведьмаку тоже.

В сапогах противно хлюпало, под ногами отвратительно чавкало, словно площадь превратилась в задворки продуктового рынка. В трех

шагах от ведьмака я на чем-то поскользнулась и едва не въехала носом ему в грудь. Фентон перехватил меня за локти и прошипел:

– Какого демона опять произошло?

– Ты у меня спрашиваешь? – возмутилась я. – Почему мы опять поменялись местами?

Очевидно, магические боги сейчас смотрели на нас и хохотали в голос, надрывая животы. В отличие от них, этих жестоких богов-насмешников, ни мне, ни Фентону смешно не было. Мы снова поменялись местами. Недолго трубили победные фанфары и царило торжество колдовской гармонии.

– Так... – Просветлевший в буквальном смысле ведьмак воровато огляделся, выискивая соглядатаев – а площадь уже становилась людной – и тихо скомандовал:

– Уходим молча и быстро, пока не сбежался народ.

Он настойчиво потянул меня в переулок. Я не сопротивлялась, но посчитала, что имею полное право возмутиться:

– Ты собрался до дома чесать пешком? Чем тебя не устраивает коляска?

– Ее хозяином. Дюпри любопытный.

– А я мокрая до нитки.

– Это сейчас самое важное? – Ведьмак злобно сверкнул глазами. – У нас тут проблема посерьезнее.

– Ну конечно, ведь не к твоему задку прилипают портки, – издевательски протянула я.

– По дороге просохнешь, – распорядился он.

– Тогда отдай мне свою рубашку, – потребовала я.

– У тебя прилипают портки, а отдать надо рубашку?

– Да.

– Серьезно? – Он даже притормозил.

– У меня течет по спине, хлюпает в сапогах, а пальцы дымятся.

Поверь, я серьезна как никогда.

– Ладно... – процедил он сквозь зубы, покрутил головой и кивнул в сторону узенькой подворотни между двумя каменными двухэтажными домами. Здесь разливалась огромная лужа, так что пришлось ютиться с краешка, хотя перепачкаться сильнее невозможно.

Еще чуть-чуть, и в сундуке не останется чистой одежды, а я даже не могу воспользоваться удобным заклятием для стирки. Наведешь

магии, и белье с мыльным камнем вертится в бочке, само себя оттирает. В чудесном прошлом – всего-то седмицу назад – не было никаких постирушек руками... Перешагнув на два шага через четверть века, я со скорбью готова признать, что жизнь – боль.

Фентон расстегнул кожаный жилет, отдал его мне и одним скользящим движением стянул рубашку со смятым гармошкой низом. Торс у него по-прежнему был отличный, крепкий и рельефный. Ни одной лишней унции.

– Берешь или мне одеться? – Ведьмак нетерпеливо тряхнул рубашкой.

– Спасибо.

С независимым видом я забрала сухую вещь и, вернув жилет, развернулась лицом к стене. От мокрой одежды освобождалась быстро и, не зная, куда приткнуть ее, по-простому зажала между коленками.

– Ты была оторвой? – вдруг хмыкнул Фентон.

– С чего ты так решил? – презрительно уточнила я, между тем пытаюсь разобраться, где у его рубашки перед и как попасть головой в ворот, а не в рукав.

– У тебя татуировка.

Три звезды на лопатке. На первом курсе я решила, что пометать каждое упокоенное умертвие – отличная идея, но быстро осознала, что с моей специализацией и количеством незаконно воскрешенных мертвецов в нашем королевстве придется расписать все тело. В общем, меня попустило, а рисунки остались.

– Ты там, что ли, пялишься? – прикрыв грудь, недовольно глянула я через плечо.

Фентон даже ради приличия не потрудился отвести взгляд или повернуться к противоположной стене.

– Ты тоже на меня тарацилась, – с нахальной ухмылкой парировал он. – Считаю, мы в расчете.

Скажу больше: при виде его подтянутого живота и крепкой груди жизнь начинала меня ранить чуточку меньше, а мир переставал казаться отчаянно паршивым местом, где для стирки придется использовать собственные рученьки, как любому обычному человеку.

Надменно фыркнув, я быстро натянула сухую рубашку и практически в ней утонула. Горловина стремилась соскользнуть с

хрупкого плеча. Длинные рукава болтались почти до коленок, и пришлось их закатать.

– Налюбовался? – складывая, а вернее, сматывая узлом мокрую одежду, спросила я.

– Почему три звезды? – не смутился Фентон.

– По числу укукошенных ведьмаков, сующих нос в чужие дела.

Неожиданно кто-то хихикнул. Чувствуя, как меняюсь в лице, я быстро оглядела переулок, ища источник инфернального смешка. Оказалось, что в окне, неловко выходящем в проулок, за нами наблюдал взлохмаченный, помятый со сна мужик. Видимо, каждое утро он любовался на стену соседнего дома и оказался приятно удивлен неожиданными переодеванием.

– Скройся, – грубо скомандовал ведьмак и щелкнул пальцами, выбивая в воздух темный дымок заклятия.

Окно мгновенно затянуло черной непроницаемой завесой. Наверняка от страха шпион схватился за сердце. Да я сама чуть не схватилась за сердце. Фентон с естественностью использовал темное заклятие!

– К тебе вернулась темная магия, – выдохнула я.

Казалось, он не сразу осознал, что проблема разрешилась сама собой, пока мы прятались в подворотне как бродяги, а не как гордые маги. В это сложно поверить, но мои пальцы действительно вспыхнули голубоватым светом.

– Мы поменялись! – на радостях воскликнула я и показала замершему Фентону руку. – Видишь?

Раскрытая ладонь, словно в насмешку, задымилась. Тонкие полупрозрачные язычки силы облизали кожу.

– А теперь опять. Сила мерцает, – задумчиво прокомментировала я молниеносное превращение из чародейки в ведьмы. – В принципе, чему удивляться? Все по закону равновесия: здесь убавило, тут прибавило.

Фентон убедился, что снова просветлел магией, и сцедил через губу забористое ругательство. Короткое и емкое, с удивительной точностью отражающее глубину... обстоятельств. Ведь, что может быть хуже, чем поменяться колдовским даром с идейным врагом? Не зная, в какой неудачный момент сила вновь ускользнет.

Из города выходили задворками, в злом молчании. До окраин потоп не добрался. Люди только просыпались, и немногочисленные прохожие смотрели нам вслед с нескрываемым подозрением. Видимо, подтянутый мужик со шрамами, одетый в кожаный жилет на голое тело, и девица в одежде с мужского плеча напоминали отставших от бродячего цирка артистов. Вроде как он уехал, а мы вот остались.

На тракте за замковой стеной разливались огромные лужи, в них отражалось серое небо. Вокруг ни души, только в кустах чирикали птицы. Неожиданно Фентон поскользнулся на размякшей глинистой обочине и тихо выругался. Встав, он упер руки в бока и вдруг невесело хохотнул.

– Эй, ты чего? – опешила я.

Ведьмак пронзил меня острым взглядом и с полной серьезностью объявил:

– Я придушу школяра.

– Ах ты просто нашел виновника торжества, – ехидно протянула я, даже почувствовав некоторое облегчение оттого, что он все еще в сознании. – А я-то решила, что рассудком тронулся.

– Где он? – спросил Фентон, словно я лично усаживала Нильса в карету и махала на прощание ручкой.

– Понятия не имею. Может, уже на пути в замок Истван, так что расправа откладывается. Да? – Я ободряюще похлопала его по крепкому плечу. – Пойдем, пока дождь не начался.

– Твой школяр ошибся в заклятие, – настаивал он. – Или учитель из тебя паршивый.

– Ага, или всё вместе, – насмешливо добавила я. – Во всем виноваты светлые! Они вызывают неправильные молнии. На кол нас! Хочешь найти виновника – посмотришь в зеркало... Хотя здесь нет зеркала. Вон, посмотришь в лужу. Увидишь того, с кого все началось! А потом проникнись и придумай, что мы будем делать дальше. Лично у меня пока нет ни одной идеи.

– Я уже предлагал.

– Улечься в койку? – насмешливо уточнила я. – Кажется, что-то такое припоминаю. А если дело не выгорит, то дождемся грозы и попробуем еще разок. Можно прямо в огороде. Лежим мы на грядке, а вокруг сверкают *правильные* молнии. Чудная идея! Уже бегу и теряю по дороге одежду.

Неожиданно из рук выпал сверток с мокрыми вещами. Сконфуженно покосившись на ведьмака, я подняла их и снова замотала узлом.

– Если бы мы следовали моему плану, то сегодня не пришлось бы полуголыми скакать по подворотням, – прокомментировал он.

– Спорное утверждение.

– А ты бы полчаса провела в молчании, – добавил Фентон.

– Ой, ну не льсти себе. – Я издевательски поморщилась. – Давай будем честными: максимум минут десять.

– Я сказал полчаса? Как минимум час, – высокомерно заявил он. – Целый час тебе было бы не до разговоров. Дивное время!

Ведьмак обошел меня по дуге, не побрезговав ступить в лужу.

– Можно, я сделаю вид, что поверила? – съехидничала ему в спину. – Не хочу случайно ранить нежное мужское эго.

«Стерва», – должно быть, подумал он.

«Кретин!» – мысленно огрызнулась я.

И в это пасмурное утро меньше всего мне хотелось обнаружить Нильса перед своей калиткой. Переодетый и причесанный, он сидел на большом дорожном сундуке и поджидал нашего возвращения.

– Смотри-ка, – с кровожадной ухмылкой промурлыкал Фентон, – школяр объявился.

– Здравствуйте, учитель!

Не догадываясь, что ведьмак жаждал расправы, он соскочил на землю и радостно замахал рукой.

– Приехал раньше и вас жду. Не хотел без вас заходить в дом, – затараторил Нильс, не позволив мне уточнить, а что, собственно, он забыл в моем доме, если даже дурацкий полосатый сюртук забрал. – Ох, а город-то гудит! Все обсуждают, как вы справились с потопом. Я завтракал в заезжем доме и во все уши слушал. Жалко, что собственными глазами не увидел. Все говорят, что вы, учитель, лучшая!

– Слава светлым, – невесело хмыкнул Фентон.

– О господине верховном тоже говорят, – уверил студент. – Что, пока вы чистили улицы, все погребя затопили, и они до конца лета не просохнут. Нехорошо так-то вышло...

У меня вырвался издевательский смешок.

– Не стоило об этом рассказывать, да? – как будто расстроился Нильс.

Фентон почесал небритую шею и спросил:

– Тебе сколько лет, школяр?

– Двадцать один... будет зимой. – Он окинул нас растерянным взглядом. – А что?

– Повзрослеешь, поймешь, что цель оправдывает средства.

– То-то ты вчера взбесился, когда крыша провалилась, – с иронией припомнила я.

Недовольно поджав губы, ведьмак прошел мимо Нильса и скрылся за калиткой. Было слышно, как он шуганул табуретопса, по всей видимости, с азартом ковыряющего подкоп. Скорее всего, под забором, но с Йосика станется рыть землю и под цветочным горшком. Пес он номинальный, лакомых косточек ему никто не дает, но привычка прятать заначку на голодный год никуда не делась. Вечно вымажется, как прозрачная хрюшка, и носится по дому, сея комья грязи.

– Заносить вещи? – спросил Нильс.

– То есть намек, что не надо возвращаться в мой дом, ты не понял. – Я вздохнула и уперла руки в бока. – Тогда скажу прямо: мне задаром не нужны ученики.

– Задаром, может, и не нужны, но я-то уже деньги заплатил, – натуральным образом оскорбился он.

– Сундук, карета, Истван! – объявила я и нахмурилась: – А где, кстати, твоя карета?

– Домой отправил, – растерялся студент и кивнул в сторону дороги: – К мамочке.

Сама от себя не ожидая, я тоже обернулась к дороге, словно там стояла мадам Баек и призывала дорогого отпрыска в теплые родительские объятия.

– Значит, сундук, ноги, мамуля. Удачи в учебе!

– Но у нас был уговор! – возмутился Нильс. – Если я вызову молнии, то вы меня возьметесь учить. Я вызвал молнии.

– Ты спалил крышу соседнего дома и практически утопил целый город, – напомнила я о полном магическом провале недотепы.

– Цель оправдывает средства! – выпалил он и, смутившись, добавил: – Ну... верховный так сказал.

– А ты, как я вижу, неплохо впитываешь ведьмовскую мудрость, – насмешливо прокомментировала я. – Иди в ученье к верховному.

– Ладно, госпожа Агата, не хотел об этом говорить, но вы меня вынуждаете. – Нильс замялся и погрозил пальцем: – Слышите? Вы меня вынудили!

– Слышу, – вкрадчиво согласилась я.

– Ходит много слухов, почему вы ушли из замка.

– Люди обо мне еще сплетничают? – хмыкнула я. – Часто?

– Весьма! Любимая тема в академии, – согласился он. – Говорят, что вы разнесли половину Иствана, потому что заразились темной магией. Я думал, что все просто мелят языком. Всем же известно, что вы были лучшим во всем королевстве специалистом по защите от темных чар.

– Полагаешь, что темной магией можно заразиться? Как насморком? Поверь, она не передается по воздуху.

– Это да... но вчера я заметил кое-что странное. У вас действительно был ведьмачий дар.

Я почувствовала, как начинаю меняться в лице.

– С утра я пораскинул мозгами, обсудил с кучером...

– Маму тоже привлекли к мозговому штурму?

– Маме не писал. – Нильс начал отчаянно краснеть, тем самым доказывая, что мыслишка возникла, но времени не хватило. Или кучер остановил от маминых советов, во избежание самой мамы, так сказать, прямо у порога, чтобы проследить, как чадо этим советам следует. – В общем, я тут на досуге подумал...

– Ты сообразительный, да?

– Госпожа Истван, вы мне дадите договорить?! – в отчаянье воскликнул он.

Я развела руками:

– Меня давно никто не шантажировал. Подзабыла, что надо молчать и бояться.

– Короче! В огороде ритуальный круг. – Он указал пальцем на каменный забор. – В доме лежат два родовых гримуара. Я сначала подумал, что вы вместе с темным живете...

– Мы живем вместе, – охотно подтвердила я. – С того момента, когда ты крышу у его дома спалил. Напомни, когда это случилось? Вчера ночью.

– Но меняться цветом магии вы с верховным начали раньше, – ни капли не смутившись, договорил он. – Туда-сюда... Вы то светлая, то темная. Поэтому просили вызвать молнии, ради какого-то обряда, который вам вернет дар.

От нервного тика неприятно задергалось веко. Я тяжело вздохнула и почесала бровь.

– Откуда же ты свалился на мою голову, внимательный и догадливый?

– Из замка вашего отца прислали, – подсказал он.

– Ага, спасибо папе. Отправлял лопуха, а приехал репей. Теперь не отцепишь.

– Простите? – не понял Нильс.

И ведь с первого взгляда не заподозришь в нем пронизательности. Да и со второго тоже. Может, он внимательный, а догадливый у них кучер? Мадам Баек же просто умная и разрабатывает военные стратегии. Но мамы под боком не захотелось, поэтому пришлось действовать как получится... Получалось, к слову, неплохо и без маминых наставлений.

– И что, Нильс Баек? – Я сделала шаг, заставив здоровяка выше себя почти на голову опасно попятиться. – Желаете явить миру правду?

– Ученик никогда не откроет тайну своего учителя, – недвусмысленно намекнул он, на каких условиях готов держать язык за зубами, а рот на замке.

– Ни я, ни Фентон Варлок не знаем, с каким цветом магии проснемся завтра, – предупредила я. – Паршивое выйдет учение.

– Ой, да какая разница, темная вы или светлая? – искренне удивился Нильс. – Я за вчерашний вечер узнал о магии больше, чем за полгода в академии. Вы же наставница от бога!

– Не стыдно, в таком случае, меня шантажировать?

– Не стыдно. – Он помотал головой. – Очень страшно!

Некоторое время я смотрела ему в глаза. Нильс хмурился, краснел и покрывался испариной, но острый, пронизывающий взгляд выдержал.

– Ну хорошо... ученик. – Я раскрыла калитку и кивнула: – Добро пожаловать в ад.

– Ага, иду! – восторженно воскликнул Нильс, напрочь проигнорировав зловещий намек, что уютно в моем доме ему не будет. – Кстати, а какая у вас сейчас магия? Темная, светлая?

– Слушай, ты еще не вошел, а мне уже хочется дать тебе пинка под зад! – выругалась я. – Зачаровывай свой сундук, потому что тащить его никто не собирается.

– А кровать мне теперь полагается? – вопрошал он, когда я уже шагала по дорожке к дверям дома. – Как вашему официальному ученику.

– Официальным ты станешь, когда пресветлый отдаст за тебя деньги! – рявкнула я. – Пока ты нахлебник!

– Так я даже еще ничего не съел в вашем доме, – как будто обиделся он на стремительное понижение в социальном статусе.

– Пока не вечер, – мрачно пробормотала я себе под нос. – И даже не обед.

Самое главное, чтобы от голода он не принялся обгрызать кусты и выдергивать из грядок морковку. К слову, надо бы проверить, после вчерашнего светопреставления у меня морковка-то осталась?

Пока Нильс ковырялся с заклятием, видимо, от радости позабыв, что с бытовой магией у него полный порядок, я вошла в дом и застала ведьмака, натягивающим измятую, но свежую рубаху. Он бросил на меня ироничный взгляд и все-таки не удержался от глумливой улыбочки на небритой физиономии.

– Не смей ничего говорить! – огрызнулась я, хотя он молчал.

– Я и не собирался, – хмыкнул Фентон. – Но школяр мне начинает нравиться.

– То есть тебе уже не хочется его придушить?

– Зачем? Уверен, что в конечном итоге его придушишь ты. Месть, совершенная чужими руками, самая сладкая.

– Ты, в общем, стратег... – фыркнула я.

Входная дверь торжественно открылась. Нильс, как лакей, держал ее, чтобы пропустить в кухню плывущий дорожный сундук. Плыл этот сундук чуточку криво и ударился о косяк.

Светлые боги, мне просто хочется стянуть влажные портки, скинуть мокрые сапоги и забраться в горячую ванну, а потом в тишине выпить мятного чая для успокоения нервов...

Сундук снова шмякнулся о косяк, не в силах преодолеть дверной проем. Нильс покосился на нас и, выпустив дверную ручку, попытался выровнять траекторию дорожного «друга». Дверь, что не удивляло, начала закрываться и прихлопнула их обоих.

– Простите, – пробормотал школяр и суетливо заметался, не понимая, за что хвататься: держать дверь, толкать сундук или просто лечь на крылечко и разрыдаться.

К демонам мятный чай! Мне нужен мятный хмель, припрятанный в кухонном шкафу и надежно оберегаемый тетушкой Петуньей. Клянусь, на простом чае я этот день не переживу.

– На улицу! – резко произнесла я, наблюдая за испаренным Нильсом. – Твой сундук будет жить на улице.

– Но он страшно дорогой! – растерялся школяр.

– Хорошо, выбирай, кто будет жить на улице: ты или дорогой сундук, – отрезала я. – На вас двоих в этом доме места нет.

– Ну... себе я тоже очень дорог, – пробормотал Нильс, вытягивая наполовину влетевший в кухню багаж.

– Рада, что мы так быстро преодолели житейские трудности, – быстро улыбнулась я и почти отправилась на второй этаж, но Фентон меня остановил:

– Подожди, у нас еще один принципиальный вопрос. Куда поселить сундук, разобрались, но где поселимся мы?

– У вас есть выбор: пустая комната, захламленный чулан, кухня с нечистью и погреб со снадобьями, – перечислила я свободные от моей кровати помещения, но тут же передумала: – Погреб отменяется! Не суйтесь туда, чтобы ничего не побить. В общем, захватчики, делите жилплощадь и размещайтесь, насколько позволит совесть. Но не смейте чувствовать себя как дома. Вы не дома!

Тут взгляд упал на четкий след от ботинка, пятнающий пол возле лестницы.

– И заведите домашние тапочки! – с раздражением крикнула я, поднимаясь на второй этаж.

Глава 7

Ведьмачье наследие

С приездом ведьмака в мою жизнь проник хаос. Они на пару просочились везде: в огород и опрятный дом. Спальню темный еще не штурмовал, но бардак в ней уже воцарился...

На перевернутой постели сбились комом простыни, а стеганое одеяло валялось на полу. Из открытого сундука и корзины с грязным бельем вылезала одежда, словно очень хотела сбежать из моего дурдома, который невозможно назвать уютным словом «дом».

Я с наслаждением избавилась от мокрых сапог и влажных штанов. Сунула в корзину сверток с грязными вещами, хорошенько утрамбовала и быстро прикрыла крышкой. Маневр не сработал. Крышка соскользнула, словно грязные вещи распухли, как дрожжевое тесто.

Чистых домашних платьев не осталось, халат находился в той степени загрязнения, когда его хотелось обнять и плакать. Пришлось под длинную мужскую рубашку натянуть широкие порты времен студенчества. Спустилась бы на первый этаж с голыми ногами, но теперь в мое жилище прибились два мужика! Ей-богу, хотите полюбить домашнюю нечисть? Заведите соседей.

Впервые в жизни я была вынуждена греть воду для ванны не с помощью магии, а варварским способом: в медном тазике на очаге. Хорошего настроения это никак не добавляло.

В кухне ни захватчика, ни нахлебника не было. Стояла подозрительная тишина.

– Эй, вы куда делись? – позвала я, но никто не ответил.

Из холодильной кладовой тоже не доносилось разговоров. Грабить в ней решительно нечего. Думать, будто они приняли верное решение и свалили хотя бы до вечера, слишком амбициозно. Может, насладились прекрасным видом почти пустых полок и отправились добывать еду. Мужчины же – добытчики. Или в книгах что-то неправильно пишут?

Я сунула в раковину таз. Из крана потекла грязно-коричневая струя.

– Чудесно...

Труб в доме не было. Ни одной. Проложить водопровод от города на отшиб стоит космических денег, а магия совершенно бесплатная. Если, конечно, уметь ею правильно пользоваться. Вода поступала из кристально-чистого озера в подземном гроте пресветлого, а потом уходила в болота чуть севернее замка Истван.

Прекрасное, на мой взгляд, решение. Три года жила и горя не знала, но сегодня что-то пошло не по плану. Может, папаня заметил, что водичку тихо тырят, и захотел подгадить вору? Вполне в его духе.

Неожиданно на улице зазвучали голоса потерянных соседей. С хрустом открылась задняя дверь, раздался подозрительный грохот.

– Переверни его! – скомандовал Фентон.

– Господин верховный, так он же все равно не войдет, – пожаловался Нильс. – Снимем дверь?

– Какого... – поморщилась я и вышла проверить, что задумали эти гад... деятельные чародеи.

Они пытались втащить диван! Быть точнее, диван пытался войти сам, но не помещался в узкий дверной проем. Йосик восторженно топтался рядом, видимо, отказываясь верить, что в доме появится старший собрат.

– Вы что делаете? – тихо спросила я.

– Ты велела завести домашние тапочки, – жизнерадостно проговорил Фентон, – но в доме Хэдлеев тапочек не нашлось, и мы решили сначала завести домашний диван.

– В старом доме много хорошей мебели, – окрыленно поддакнул Нильс.

– Вы планируете ее всю перетащить сюда? – сухо поинтересовалась я.

– Зачем же всю? Сколько в комнату влезет, – наивно поделился планом Нильс и обратился к Фентону: – Так ведь, господин верховный? Там еще симпатичное креслице стоит.

– Креслице, значит... – Я выразительно скрестила руки на груди.

– Фея, да не делай ты кислую мину, – попытался успокоить близкую бурю ведьмак. – Когда я съеду, мебель останется тебе.

– В качестве чего?

Он посмотрел на табуретопса, энергично размахивающего хвостом-кантом.

– В качестве питомцев. Или оплаты за проживание. Решешь сама. Подвинься, а то зацепит.

Я действительно подвинулась, а они на самом деле подхватили диван и втоптали собственными руками, оставив попытки втопнуть его в дверь с помощью магии.

Потом в пустую комнату переселились остов от одноместной кровати с вырезанными вензельками, то самое «симпатичное» кресло с цветочной обивкой и ночная лампа. На объемной перине я сломалась и потребовала у Петунии отдать запертую в нижнем шкафчике бутылку с мятным хмелем. Как ни странно, призрачная тетушка моментально открыла деревянную створку, позволяя забрать неприкосновенный запас. Видать, от жалости.

Но только я откупорила бутылку и плеснула густой напиток в чайную чашку, как Нильс внес почерневший портрет ведьмы Матильды в богатой раме. Замерев с недонесенной до рта чашкой, я тихо, но категорично произнесла:

– Нет.

Школяр непонимающе моргнул:

– Почему?

– В доме светлой чародейки не будет висеть портрет ведьмы. И даже прислоненный к стене не будет стоять.

С ошеломленной миной Нильс перевернул картину и, вытянув губы трубочкой, определенно взглянул на нее другими глазами.

– А я-то думаю, что за странная мазня? – протянул он. – Зачем людям украшать стену черным квадратом?

– Прямоугольником.

– В смысле? – Он непонимающе посмотрел в мою сторону.

– У тебя еще и с геометрией проблема... – пробормотала я на выдохе и все-таки опрокинула в себя чашку с настойкой.

Мятный алкоголь прокатился по горлу ледяной волной, но в пустой желудок упал обжигающим комом.

– Учитель, – осторожно вымолвил Нильс, – вы бы подождали с хмелем на пустой желудок. Мы сейчас закончим обживаться, и я супчик сварганю или яичко сварю. А хотите супчик с яичком?

Под гнетом тяжелого предупреждающего взгляда он замялся и выпалил, выглядывая из-за портрета:

– Это верховный решил перенести мебель! Я его уверял, что прекрасно посплю на полу, а он сказал, что на полу спят только собаки. Клянусь, я был против.

– А диван затаскивал с большим воодушевлением, – с иронией припомнила подробности бодрого переезда дивана в пустую комнату на втором этаже.

– Но я же лучше, чем собака, – растерялся Нильс.

Я бросила взгляд на Йосика. Призрачный пес смертельно устал от суеты и теперь дремал возле стены. В общем, был самой обычной табуреткой. Хоть сейчас усаживайся в кресло и пристраивай на него ноги.

– Могу поспорить, но слишком устала, – вымолвила я и кивнула: – Иди и верни мазню на место.

Школяр послушно двинулся на улицу, но неожиданно вернулся, вновь перекрыв дверной проем злосчастным портретом. Клянусь, я могла различить, как ведьма Матильда, спрятанная в темноте, скривила губы в издевательской ухмылке.

– Учитель! Я что подумал...

– Нильс, ты можешь на пару минут прекратить думать и просто вынести портрет?

– Могу, конечно, но коль такое дело... В комнату уже поместилось столько мебели! Может, и мой сундук войдет? Вместо тех, что стояли.

– Сто-я-ли? – по слогам уточнила я.

– Мы их вытащили в коридор, – пояснил он. – Что скажете?

– Нет.

– Ладно... Спросить уже нельзя... – заворчал он, снова бочком перемещаясь к выходу.

Я попыталась представить себя спокойной гладью мертвого озера. Глаз дергался, по потолку стучал пятками захватчик, что-то грохотало. Видимо, он двигал мебель. И фантазия отказывалась работать. По крайней мере, без мятной настойки. Только налила в чашечку очередную порцию, как с улицы донесся панический вопль Нильса:

– Спа-си-те!

– Вы дадите мне мирно надраться, демоны? – тяжело вздохнула я.

– Учитель, живое умертвие! – заверещал школяр. – Нет! Воскрешенное!

Насколько мне помнилось, Фентон сгрузил обездвиженного мертвеца под стеной дома, но школяр орал в огороде. Отставив бутылку с чашкой, я выглянула в окно и почувствовала, как меняюсь в лице.

Перепуганный Нильс отмахивался портретом от воскресшего Дюка. Должно быть, из-за наших с ведьмаком магических преобразований печать растаяла. Голодное умертвие набросилось на первого учуянного светлого мага.

– Проклятие!

Я выскочила из дома и быстро осмотрелась вокруг, пытаюсь понять, как отвлечь внимание взбешенного монстра. У стены дома стояли прислоненные садовые инструменты. Схватила тяжелую лопату и бросилась на спасение нахлебника, теряя по дороге домашние туфли. В прямом смысле этих слов.

Одна туфля слетела и отскочила на лопнувшие во время темного ритуала плитки. Ногу в нее совала на лету, неприятно заломив задник.

Между тем вопящий фальцетом Нильс смирился, что отмахнуться от злобного умертвия не выйдет, и в панике выставил портрет острым краем. Дюк схватился за раму, и теперь они перетягивали картину, словно канат.

Рама разлетелась в щепки. Нильс шарахнулся назад, споткнулся о сломанные сучья, щедро засыпающие землю, и плюхнулся на филей. Мертвец определенно побеждал.

– Учитель, помогите! – выкрикнул белый как простыня школяр.

Подскочив, я размахнулась лопатой. Целилась Дюку в голову, но получилось заехать только по плечу. Хрясь! От силы удара монстра отбросило в сторону.

Однако воскрешенные только на первый взгляд кажутся заторможенными и неповоротливыми. Почуяв добычу, в желании утолить голод они становятся поразительно стремительными. Не успела я развернуться, как он с утробным рыком раскрыл щербатый рот, выставил когтистые лапы и бросился в мою сторону.

Рефлекторно выбросив вперед открытую ладонь, я призвала магию. Пальцы выплюнули сноп искр, а потом их начал облизывать полупрозрачный дымок темной силы.

Неожиданно Дюк дернулся, словно налетел на невидимую стену, и остановился. Протянутые лапы опали, пасть захлопнулась, а на

морде появилось такое выражение, какого я никогда у умертвий не видала. Всегда думала, что воскрешенные лишены мимики.

– Стоять!

Дюк на секундочку замер и вновь начал приближаться. Мы с Нильсом с напряжением следили за его перемещениями. Кровожадный монстр остановился на расстоянии шага, опустил голову и вдруг уткнулся макушкой мне в ладонь, словно кот, требующий ласки. От обалдения я выронила лопату.

Пожалуй, меньше всего в жизни мне хотелось узнать, какие на ощупь волосы у умертвия, но оно уже терлось о мою руку.

Волосы, кстати, были жесткие и сухие, *неживые*. Понятия не имею, что делать с этим чудным знанием.

– Учитель... – жалобно простонал Нильс, тихонечко отползая задом поближе к любимым колючим кустам.

Дюк резко выпрямился, повернул голову и ощерился в сторону школяра. Тот оцепенел с круглыми от страха глазами.

– Тихо ты! – цыкнула я и, подняв руку, погладила умертвие по макушке.

Оно немедленно поднырнуло под ладонь и вдруг издало рокочущий звук, как довольный лаской кот. Мертвец урчал! Клянусь, теперь в своей жизни я видала все.

– Плохой мальчик, – пожурила его. – Не смей жрать светлых магов. Лучше щипай свежую травку под забором.

– Что у вас происходит?! – выкрикнул из окна второго этажа Фентон, заставив меня оглянуться.

Что характерно, орал он из моей спальни. Даже не спустился, паршивец!

– Сам не видишь? – в сердцах выругалась я. – Твой питомец проснулся. Посади его на цепь!

Сажать Дюка на цепь, конечно, глупо. И негуманно. Хотя еще минуту назад, когда он пытался слопать моего единственного ученика, о гуманности я думала меньше всего. Но он урчал, как ласковой котенок, а в моем доме отродясь не хранилось цепи. Да и привязывать на веревку безмозглого воскрешенного бесполезно: вырвется с куском штакетины, едва почувствует запах дичи.

Монстра я закрыла в клетки за домом, возле которой Фентон копал компостную яму. Хорошие были времена, если подумать. И что мне не

нравилось?

Чтобы Дюк не вырвался на свободу и не начал куролесить в огороде, ища кем закусить, приткнула хлипкую дверь лопатой, как подпоркой. Он обиженно скулил, не понимая, за что темная хозяйка решила его запереть.

Возвращаясь в дом, я поймала себя на идиотской мысли, что придумываю, чем бы горемычного покормить, чтобы спасти школяра от участи добычи.

Нильс между тем виновато мялся посреди кухни. Я встала перед ним, скрестила руки на груди и некоторое время в молчании изучала покрасневшую от расстройства физиономию. Стараясь не встречаться со мной глазами, он жалобно буркнул:

– Начинайте уже, не томите...

Сразу видно: привычный к разбору полетов.

– Нильс, какое первое правило, если нос к носу столкнулся с воскрешенным мертвецом?

– В теории или на практике? – испуганно уточнил он.

– Да без разницы.

– Упасть и тоже притвориться мертвым?

– Полагаешь, он не сожрет себе подобного, да? – издевательски протянула я. – Ты кто?

– Нильс Баек! – выпалил тот. Хорошо, не прибавил сакраментальное «очень приятно познакомиться» или еще его любимое «к вашим услугам».

– Ты светлый чародей.

– И это тоже, – согласился он.

– Вот и бей заклятием!

– Но вы же его ударили лопатой, – осторожно напомнил Нильс.

Я даже несколько растерялась от его во всех отношениях справедливого замечания и, чтобы уж закончить выговор, не упав, так сказать, лицом в тарелку с овсяной кашей, строго проговорила:

– Какое второе правило, светлый чародей Нильс Баек?

– Учитель, зачем вы задаете все эти страшные вопросы? – простонал он. – Я не знаю второго правила!

– Не можешь ударить магией – импровизируй, – щедро отсыпала я мудрости, самолично нажитой за время службы в ковене. – Бестолочь!

Все-таки есть плюсы в учениках. Неожиданно под боком появился тот, на кого можно повернуть, если попадетя под горячую руку. А сейчас меня припекало, и руки дымились. В прямом смысле этих слов.

– Эй, фея! – Фентон вышел из кладовой с берестяным коробом в руках, в котором хранились засушенные грибы. – Ты говорила, что светлые чародейки не питаются солнечным светом.

– И что? – бросила я в его сторону недовольный взгляд.

– Непохоже. – Он продемонстрировал короб. – В кладовой я нашел только прошлогодние грибы.

– Позапрошлогодние.

– То есть уже несъедобные? – Ведьмак снял крышку и принюхался к содержимому.

– Понятия не имею, – пожала я плечами. – Ими расплатились за помощь.

– Ты вообще когда-нибудь деньги за работу брала? – расплылся в издевательской улыбке он.

– У светлых не принято называть цену за колдовство, – вставил свои пять медяшек Нильс. – Платят тем, чем могут.

– Судя по пустым полкам, помощью городу твоя наставница не утруждалась, – прокомментировал ведьмак.

– Предпочитаю придерживаться принципа сдержанности в еде, – огрызнулась я.

– Учитель, принципы – это прекрасно, но давайте я на быстренькую руку что-нибудь приготовлю, – оживился Нильс.

– Из чего? – фыркнул Фентон. – В кладовой от горя мышь повесилась.

– Ну так устрой ей пышные похороны! – вышла я из себя.

– Господа маги, не ссорьтесь. У меня все с собой! – радостно заявил школяр и неопределенно махнул рукой. – В сундуке запасов на седмицу лежит. Мама велела упаковать.

Неожиданно Нильс из нахлебника превратился в кормильца. Судя по количеству промасленных свертков, мешочков и закупоренных горшочков с соленьями, мадам Баек опасалась, что ненаглядного сынишку на полном пансионе заморят голодом. В принципе, пока она была недалеко от истины. Я-то не собиралась школяра оставлять и кормить.

– Кажется, твоя мать что-то подозревала, когда тебя сюда снаряжала, – не преминул съехидничать ведьмак при виде горы, заполнившей кухонный стол.

Пресловутые куриные яйца в корзиночке студенту тоже с собой положили.

– Просто она очень... заботливая, – пробормотал Нильс, с деятельным видом открывая то один, то второй сверток и принюхиваясь к их содержимому. – Сейчас сделаю супчик с грибами.

– Мне вполне могли от чистого сердца подарить мухоморы, – сдержанно заметила я.

– Никогда не ела похлебку из мухоморов? – поинтересовался Фентон.

– Нет.

– Напрасно. – Он поцокал языком.

– Питательная? – хмыкнула я.

– Расслабляющая. Тебе точно не помешает, ты все время какая-то напряженная.

– Вот уж с чего бы? – с фальшивым недоумением протянула я.

– Похлебка от мухоморов расслабляет, но какое страшное потом похмелье. Жить не хочется! – со знанием дела поделился бывший студент и, заметив, как я заинтересованно изогнула брови, немедленно открестился: – Я не пробовал. Видел, как однокурсники мучились. Так их было жалко... Глупые, несчастные люди.

– Ага, – насмешливо хмыкнула я.

– Сварю-ка домашней лапшички...

Покраснев, он подхватил пару мешочков, несколько свертков и, прижав продукты к груди, быстро ретировался к очагу.

– Маме только про похлебку не рассказывайте, – донеслась жалобная просьба.

– Не дай бог, – пробормотала я. – Еще прискочит.

Через некоторое время по дому разлился одуряющий запах еды. Перестилая грязную постель, я ловила себя на том, что сглатываю слюну.

– Все готово! – крикнул Нильс. – Учитель, идите!

Фентон уже сидел за накрытым столом. Конечно, если стоящий в центре колдовской котелок с торчащей поварешкой, откупоренную

бутылку с мятной настойкой и три ложки можно было назвать благородным словом «сервировка».

– Нормальную кастрюлю не нашел, а тарелок не дала бабулька из шкафа, – нажаловался на призрачную тетушку Нильс и непроизвольным жестом потер расцарапанную щеку. – Огрела дверцей по лицу и заперлась.

– Петунья, дай тарелки, – категорично велела я.

Та звякнула посудой, но не сдалась. С дурацким видом я посмотрела на витражные дверцы. В стекле отражался ведьмак. Развалившись на стуле, он с любопытством наблюдал, как я пытаюсь договориться с собственной нечистью.

Сконфуженно кашлянув, я вернулась к столу, забрала бутылку и снова обратилась к Петунье:

– Забирай бутылку, отдай посуду.

Она сердито распахнула нижнюю полку, едва не ударив меня по ногам. Настойка заняла прежнее место в глубине ящика, и со скрипом приоткрылась верхняя створка. С той стороны, где хранилась посуда попроще. Не то чтобы мы претендовали на трапезу с королевским размахом, но фарфор тетушка зажала.

С независимым видом я вытащила тяжелую пирамиду глубоких тарелок и со звоном опустила их на стол.

– Зачем так много? – удивился Нильс.

– Впрок, – коротко пояснила я и уселась за стол.

Не рассказывать же скудоумным жалостливую историю о кружке, разбитой дочерью лекаря, и мерном стаканчике, из которого мне седмицу пришлось хлебать чай. Зная вредный характер Петуньи, готова с уверенностью заявить, что нормальной посуды мы до зимы из шкафа не выудим. Придется нести из разрушенного ведьмовского логова.

– А нечисть-то у тебя совсем обнаглела, фея, – ухмыльнулся Фентон, ставя перед собой тарелку. – Никак не приструнишь?

– Со своей нечистью я как-нибудь разберусь, лучше выдрессируй мертвые, – проворчала я. – Или надень на него намордник.

– Как ты это себе представляешь?

– Тогда сунь ему в пасть кляп и упакуй в смирительную рубашку, пока оно никого не сожрало.

– Непременно, – покладисто согласился Фентон и со значением добавил: – Когда вернется темная магия.

Мы встретились глазами. Хотелось стукнуть ведьмака ложкой промеж рыжеватых бровей.

– Ешьте, господа чародеи, – вклинился Нильс в возникший спор и начал бодро разливать по тарелкам густой горячий суп. – Вы, профессиональные маги, такие раздражительные, когда голодные.

Еда за общим столом и едва ли не из одного котелка, в котором иногда варились зелья от на редкость отвратительных болезней, нас всех как будто примирила. После обеда наступило затишье, и дом Петунии словно облегченно выдохнул, что сумел устоять в первый день совместного проживания идейных врагов, а значит, есть надежда не развалиться в последующие.

Нильс осторожно спросил, кому мыть посуду и убирать со стола.

– Кто готовил, тот и моет, – объявила я, следя за тем, как Фентон выходит из дома.

– Разве не наоборот? – заикнулся школяр.

– Не в этом доме.

И теперь он, закатав рукава, с азартом тер посуду и не забывал щедро добавлять магии «для чистого скрипа» тарелок. Из каменной раковины поднималась высокая мыльная шапка, ошметки пены таяли у школяра на плече.

Я сидела за столом и пыталась выискать на страницах пробужденного черного гримуара подсказку, как заставить силу вернуться и больше не ускользать. Предки Варлоки не отвечали на вопросы, пафосно рассказывали о величии темного клана с тотемным зверем драконом.

Они ведают не ведали, что клан распался, и драконы, признававшие только темную магию и слепо ей подчиняющиеся, практически выродились. Последний известный лично мне дракон доживал свой век в зверинце магических тварей в столице соседнего королевства.

В детстве бабка Розалинда возила меня поглазеть на этого дракона. Рядом с крылатыми гигантами у светлых исчезала магия – такая вот странная аномалия. Мы шли серьезно подготовленные: обвешанные специальными амулетами, а дракон оказался сплошным разочарованием. Старый, неповоротливый и потерявший умение

плеватья огнем. Он мирно дремал в вольере, свернувшись на солнышке, как кот, и даже не выпускал из широких ноздрей пар. Последнее меня особенно разочаровало.

«Когда рождаются золотые драконы, перед ними замирает даже магия», – продолжали хвастаться Варлоки, вернее, какой-то из их сонма колдунов с похвально разборчивым почерком.

Вздыхнув, я откинулась на спинку стула и из раскрытого окна начала наблюдать за ведьмаком. В приступе трудового энтузиазма не замечая, что на улице уже смеркается, он убирал огород. Табуретопес ходил за ним хвостиком, потом утомился и прилег под кустик, трогательно сложив лапки-ножки.

– Чем там занимается верховный? – Нильс пристроил на стол стопку учебников, видимо, привезенных с собой из дома, и, вытянув шею, с любопытством выглянул в окно.

– Лечит нервишки, – хмыкнула я.

– В каком смысле?

– Физический труд лечит нервы даже ведьмакам. Попробуй как-нибудь, действенный способ, – по-дружески посоветовала я. – Ты, смотрю, решил удариться в учение?

– Хочу почитать об умертвиях, – смущенно пробормотал студент. – Как на них ставить печати... Или пока еще рано?

– Научиться упокоевать умертвия никогда не рано, – поддержала я ученический порыв. – Читай побольше. Глядишь, в итоге станешь приличным специалистом по защите от темных чар.

– Я не настолько честолюбив, просто не хочу, чтобы меня сожрали, – присаживаясь к столу, признался Нильс.

– Тоже чудесная мотивация, – похвалила я.

С умным видом он открыл учебник, полистал, поводит карандашом по строчкам и не выдержал:

– Признайтесь, учитель, ведь тех двух правил нет в книгах? Откуда вы их взяли?

– Из практического опыта. – Я кивнула на стопку толстеньких томиков, некоторые из которых выглядели преступно новыми: – Учись, школяр.

Между тем, Фентон бросил последнюю ветку в выросшую возле грядок кучу, отряхнул руки и подошел к окну.

– Принесешь полотенце?

Отказывать человеку, вкалывающему в моем огороде по собственному желанию, было грешно. Он скрылся за углом дома, видимо, надумав устроить купание в бочке, а я поднялась из-за стола, вытащила из корзины на полке кухонное полотенце и вышла на улицу.

Серая завеса, нависающая над Круэлом, незаметно рассасывалась. На горизонте алым росчерком прочертилась зарница, окрасившая взбитые в пену густые облака рыжим золотом. В прохладном воздухе разносился настойчивый стрекот сверчков.

Ожидала, что Фентон будет всю плескаться в бочке с дождевой водичкой, но он стоял, прислонившись плечом к стене, и в засаде поджидал меня, словно малый ребенок, желающий напугать издевательским «Бу!». Я едва не натолкнулась на него и, отшатнувшись, охнула:

– Ты чего притаился?

– Нам нужен дракон, – тихо и очень серьезно проговорил он.

– Живой или достаточно костей? – съехидничала я. – Ты уточни, что именно хочешь грабить: зоопарк или музей.

– Нам действительно нужен дракон, – убежденно повторил ведьмак.

– Знаешь старый анекдот? – не удержалась я и убрала с его рубашки налипшую травинку. – Чародей приходит к храмовнику и жалуется на жизнь, а тот ему говорит: «Чародей, заведи дракона»... Вижу по лицу, что не знаешь. В общем, я к чему это говорю: дракона в моем доме не будет ни в каком виде. Ни в живом, ни в мертвом, ни даже в виде амулетов! У тебя есть умертвие, а у меня школяр и нечисть. По-моему, полный набор для счастливой совместной жизни.

– Говорят, что в минуту, когда рождается дракон, вокруг исчезает вся магия.

– Да, я читала в гримуаре, – согласилась я.

– Но у легенды любопытное продолжение. Магия возвращается. Темное – темному...

– Ага, а светлому ничего не возвращается, потому что рядом с драконами мы в принципе не можем пользоваться чарами, – перебила я.

– Магия в любом случае возвращается, просто рядом с драконом к ней невозможно обратиться, – поправил меня Фентон.

– Значит, ты серьезно. – Я смирилась с тем, что обсудить драконью тему придется. – Ну даже не знаю, радоваться или рыдать. Единственный известный мне дракон сейчас живет в зоопарке и готовится отъехать в мир иной. Адресок подсказать? Ты еще успеешь его угнать.

– Варлоки были кланом, владеющим драконами, а Хэдлеи служили у них смотрителями загонов, – не обращая внимания на убийственную иронию, перебил меня ведьмак, и невольно опять резануло слух это странное «у них». – В клане ходили разговоры, что они когда-то спрятали у себя драконье яйцо. Никто не воспринимал эту чушь всерьез. Но я стал верховным колдуном и нашел подтверждение в родовом гримуаре.

Некоторое время Фентон пытливо смотрел мне в глаза.

– Хочешь сказать, что наследие – не гримуар и не артефакт, а дракон?

– Именно.

– Дракон из ларца?

– Скорее дракон из яйца, но да.

– Настоящее яйцо, из которого при хорошем раскладе вылупится маленькая крылатая тварь? – понимая, что со стороны, должно быть, выгляжу чокнутой, еще раз на всякий случай переспросила я. – Считай, последний в семи окрестных королевствах детеныш дракона.

– Так и есть, – невозмутимо кивнул Фентон.

– Охренеть!

– Согласен.

– И у тебя его сперли, – со смешком напомнила я о пустом ларце, возле которого у нас случился магический поединок.

Мы одновременно посмотрели в сторону ритуального круга. Фентон прибрался в той части огорода, и теперь обугленный ларец не валялся на боку, а аккуратно стоял, словно напоминая о том, что никого наследия для нового верховного не сохранил.

– Уверен, что Хэдлей его перепрятал, – не согласился ведьмак. – Он был малость... подозрительным.

– Был? Он уже не скажет, куда спрятал яйцо? – насторожилась я и указала пальцем в небо, хотя была уверена, что после смерти все ведьмаки без исключения попадают в ад. – Его больше с нами нет?

– Нет, он по-прежнему с нами, – как-то слегка замявшись, неохотно признался Фентон.

Догадываясь, что ответ мне очень не понравится, я все-таки спросила:

– И где он?

– В твоём сарае.

Некоторое время мы молчали.

– Думаю, что имею право задать этот очень личный для темного вопрос. – Я кашлянула, чтобы прочистить горло, а то голос начал подводить. – Зачем ты его воскресил?

– Я нашел его в таком... печальном виде и поставил клеймо, чтобы не задавали вопросов.

Чудесно! Ко мне притащили незаконно поднятого мертвеца с фальшивым клеймом.

– А для чего притащил с собой? Расстаться не мог?

– Без любого из Хэдлеев было невозможно открыть тайник, но этот Хэдлей оказался последним.

Некоторое время я молчала, пытаюсь собраться с мыслями, но в итоге сдалась:

– У меня нет слов... Хотя вру! Слов много, но воспитание не позволяет их произнести.

– Не стесняйся. – Фентон махнул рукой в приглашающем жесте.

– Достаточно того, что ты не стесняешься, – парировала я, и вдруг в голову пришла странная мысль: – А если за эти годы яйцо стухло?

– Сомневаюсь, что это возможно.

Ей-богу, из тухлых яиц не вылупятся даже цыплята. Разве что монструозные зомби-цыплята. Однажды я вылавливала в деревенском курятнике целый выводок. Скверное было приключение.

– Предлагаю резюмировать. – Я махнула полотенцем, отгоняя мрачное воспоминание, а заодно комаров. – Мы находим яйцо, выводим из него маленького дракона, и наша проблема решается?

– Таков мой единственный план, – согласился он. – Если бы я видел другой способ вернуть себе дар, никогда бы не завел этот разговор.

Справедливо.

– Ладно, Фентон Варлок, отыщем его. В конце концов, что мы теряем?

Не бежать же, право слово, к пресветлому за советом. Я не переживу подобного унижения и издохну следом за чувством собственного достоинства. В корчах.

– Эй, фея! – позвал меня ведьмак, когда я собралась вернуться в дом и, запершись в спальне, хорошенько осмыслить неожиданный поворот. – Коль мы теперь партнеры, погреешь водички помыться? По-партнерски.

– Нет, – бросила я. – Мойся, партнер, в бочке и не смей соваться в мою ванную. Ведьмакам в нее вход воспрещен!

– Полотенце хоть отдай...

Нильс сидел в засаде. Когда я проходила под окном, предупредила громким голосом, чтобы наверняка расслышал:

– Ты делаешь вид, что ничего не знаешь, и не задаешь ни одного вопроса.

– Слушаюсь, учитель! – отозвался он из глубины кухни, но неожиданно вынырнул из оконного проема, едва не сбив горшок с геранью. – Мы будем высиживать дракона?!

С тяжелым вздохом я подняла голову и посмотрела на него. Школяр выглядел взволнованным и оживленным.

– Нильс, хочешь, тебе доверим высиживать? Сядешь на яйцо и выведешь дракона. По-моему, бесценный опыт. Потом в резюме добавишь строчку «драконяня». Или «няня-драк»? Как думаешь, что правильнее?

Что-то бормоча под нос, Нильс обиженно втянулся в окно.

– И вообще, несмешная шутка! – крикнул он из глубины кухни.

– Да кто здесь шутил? – едва слышно хмыкнула я.

Ночь в сельской глуши всегда наступала враз: долго зрела, наполнялась глубокими тенями и сумерками, а потом накрывала непроглядной темнотой. Ни уличных фонарей, ни проблеска случайного огонька. Разве что холодным, строгим светом делилась луна. Она-то и заливала спальню, лишённую магических ламп.

Хотелось бы сказать, что дом был тих и окутан миром, но нет. За стеной то и дело похрапывал Нильс. Он заснул над письмом своей ненаглядной матушке, а потом с закрытыми глазами поднимался на второй этаж. Думала, войдет лбом в косяк, но укладывание прошло мирно, только в тишине скрипнул старый диван.

Я привела себя в порядок и, раскинув руки, рухнула спиной на кровать. Не успела расслабиться, как в дверь постучали. Фентон не спал. И другим не давал.

– Фея, дело есть.

– Сказать просто так не можешь?

– Без моей магии никак, – проговорил он.

Растерев лицо ладонями, я собрала волю в кулак и поднялась с манящей постели. В коридоре горел ночник, и после темноты, царящей в спальне, свет заставил прищуриваться. Подозреваю, со стороны лицо выглядело перекошенным.

Вытащенные из комнаты сундуки занимали добрую часть узкого пространства, и места нам с ведьмаком на двоих было маловато. Он вроде и не пытался приблизиться, а все равно стоял рядышком.

– Отправь письмо. – Фентон протянул исписанный лист плотной сероватой бумаги, явно выданный из какого-то блокнота. – Попросил бы школяра, но надо лично в руки. Поможешь?

– Ладно, – согласилась я. – Говори, что делать.

Инструкции понял бы даже ребенок, хоть сколько-то знающий о принципе действия заклятий. Покончив с объяснениями, Фентон отдал письмо.

– Таните Эльбе.

Невольно я припомнила, с какой душевной болью он обвинял женщин в несговорчивости:

– Та самая упрямая девушка?

Он проигнорировал ироничное замечание и терпеливо пояснил, что мы тут пыхтим на общее благо:

– Нужно, чтобы она нашла и прислала записи Хэдлея. Он вел семейную летопись.

Сжав лист, я призвала темную магию. Страница начала гореть не с уголка, как должно, а в центре. На листе появилась дымящаяся червоточина. Она быстро расширилась. Кольцо огня выедало бумагу, оставляя обожженную хрупкую кромку. В воздухе пахло паленой бумагой, кружились затухающие огненные искры.

Магия быстренько лопала письмо и не морщилась, но на краях она неожиданно подавилась. Тление прекратилось. Дыра с молниеносной скоростью начала зарастать, в нее засасывались искры

и даже дым. Пару секунд спустя в моей руке снова был зажат целенький исписанный лист.

Некоторое время я сконфуженно разглядывала вернувшее первоначальный вид послание. Ни одной чернильной буковки не смазлось, и строчки по-прежнему радовали глаз педантичной ровностью.

– Попробую еще.

Второй раз опять ничего не получилось. В третью попытку огонь за бумагу не взялся. Ни одной искорки на листе! Зато на стене за спиной у Фентона, как раз на уровне головы, вдруг начала дымиться и расплзаться ткань. Дыра росла с поразительной охотой и точно бы обрисовывала вокруг ведьмачьей башки черный выжженный нимб.

Я решила, что это знак, и погасила магию.

– По-моему, пора остановиться.

Тление прекратилось, но, в отличие от письма, стенная ткань не заросла.

Идиотская, в сущности, ситуация. У меня была темная магия, но я ею не владела. Фентон владел, но темной магии у него не было. Нильс даже светлые чары не до конца освоил. В общем, под одной крышей жили три чародея, а банальное письмо переслать некому.

– Отправим с письмом Нильса, – кивнула я на закрытую дверь спальни, где мирно похрапывал парень, не подозревающий о коварном плане превратить его в посыльного.

– Ты уверена? – как-то странно посмотрел на меня ведьмак. – Не жалко школяра?

– Далеко ехать?

– Полторы седмицы перекладными.

– Далековато... – задумчиво согласилась я. – Думаешь, по дороге заблудится?

– В башню Варлоков.

– Нет, школяр отменяется, – моментально передумала я запускать ученика в ведьмачье логово. – Потом проблем с его заботливой матерью не оберемся. Поищем посыльного в городе.

Только я зашла в спальню и прикрыла дверь, внутренне даже удивляясь, что с некоторыми представителями темных при большой необходимости можно найти общий язык, этот самый «некоторый» снова постучался. Я открыла.

Повисла странная пауза. Некоторое время Фентон молча меня рассматривал, облизнул губы и проговорил:

– Не хочется терять полторы седмицы.

– И что ты предлагаешь?

– У меня возникла теория о нашем обмене. Мы меняемся на всплеске эмоций.

– Хочешь для проверки поскандалить? – с иронией протянула я.

– Не скандалить...

Он бесцеремонно схватил меня за подбородок и, нагнувшись, прижал губы к моему приоткрытому рту. Мигом я почувствовала и его теплое дыхание, и скользящее умелое движение языка. Мы оба замерли с открытыми глазами.

Фентон отстранился и отпустил мой подбородок, но ощущение этого внезапного поцелуя отпечаталось на губах. В сознании щелкнуло.

– Да ты не темный, а бессмертный! – Я без колебаний попыталась заехать ему в челюсть.

Ведьмак ловко перехватил сжатый кулак, накрыв его большой мозолистой ладонью.

– Смотри-ка, сработало, – как-то слишком беспечно хмыкнул он. – Все-таки эффект неожиданности дорогого стоит.

– Даже сломанной челюсти? – огрызнулась я и перевела взгляд с нахальной небритой рожи на наши сомкнутые руки.

Сквозь его пальцы пробивался голубоватый свет возмущенной светлой магии, исходящий от моей руки. Я разом растеряла добрую долю душевного трепета по поводу бесцеремонного поцелуя и, высвободившись, расставила пальцы. Между ними растянулись колкие разряды светлой магии.

– Не благодари, – совершенно обнаглел Фентон.

Не придумав колкий ответ, я окинула его презрительным взглядом и шарахнула дверью так, что сотрясся дом.

Скажите, где найти силы и не скормить этого отвратительного мужика умертвию? Вроде ведет себя как нормальный человек, но вдруг – раз! – и снова превратился в паршивого ведьмака.

Но с другой стороны... ведь сработало.

Глава 8

Бытовой шабаш

Утром я проснулась не от солнечного света, льющего в окно, и даже не от гомона птиц, обрадованных хорошей погодой. А от запаха еды! Три года в моем доме по утрам пахло зельями разной степени зловонности, а сегодня в воздухе разливался аромат кофе, гренок и чего-то еще, вызывающего просто зверский аппетит.

Не отрывая голову от подушки, я вытянула руку и призвала магию. Пальцы заискрились знакомыми с детства чарами. Как в сказке, от поцелуя проснулась добрая колдунья.

Правда, целовал меня не принц, а ведьмак, наверное, поэтому настроение было, мягко говоря, пакостным. Так сказать, издержки преобразования. Зато эта колдунья была способна принять горячую ванну, не бегая туда-сюда по лестнице, с первого этажа на второй, поидиотски таская воду в тазике! Достаточно просто использовать заклятие.

В общем, пусть ведьмак пока ходит с зубами. Я всегда их успею выбить чугунной сковородой.

Но, открыв дверь маленькой ванной комнаты, я замерла на пороге. Чудесные розовые полотенца, своим нежным колером тонко намекающие, что принадлежат особе женского пола, жалко свисали с крючков насквозь мокрыми тряпками. Я сама ими не пользовалась, привесила только ради создания уюта, но мужики не преминули вытереть мокрые, прости господи, рожи! Банка с угольной пастой для чистки зубов стояла открытая, овальное зеркало было заляпано, край раковины усеивала сбритая мужская щетина.

Однако даже щетину можно пережить. Когда-то я снимала отвратительные проклятия, со вчерашнего дня знала, какие на ощупь волосы у умертвий, и вообще никогда не страдала брезгливостью, но... В медной ванне на гнутых ножках в мутной илистой жиже плавала рыба.

Самая настоящая, речная.

На секунду я прикрыла глаза и который раз за последние несколько дней попыталась представить себя проклятой гладью

мертвого озера. Что б оно ожило и заново омертвело!

Перед мысленным взором появился заросший камышом пруд. Сознанию отчего-то требовалось узнать точный адрес водоема, откуда приплыл щедрый улов.

Потерпев полное фиаско в самоуспокоении, я открыла глаза и рывкнула на такой громкости, что, наверное, злой клич спугнул с дуба ворон, долетел до Круэла и заставил какого-нибудь случайного прохожего осенить себя божественным знаком.

– Нильс!

Школяр появился в рекордное время, словно от ужаса мгновенно освоил искусство перемещения в пространстве без порталных амулетов. Одет он был по-простому: в широкие штаны, простую рубаху и мой кухонный фартук в горошек, с большой натяжкой завязанный бантиком на спине.

– Учитель, что с вами случилось этим добрым утром? – с трудом дыша, выпалил он.

– Хочу задать неловкий вопрос.

– Вы вчера сказали, что только темным магам вход в ванную запрещен! – мгновенно принялся каяться он. – Но я-то с рождения светлый и не могу из бочки, как верховный. Мне надо привыкнуть к деревенской жизни.

– Это и так ясно. Ты скажи, почему в ванне рыба?

– Какая рыба? – моргнул он и, начиная наливать нездоровым румянцем, приблизился к ванне. – Ой, правда, рыбка. Смотрите, какие тощенькие окуни...

– Вылавливай, – сдержанно перебила я поток неуместной радости.

– Руками?! – ужаснулся он. – Живую рыбу?

– Можешь взять сачок.

– Где?

– Понятия не имею. Никогда не занималась рыбалкой.

– Я тоже! – проскулил он.

– Чудесно, – кивнула я. – Получишь новый опыт.

Он растерянно проследил, как я двумя пальцами подняла с раковины открытую банку с зубной пастой, взяла из вазочки щетку для зубов и шагнула к двери.

– Учитель, не оставляйте меня с ними одного! – простонал он. – Я никогда не брал в руки живую рыбу. И сачка нет. Вдруг она кусается?

– Нильс, вспомни второе правило светлого чародея: импровизируй.

Горячая ванна снова отменилась. Я отправилась умываться в кухню. Хотелось верить, что у пресветлого кончился запал, и снова текла чистая вода, но надежда оказалась тщетной. Кран выплюнул ржавые брызги и выпустил тонкую грязную струйку. Папаня не просто испортил воду, но, похоже, ее перекрыл. Умылась чем дали.

Через некоторое время, когда я угрюмо прихлебывала горячий кофе, Нильс появился в кухне. Вспаренный и промокший, он тащил в переднике улов. Свободолюбивая рыба билась и пыталась выскочить наружу. Один шустрый ерш все-таки шлепнулся на пол и забарабанил хвостом, до смерти перепугав Йосю.

В панике табуретопес сначала рванул под ноги школяру, едва не опрокинув того со всем рыбьим семейством, шарахнулся в укрытие под стол и ударился о ножку. Посуда зазвенела. По скатерти из блюда с щербатым краем разлетелись песочные печенья. Сладкое я дома никогда не держала – не любила. Очевидно, вкусняшками сына снабдила мадам Баек.

Наконец все рыбины перебрались в медный таз и были залиты водой. Нильс стянул с себя мокрый фартук и обтер им взмокший от усердия лоб.

– Выловил. На обед сварю молочную уху.

– У нас нет молока. – Я поднялась из-за стола и ласково кивнула: – Идем.

Ласковым кивок школяру не показался.

– Куда? – насторожился он.

– Учиться светлой магии, Нильс, – пояснила ему, как неразумному дитяти. – Ты же сюда приехал учиться заклятиям, а не упражняться в готовке. Верно?

Он обиженно сопел и следовал за мной как на эшафот. Тихие шаги излучали вселенскую скоробь.

– Госпожа чародейка, – внезапно перейдя на официоз, позвал он, – вы сегодня темная или светлая?

– Догадайся.

– Значит, темная, – вздохнул Нильс.

– Ошибаешься, – мягко улыбнулась я, вызвав в школяре очередной приступ паники.

– Так вы с верховным опять поменялись? Тогда почему у вас обоих поганое... плохое настроение. Он ушел в город и даже не сказал, когда вернется.

Никак не комментируя отсутствие партнера по магической катастрофе (глаза бы мои его еще десять дней не видели!), я открыла дверь в ванную комнату и пригласила:

– Добро пожаловать.

– В ад? – пискнул он фальцетом.

– Как получится.

– Тогда вы первая! Ладно... пойду первым я.

Он втянулся бочком в маленький закуток, подвинулся к стене и замер с выражением глубокой обреченности на лице.

– Выливай воду, Нильс, – указав на ванну, приказала я.

– Как? – растерялся он.

– Ты должен спросить не как, а куда, – нравоучительно поправила я, но все-таки выдала инструкцию: – В любой известный тебе водоем с помощью заклятия перемещения. Действуй.

Некоторое время школяр пыхтел, водил руками над мутной жижей, что-то бормотал. Наконец вода из ванны начала убывать, пока совсем не исчезла, оставив после себя грязную каемку на медных стенках и тину, облепившую дно.

– Заливай воду, – велела я.

– Учитель! – взвыл Нильс. – Это же два разных заклятия!

– Не ной, а действуй.

– Это еще одно правило? – буркнул он.

– Практический совет специально для юных талантов, – поправила я. – Подходит под все случаи жизни. Что ты должен спросить?

– Откуда брать воду? – промычал он.

– Верный вопрос! – Я щелкнула пальцами, невольно выбив сноп искр, и Нильс вздрогнул. – Из любого источника, где не плавает рыба.

С обреченной миной он призвал магию. Белобокий кувшин с голубым цветочком, стоящий на столике возле раковины, подозрительно задрожал и даже запрыгал. Секундой позже из него в потолок ударила струя вина, но немедленно опала, оставив после себя темный след, большие лужи на полу и пустую ванну.

После извержения гейзера наступила зловещая тишина. В воздухе стоял запах перебродивших ягод и хмеля. Даже не хотелось думать, чей именно винный погреб оказался ограбленным. Лучше бы его матушки.

– Да ты, смотрю, добытчик, Нильс, – хмыкнула я.

– Простите, – нашел в себе силы подать голос тот.

– Выливай вино, – кивнула я на кувшин, а когда тот, отплевавшись пенистыми брызгами, опустел, скомандовала: – Наливай в ванну... Воду!

Глинистая жижа, не иначе как из какой-то канавы, начала заполнять раковину. Стремительно набралась и полилась через край.

– Не стыдно? – отступив, чтобы не намочить домашние туфли, вкрадчиво уточнила я.

– Мне очень, очень страшно, – очередной раз чистосердечно признался Нильс. – Учиться у вас еще страшнее, чем шантажировать.

– Рада, что ты наконец это понял, – с иронией похвалила я и кивнула: – Выливай... эту гадость.

Раковина опустела.

– Заливай. Воду!

В ванне забурлило, запенилось, и на дне появилась мыльная вода, очевидно, сворованная из чьей-то кадки с постирушками. В подтверждение моей догадки на поверхность между тиной, речными водорослями и просто непонятной гадостью всплыло мужское исподнее нелепой расцветки, напоминающей обивку табуретопса. Полагаю, обворованная прачка бросилась пить успокоительные капли.

Нильс выглядел так, словно собирался в этой самой мыльной воде утонуть.

– Что ж, – вздохнула я. – По крайней мере, сейчас ты прицелился. Выливай.

– Учитель, сколько еще? – плаксиво протянул он.

– До тех пор, пока не научишься, – спокойно объявила я. – Так что вперед, к свершениям!

Пока школяр самостоятельно постигал основы полезных в домашнем хозяйстве порталных заклятий, я занялась насущным. Неизвестно, когда светлый дар ускользнет к ведьмаку, и мы снова окажемся чародеями при магии, но вынужденными размешивать мед в чашке чая, как самые обычные люди.

Сначала устроила в кухонной раковине постирушки. Сунула грязную одежду, залила воду, какая была, и сунула кусок мыльного камня. Под действием заклятия вещи начали лениво вращаться, оттирая сами себя. Через некоторое время бурление остановилось.

Легким взмахом руки я заставила мокрое платье подлететь в воздух и завернуться крепким жгутом. Оно отжалось, осыпав брызгами пол и кухонный прилавок... А в тазу, между тем, издыхала выловленная из ванны рыба.

– Надеюсь, школяр, молочная уха того стоит, – потирая дрожащее веко, тихо пробормотала я.

Кучу влажного белья пришлось тащить в бочку для полоскания на себе. Конечно, теперь эта бочка некоторым образом превратилась в ведьмачью купальню, но пусть сам себе натаскает чистой водички. У нас тут темных прислужников нет.

Йосик радостно потрусил за мной на улице. Бодренько я вышла из дверей и замерла с горой влажного мыльного белья в руках. На дорожке стоял Дюк. Руки с длинными когтистыми лапами, лишь отдаленно напоминающие человеческую кисть, жалко высовывались из широких рукавов измусоленной рубашки, из грязного ворота торчала тонкая шея.

Похоже, лопата-подпорка все-таки съехала, и одинокое некромантское создание поторопилось явить бледный лик темной хозяйке... А хозяйка стала светлой. Просто светлее не придумаешь.

Он принялся. Ноздри расширились, челюсть приоткрылась, и Дюк сорвался с места. Я мгновенно призвала магию и, зачем-то крепко прижав белье к груди, словно не уронить его на землю было самой главной задачей, приготовилась огреть монстра очередной сковывающей печатью. Но совершенно неожиданно он не напал, а выхватил из моих рук мокрое платье, как будто хотел сожрать влажную ткань, а не свеженького человека.

Вся куча белья свалилась под ноги, а я рефлексивно вцепилась в подол отобранной шмотки. Раздался треск. Платье разодралось по поясу на две части, и каждому щедро досталось по половине. Мне юбка, Дюку – верх с рукавами.

Минус одно домашнее платье в гардеробе.

– А ну брысь отсюда! – рявкнула я.

Он утробно рыкнул, словно жалуясь, как одиноко и голодно ему было сидеть в запертой клетке. Особенно когда весь прошлый вечер в огороде без страха шарахалась еще не надкушенная двуногая еда, а сквозь дыру в крыше было видно, как прыгают аппетитные воробьи.

– Место! – Я ткнула в сторону, намекая на тесную клетку.

Дюк смотрел по-рыбьи мертвыми глазами, пах как бродяга, три года не видевший мытья, и не шевелился.

– Чучело, может, тебя упокоить? – Я смирилась с тем, что залезать обратно в домик умертвие не желает, и начала собирать одежду.

Три раза уронив ночную сорочку, отчего стало ясно, что ее больше не нужно полоскать, а можно заново стирать, я все-таки выпрямилась с горой белья в руках. Дюк немедленно выпестовал лапы и попытался схватиться за брюки.

Я ловко увернулась, не давая острым когтям вцепиться в свисающую штанину.

– Да чего ты хочешь-то?

Он выдал странный звук, что-то среднее между ослиным блеянием и стариковским кряхтением. В жизни ничего подобного не слышала. Полагаю, у другого бы волосы на затылке зашевелились, а у Нильса чуб и вовсе встал бы дыбом.

– Ты белье, что ли, хочешь донести?

Если бы он ответил человеческим голосом, пожалуй, у меня случилось бы полное переосмысление чародейской жизни.

Чувствуя себя если не сумасшедшей, то очень близко, я переложила кучу в подставленные лапы.

– Смотри не урони.

Вообще, странно требовать от умертвия аккуратности, учитывая, что я сама белье уже три раза поваляла по земле.

К бочке мы пошагали торжественной шеренгой. Сначала я, потом Дюк с одеждой. Замыкал шествие бодренький Йося. Из-за угла, прочертив путь под кусты и весело журча, тек ручей.

Откровенно сказать, за дом я заворачивала с опаской. И не зря! Через край бочки непрерывно лилась вода, как из бездонного источника. На земле образовалась большая лужа. Из нее в разные стороны разбегались ручьи, и плавали мужские трусы в цветочек...

– Постирушки отменяются, – на выдохе пробормотала я, не найдя приличных слов.

Очевидно, в какой именно водоем, известный ему, сливал ванну Нильс. Уперев руки в бока, я терпеливо ждала, когда школяр прекратит безобразие. Что за склонность к потопам, право слово? От мгновенной взбучки его спасало только усердие, с каким он пытался постичь заковыристое заклятие.

Неожиданно вода начала стремительно убывать. Бочка опустела. Видимо, школяр обнаружил, что снова напортачил, и постарался исправить ошибку.

– Ладно, живи и чародействуй, – смилостивилась я и зашагала обратно в дом.

На пороге попыталась отобрать у Дюка белье, но умертвие вцепилось в кучу мертвой хваткой и выдало обиженный ослиный клич. После недолгой борьбы пришлось оставить ему штаны. Остальное он отпустил, но портки чем-то ему приглянулись. Может, намекал, что пора бы его уже приодеть. Заодно и помыть.

– Да подавись ты этими штанами! – буркнула я и захлопнула дверь, едва не прищемив несчастного Йосика. Табуретопес жалобно взбрыкнул поцарапанными ножками, дескать, он виноват, а досталось мне.

Вещи вернулись на стирку в раковину, а я поднялась на второй этаж и заглянула к Нильсу. До нитки промокший и вздыбленный, с сосредоточенным видом он отработывал порталное заклятие.

– Как успехи?

– Прекрасно! – Его глаза горели от восторга. – У меня получается! Смотрите, учитель!

В ванну начала прибывать чистая, свежая и, по всей видимости, ледяная вода, возможно, перетекающая из хрустального ключа в каком-нибудь первозданном лесу. Затем ванна начала пустеть, и я невольно представила, как из бочки в кустики льется ручей, а по нему в большое путешествие несутся разноцветные труссы.

– Откуда берешь воду? – поинтересовалась я.

– Понятия не имею, – радостно объявил Нильс. – Но она такая вкусная и чистая, как из королевского грота!

Я подавилась на вдохе и, кашлянув в кулак, мысленно попросила светлых богов, чтобы это все-таки оказался первозданный лес, а не личный источник его величества. Такого нахальства даже я себе не позволила бы.

– А куда сливаешь?

– В фонтан. Вернее, сначала куда получилось, а потом в фонтан, – оговорился Нильс.

– Надеюсь, не перед королевским дворцом? – сдержанно поинтересовалась я и едва не скрестила пальцы.

– У матушки перед домом. Окно моей спальни на него выходит, а там страхолюдина стоит со львом. Вот такая пасть! – Он изобразил руками львиную пасть и добавил: – И все время вода хлещет. Может, наконец снесут, а то смотреть на нее сил нет.

Похоже, школяру приоткрылась дверь в новый дивный мир, где заклятия дарили головокружительные перспективы причинять добро и сеять благодать. Даже если добрыми чары казались только магу, ее создающему.

– Чудесно, Нильс. – Я осмотрела усталую от урока порталного колдовства комнату. – Теперь ты получил официальное разрешение на мытье в доме. Можешь хоть сейчас.

– Да я уже... – он осмотрел насквозь промокшие закатанные рукава рубашки, облепившие крепкие руки, – некоторым образом помылся.

– Тогда переделай заклятие.

– Опять?! – ужаснулся он.

– Нет, матушке, конечно, приятно причинять добро, но лучше пусть сливается в какой-нибудь водоем. И уберись здесь! – резко приказала я, указав на винное пятно. – Чтобы ни одной лужи на полу!

Ведьмак появился ближе к полудню, когда солнце во всю иссушало болотце возле его импровизированной купальни. Я развешивала перестиранную одежду на веревку, натянутую за кустами между двумя крепенькими рябинками. Дюк верным слугой прижимал к впалому животу корзину с таким усердием, что хрустели прутья.

Стоило выйти с нею из дома, как он вцепился в край – не отдерешь. Так и доковыляли до веревки, спрятанной за кустами от лишних глаз: сначала я, потом умертвие с корзиной, а следом снова любопытный Йосик, выступающий за любой кипеж на огороде.

– Ты бы хоть держался не с подветренной стороны, – ворчала я на Дюка, источающего незабываемый аромат.

Из-за кустов донеслась тихая брань голосом Фентона. Видать, он не сразу обнаружил грязь и практически увяз в ней. Вскоре ведьмак

появился во плоти и, не утруждаясь приветствиями, недовольно буркнул:

– Почему здесь плавает мужское исподнее? Школяр топился или в доме случился потоп?

Дюк резко повернул голову и зашипел, как кот, защищающий свою территорию.

– В доме случился учебный процесс, – сухо пояснила я и, шлепнув монстра по подбородку, заставила прихлопнуть пасть. – Не шипи!

– Дрессируешь ученика и умертвие? – хмыкнул Фентон.

– То есть постирушкам ты его не учил.

– Он сам воскрес хозяйственным.

– Полагаю, Дюк нам демонстрирует, что очень хочет в мужскую купальню и переодеться в чистое. Не собираешься, сделать своего питомца счастливым? – Я покосилась на ведьмака. – Иначе он совсем опечалится и кого-нибудь сожрет.

– Теперь он больше похож на твоего питомца, – отказался он превращаться в банщика для монстра.

– Тогда я его упокою.

– Он нам нужен, чтобы открыть тайник, – напомнили мне.

– Значит, придется искупать, – вздохнула я и, пристегнув прищепкой к веревке последнюю вещь, спросила: – Отправил вчера свое письмо?

– Отправил.

– А в город зачем ходил?

Полагаю, Фентон заметил, как я подчеркнуто не смотрю в его сторону.

– Забрал у Дюпри гонорар. – Он вытащил из кармана кожаный кошель и протянул мне. – Твоя часть.

Глупо кривить физиономию, когда отдают деньги. Я забрала заработанные монеты и, ослабив завязку, посмотрела в кошель. Оказывается, рассматривать гонорар было страсть как приятно. Особенно когда он заработан в обход ковена и папане не достанется ни медяшки из этих денег.

В этот момент Йосик выскочил из зарослей лопухов и, мельтеша ножками, бросился догонять воробья. Он вообще любил погонять птиц.

О том, что погонять птиц любит и мертвые, мне было невдомек.

Увидев скачущий обед, а следом за ним конкурента, Дюк сорвался с места. Не выпуская из лап корзину, он бросился напролом через кусты. Видимо, опечаленный отсутствием чистых порток монстр перво-наперво решил пообедать.

– Фу! Стоять! Брось корзину! – выкрикнула я скороговоркой.

Внезапно прозвучал глухой удар, а следом раздался хруст. Нахмурившись, я подвинула ведьмака и выбралась из кустов. Мне открылась дивная картина, даже в книжках такого не видела, а потому не смогла бы представить и в хмельном бреду.

Сломанная корзина валялась на боку. Дюк вытянулся на пузе в грязной жиже. Руки были прижаты к бокам, голова вывернута, на вымазанной морде застыло выражение полного покоя и даже умиротворения. Зубы впивались в деревянную ножку оцепеневшего табуретопса.

– Умертвиям делают вставные челюсти? – зачарованно спросила я у ведьмака.

– Никогда о таком не слышал. – Судя по всему, он был впечатлен ничуть не меньше моего.

– Учитель! Ванная комната скрипит от чистоты! – Из-за угла дома возник бодренький Нильс, даже успевший переодеться. При виде монстра, грызущего ножку табуретки, он замер и, не поднимая глаз, пробормотал:

– Мебель они тоже едят?

– У него зачесались зубы, – с иронией ответила я. – Давай устроим банный день, Нильс?

– Вы не заставите меня мыть мертвые! – мгновенно догадался он, кого именно следовало хорошенько поскрести щеткой с мылом. – Хотите, еще раз помою ванну? Или лучше поесть приготовлю! Рыбка из тазика очень хочет попасть в котелок... Что угодно, только не мыть монстра.

– Он смердит и грязный, а я не могу его мыть, – пожала плечами.

– Почему?

– Что непонятного? Я девочка, – указала пальцем на себя, а потом показала на Дюка, – он мальчик.

– Он мертвые! – с отчаянием воскликнул Нильс. – Которое зачем-то жрет табурет.

– Умертвие мужского пола, решившее слопать табурет, а не нас, – со значением поправила я.

– А верховный? – с надеждой на спасение обратился он к ведьмаку, все еще не осознавая тот факт, что в нашей маленькой общине самый младший житель – существо бесправное.

– Нет, – в обычной манере коротко отказался Фентон.

– Но если монстр меня прикончит?! Как я объясню маме, что меня сожрали? Она же взбесится! – не найдя других аргументов, выпалил школяр.

– Он уже табуреткой наелся, – уверила я, не уточняя, что Дюк, похоже, привык к нашим запахам и начал воспринимать частью стаи. И вожаком, судя по всему, признал меня. Даже не знаю, радоваться или что?

– Мне его правда мыльцем тереть? – охнул Нильс, когда мы с ведьмаком слаженно потянулись из огорода к дому. – Это угнетение чародея чародеем! Дедовщина! Я пожалуйюсь в магический совет!

– Обязательно пожалуйся. Отказывать себе в жалобе на жестокого учителя вредно для здоровья, – согласилась я, на цыпочках вышагивая по мокрой глинистой земле. – Только сначала помой умертвие.

– Ты, главное, рядом с ним не делай резких движений, – бросил Фентон, поравнявшись с ним.

– И вообще, Нильс, знающие люди говорят, что тяжело в учении – легко в бою, – подбодрила я, мимоходом похлопав его по крепкому плечу.

– У них просто были другие наставники... – глядя на Дюка, упавшим голосом пробурчал школяр.

Следующий час, сидя за кухонным столом в полной преподавательской гармонии, из окна мы с Фентоном следили за купанием, попивали крепкий до горечи чай и закусывали остывшими гренками. Мытье проходило энергично, в несколько актов. Смотреть не пересмотреть!

Раздетый до пояса Дюк то и дело сбегал и, мелькая ребристым торсом и намыленной башкой, носился по грядкам за добычей: воробьями, воронами. Один раз зачем-то кинулся за бабочкой.

Размахивая мочалкой и оглашая окрестности бранью, Нильс бросался в погоню. За ним скакал покусанный Йося. И каждый раунд

сумасшедших банных ловитков был хорош по-своему. Настоящая драма, комедия и история о борьбе добра со злом на одном огороде.

То Нильс споткнулся и в полете схватил умертвие за ноги, опрокинув между грядками, а потом повел к бочке, подталкивая в спину и костеря на чем белый свет стоит. В следующий раз табуретопес бросился наперерез Дюку и устроил большую свалку.

Третий побег увенчался-таки успехом! Наш голодный питомец поймал ворону и тут же попытался слопать. Охаживая монстра мокрой мочалкой, школяр отбивал птицу с таким усердием, словно спасал не тварь, как не в себе каркающую по утрам вместо петухов, а королевского павлина, за которого отвечал собственной жизнью.

В общем, не прошло и суток в доме светлой чародейки, как Нильс, вскормленный мамиными булочками, начал материться не хуже, а местами даже лучше верховного и перестал бояться умертвий.

Если подумать, прекрасный преподавательский результат! Можно писать умные брошюры и делиться опытом с другими наставниками, кому навязали учеников.

На время все смолкло, только доносился плеск воды и тихое недовольное бормотание Нильса. И вдруг он вскрикнул!

– Опять Дюк сбежал? – прихлебнув чай, лениво поинтересовалась я.

Фентон поднялся из-за стола и выглянул в окно.

– Никого не видно.

Секундой позже с треском открылась задняя дверь. Бледный как смерть школяр с лихорадочно блестящими глазами ворвался в кухню.

– Он меня укусил! – воскликнул он, вытягивая дрожащую правую руку. – За палец!

Нам немедленно предъявили укушенный указательный палец с четкими полукруглыми следами от человеческих зубов. В ранках выступала кровь.

Я помогла пострадавшему ученику усесться на стул и сдержанно постучала в дверцы посудного шкафа, прося Петунью отпереть «домик». Видимо, оценив размер трагедии, она открыла нижнюю полку с мятным хмелем.

– От укуса умертвий ведь умирают? – тихо спросил Нильс. – Мне конец, да?

– Нет, – спокойно ответила и, вытащив бутылку из угла, щедро плеснула школяру в чашку.

– А если я превращусь теперь в зомби?!

Вообще-то, от укуса умертвия еще никто не превратился в живого мертвеца, но заражение крови никто не отменял.

Никак не комментируя ерундовую байку, которой на занятиях друг друга пугали студенты, я подвинула чашку к парню:

– Выпей.

Не вступая в препирательства, он опрокинул в себя настойку. Глаза мигом покругтели, а бледное лицо налилось нездоровым румянцем.

– Она от укусов? – жалобно выдохнул он.

– От большого воображения, – пояснила я.

– Вижу, вещь достойная. Может, мне тоже подлечиться? – оживился ведьмак. – А то дни какие-то суматошные. Воображение разыгралось.

– Не тяни лапы. – Я хлопнула его по руке. – Это для обеззараживания организма.

– Так мне надо.

– Наскреби в очаге древесного угля и выпей! – отказалась я поить ведьмака любимым напитком. – Сейчас принесу снадобье.

Но после мятного алкоголя в Нильсе проснулось не здоровье, а здоровая подозрительность, и он недоверчиво сощурился:

– А ваше снадобье такое же ядерное? У него срок хранения не вышел?

– Вот и узнаем, – сухо отозвалась я, мысленно уговаривая себя, что с истерящими отроками нужно быть терпеливой и великодушной.

К сожалению, терпения мне никогда не хватало, душевной широты тем более, и внутри уже зарождалось знакомое раздражение. Пока сила воли не подвела и не возникло острое желание накатить школяру пару успокоительных слов, после которых он бы лег посреди кухни и начал активно умирать, я быстро ретировалась в погреб.

– Вдруг я отравлюсь? – доносился голос обеспокоенного Нильса.

– Школяр, ты же все равно собрался издохнуть. Есть принципиальная разница, от чего? – рассудил Фентон.

– Верховный, грешно издеваться над человеком на пороге смерти, – обиженно пожаловался Нильс.

Но тот был душевно глух и к укушенному парню, и к суете, возникшей вокруг его пальца. Ведьмака в свое время умертвие распорол когтями – доказательство отпечаталось на груди тремя длинными шрамами, – и то он выжил.

Некоторое время я обыскивала полки, пытаясь найти флакон. Зелье хранилось еще со времен переезда, но в Круэле некроманты не селились и умертвий не было. У простых горожан пользовались спросом снадобья от самых обычных болезней: мигрени, подагры, бессонницы. Но больше всего я любила варить зелья красоты и преобразений, хотя раньше испытывала к ним легкое презрение. Дурой, короче, была. За них очень щедро платили!

Вернее, платили не только за эликсиры, но и за молчание. «Только чтобы тощая хмарь из дома напротив никогда, ни за что, ни при каких обстоятельствах не узнала. Вы не видели, как она постройнела?!»

О том, что та самая соседка каждый месяц покупала зелье для похудания, я помалкивала и согласно кивала. Прикусив язык. Успех торговли вообще сильно зависел от того, умеет ли чародейка хранить чужие секреты.

Между тем в плетеных ящичках зелья тоже не нашлось.

– Так... – Глубоко вздохнув, я уперла руки в бока и попыталась припомнить, куда сунула бутылочку, заткнутую специальной затычкой из пробкового дерева алого цвета.

Видимо, в порыве хозяйственного энтузиазма когда-то ее выбросила за ненадобностью и напрочь забыла об этом недалевидном поступке. Но в Круэле никого не кусали зомби! До Нильса.

Из погреба вернулась ни с чем. Обстановка в кухне не поменялась: Нильс энергично собирался на тот свет, ведьмак с удовольствием над ним пошучивал, рассказывая самые быстрые пути ухода, и лишь бутылка с неприкосновенным мятным хмелем заметно обмельчала. Видимо, подлечились все.

– Судя по твоему задумчивому виду, снадобье ты не нашла, – резюмировал Фентон.

Оставалось с сожалением развести руками.

– В смысле, снадобья нет? – охнул Нильс. – Выходит, это точно конец?! Трупный яд дойдет до сердца, и я превращусь в живого мертвеца? Смотрите, у меня уже палец опух! Видите?

Он продемонстрировал мне припухший палец, а потом сунул его в сторону ведьмака:

– Вон посмотрите, верховный. Он уже синее!

– Отрубим и остановим заражение? – по-дружески предложил Фентон.

– Нет! – страшным голосом рыкнул Нильс и поспешно спрятал руку под стол. – Я умру со всеми девятью пальцами... Десятью пальцами. Двадцатью! У меня же еще на ногах два десятка...

– Один, – непроизвольно поправила этого гения человеческой анатомии.

– В смысле?

– С арифметикой, школяр, у тебя большая беда, – не удержался ведьмак.

– Это предсмертный бред, – прохныкал тот.

Момент для отрезвляющей тирады, прямо скажем, был неудачный, поэтому я перевела дыхание и очень мягко, насколько вообще способна, попыталась уговорить укушенного:

– Нильс, я сейчас сварю зелье, а ты его примешь. Поверь, ты не умрешь. Точно не в моем доме.

– Ага! – Он ткнул в мою сторону тем самым прокушенным пальцем. – Оттащите умирать в огород? Как шелудивого пса?

– Да ты достал, школяр! – сорвалась я. – Сколько можно ныть? Ты на кой демон вообще ему палец в рот совал?!

Нильс вдруг съежился и втянул шею в плечи. В гробовой тишине зачарованно, словно ребенок, обнаруживший за дверью в спальню проход в параллельный мир, приглушенным голосом он проговорил:

– А вы видели, что у умертвий черный язык? Это так странно...

– Ты действительно сунул ему палец?

– Я заметил... и дальше все как в тумане, – прошептал школяр. – Очнулся, а палец уже у него в зубах...

– Боже, экспериментатор ты недоделанный, – пробормотала я. – Значит, так! Мы подумали, и я решила. Нильс, ты идешь на второй этаж и там тихо страдаешь. Ведьмак идет домывать своего кусачего питомца. А я варю зелье. Никто никому не мешает! Всем ясно?

Возникла ошарашенная пауза.

– И что вы застыли? – рявкнула я.

– Я не хочу мыть мертвые, – отказался Фентон, неизменный в своем нежелании заботиться о Дюке.

– А я не хочу мучиться в одиночестве. Мне нужна компания, – закапризничал Нильс. – Это последнее желание умирающего!

Чувствуя, как глаз начал противно подрагивать, я скрестила руки на груди, всем видом демонстрируя, что запас терпения иссяк... И тут-то оно снова случилось! Пальцы задымили от темной магии.

– Да чтоб вам всем сдохнуть! – в сердцах выругалась я и, прикрыв на секунду глаза ладонью, перевела дыхание.

– Я в процессе... – загробным голосом тихо провыл Нильс.

– Истину говорят умные люди: не злите добрую колдунью, – покачал головой Фентон.

– Ты же не станешь цитировать поговорки? – прошипела я, глянув на него из-под ладони.

Но когда ведьмака останавливало чужое недовольство? Конечно, он закончил истинно философскую мысль:

– Иначе она взбесится и превратится в ведьму.

В какой момент его перестало волновать, что родовая магия ходит по рукам? Он неожиданно начал воспринимать смену дара с преступным спокойствием, как неизбежное зло. Словно составил в голове план по возвращению магии и, следуя ему, вернул душевное равновесие. И даже успокоительной настойки не понадобилось!

– Зря скалишься, – сухо вымолвила я. – Вам с Нильсом теперь варить зелье.

– То есть я еще и спасти себя должен сам? – возмутился школяр, даже приподнявшись на стуле.

– Спасение издыхающих – дело рук самих издыхающих, – с глумливой ухмылкой подбодрил его Фентон.

– Утопающих, верховный, – жалобно поправил парень.

– Но ты же не тонешь.

Оказалось, что рецепт снадобья прочно отпечатался в памяти. Даже не пришлось доставать личный гримуар, куда я с отрочества записывала все приготовленные зелья, испробованные заклятия и странные признания в любви к парням-чародеям, чьи имена мне давно ни о чем не говорили.

Не удивлюсь, если некоторые были книжными героями. Будучи подростком, между колдовскими книгами из вскрытого отцовского

хранилища и учебниками я любила почитать разную романтическую чушь.

В приготовлении каждый участвовал как мог. Я управляла процессом. С темной магией к котелку, окутанному светлыми чарами, лучше не соваться. Под моим чутким руководством зелье варил Нильс с перевязанным пальцем: резал, взвешивал и отмерял ингредиенты. А Фентон занимался самым важным делом: не толкался возле очага и не мешался под ногами.

– У меня ощущение, что я прохожу ускоренный курс по магической науке, – проворчал школяр, шмыгнув забитым от резкого запаха носом. – Пять лет академии за два дня.

– Это просто реальная жизнь, школяр, – голосом философа, измученного собственным мудростью, прокомментировал ведьмак.

– Здесь так всегда?! – ужаснулся Нильс и пытливо посмотрел на меня.

– Не отвлекайся, – проворчала я.

Заскучав во время своей миссии, ведьмак решил заняться делами не столь важными и необходимыми. Естественно, по его мнению. Он отбыл в сад и начал приносить пользу: домыл успевшего обсохнуть на солнышке Дюка, придел в старую сорочку и закрыл его в сарае, а потом с большой охотой взялся рубить дрова.

Вскоре у Нильса разболелся укушенный палец. Школяр выхлебал полфлакона обезболивающего эликсира, но держать поварешку больше не мог. Пришлось отпустить его с богом страдать на второй этаж. В компании бутылки мятного настоя, раз мучиться в одиночестве ему не позволяла вера.

Фентон с охапкой дров для очага вошел в дом как раз в тот момент, когда белый как простыня парень тихонечко поднимался по лестнице.

– Твоя очередь, верховный, – кивнула я в сторону разделочной доски, где возлежала готовая к резке череда.

Ведьмак молча сложил нарубленные поленья в дровницу, с непроницаемым видом подошел ко мне. Не успела я рот открыть, как он снова бесцеремонно схватил меня за подбородок и заткнул этот самый рот поцелуем. Прикосновение было сугубо деловым, решительным и холодным. Как если бы Фентон выдавал лекарское снадобье.

– Помогло? – спросил он.

Несколько обалдев от неожиданного нападения с последующим лобзанием, я не нашла приличных слов, поэтому продемонстрировала неприличный жест. Из кончика среднего пальца исходила тонкая струйка тающего черного дымка.

– Понятно, не в этот раз, – не потрудившись оскорбиться хотя бы из приличий, протянул Фентон. – Мы что-то упускаем.

– Ага, ты руки забыл помыть. – Я выразительно изогнула брови.

С самым серьезным видом ведьмак до локтя закатал рукава рубашки и хорошенько потер руки мыльным камнем, словно собирался проводить лекарскую операцию.

– Так пойдет? – Как малый ребенок, он показал на проверку чистые мозолистые ладони. Мне хотелось отходить его чередой по глумливой роже.

Он взял мой ритуальный кинжал с белой костяной ручкой и взвесил в руке. По заговоренному лезвию пролетели искрящие магические разряды.

– Никогда не держал ритуальный кинжал светлых, – признался он.

– Надеюсь, ты пользуешься кинжалом лучше, чем целуешься, – с милой улыбкой промурлыкала я.

Лицо ведьмака подвытянулось. Не разрывая зрительного контакта, он тюкнул кинжалом, как топором, разрубив пук череды на две части, словно представлял вместо травки мою шею.

– Мельче, – кивнула я.

Лезвие снова прошло по пучку и воткнулось в разделочную доску, разрубив соцветья.

– Так пойдет, госпожа чародейка?

– Закидывайте в котелок, господин просветлевший.

Зелье бурлило, выплескивалось через край и шипело, попадая на раскаленные камни. Кое-как порезанная череда в котелок не поместилась, торчала колючим частоколом, как солома.

– Кашу маслом ведь не испортишь, – сунув руки в карманы, задумчиво протянул ведьмак.

– Кашу нет, а зелье легко, – отозвалась я, искренне веря, что у двух-то профессиональных магов просто не может получиться бормотуха, способная свести несчастного школяра на тот свет быстрее, чем он отошел бы от яда умертвия.

Через час котелок был снят с очага. Ведьмак налил поварешкой зелье в большую кружку, попутно расплескав по столешнице темные лужицы. Комментировать я постеснялась, взяла кружку и понесла спасительное лекарство Нильсу.

Фактически нежилая прежде комната преобразилась... В нее влезло столько мебели, словно мужики копили обстановку на черный зимний день. Когда в суровый мороз во всей округе закончатся дрова, и топить очаг придется нарубленной в щепки кроватью.

Нильс в позе покойника возлежал на диване: сложил руки крест-накрест на груди и направил потухший взгляд в небо. В смысле, на потолочную балку, с которой свисал веник пересушенной аптекарской ромашки, который захватчики не срезали и не убрали в корзину с остальными травами. На полу возле дивана стояла почти опустевшая бутылка с мятным хмелем.

– Пришли попрощаться? – простонал болезный, не поднимая головы от подушки.

Не ученик, а гениальный первооткрыватель. Надо же, действительно сунул палец в пасть умертвия! В анекдоте расскажешь, и то не поверят.

Я осмотрелась вокруг, ища поверхность, куда приткнуться зелье. Диван, кровать, кресло... На стене висел ночник, цепляясь незнамо за что. Какой-то вытертый половик притащили, демоновы любители домашнего уюта. Столько мебели, чтобы мягко заземлить зад, а кружку поставишь только на подоконник. Боялись, что придется спать и сидеть на полу, что ли? Хорошо, что ставню не поленились снять.

– Нильс, ты как? – заботливо спросила я.

– На пороге смерти, – тихим печальным голосом оповестил он. – Вот... Перед глазами жизнь проходит. Пока остановился на детских годах, скоро начну вспоминать отрочество. Там-то было повеселее, есть что вспомнить.

– Ладно, не умирай, школяр. Верховный лично доварил тебе зелье.

Нильс мгновенно ожил, но насторожился:

– У него получилось?

Я вспомнила накромянные травы, торчащие из котелка, и неопределенно махнула рукой, дескать, пей и не задавай идиотских вопросов. Хуже вряд ли станет.

Он забрал кружку, с подозрением принялся и жалобно спросил:

– Ну, с богом, да?

– Я не была бы такой амбициозной.

Школяр прихлебнул дымящееся зелье, напрочь сжег язык и промычал:

– А чего не постудили?! Подуть, что ли, было сложно?

– Зарываешься, – вкрадчиво предупредила я, что готова терпеть его страдания по большому празднику первого укуса, но только в лимитированном объеме.

– Извините. – Он съежился и осторожно, вытянув губы трубочкой, принялся прихлебывать зелье. – А здоровья не пожелаете?

– Лучше удачи.

Школяр подавился и замер с надутыми щеками, словно старался удержать затычку, сдерживающую безудержный кашель. В этот момент я решила, что слишком слаба нервной системой, чтобы лично следить за исцелением Нильса Баека и подносить ему лекарства. Одно то, что снадобье он все-таки получил, это верх гуманизма по Агате Истван.

Когда мы с ведьмаком, переругиваясь, переливали остатки зелья в высокий флакон с узким горлышком, Нильс начал спускаться со второго этажа. На шее длинным белым шарфом болталась размотанная с укушенного пальца перевязь. Глаза казались совершенно шальными.

На последней ступеньке пострадавший схватился за столбик, улегся на перила и протянул с широченной улыбкой:

– Привет чародеям.

Фентон, сам того не замечая, начал переливать зелье мимо бумажной воронки, воткнутой в узкое горлышко флакона. Не сводя взгляда с очень странного Нильса, я заставила ведьмака поднять край котелка и не тратить уникальное снадобье, которое, вполне вероятно, еще не раз пригодится. Особенно если учитывать любовь школяра к практическим экспериментам.

– Палец совсем не болит! – промямлил он и, нахмурившись, посмотрел на указательный палец левой, а не правой руки. – Он даже зажил. Превосходное зелье! Знаете, от него такая легкость во всем теле.

– Нильс, ты что, пьяный? – осторожно спросила я, чувствуя, как по спине пробежал холодок. Никогда еще взвар от заражения крови не

имел столь чудесного эффекта. Интересно, а от самого заражения он помогал?

– Я трезв как стеклышко. Вон как это стекло! – Школяр указал куда-то в сторону, очевидно, на маленькое окошко в задней двери. Невольно вспомнилось, какое оно заляпанное и пыльное. – Почему вы двое все время ко мне придираетесь? И вообще...

– Что? – тихо спросила я, никак не реагируя на бурный поток откровенности.

– Мне прогуляться надо. – Он нырнул носом вниз, лишь чудом избежав столкновения с полом, едва не снес заднюю дверь и через паузу выкрикнул: – Все хорошо! Я уже поднялся!

– Оно так и должно действовать? – уточнил Фентон, и я покачала головой.

В задумчивом молчании мы посмотрели на котелок с остатками зелья и, не сговариваясь, двинули к раковине. За окном Нильс звал табуретопса и требовал немедленно продемонстрировать навык давать лапу.

– Ты пес или табуретка? – возмутился он.

– Что за зелье ты сварил? – буркнула я ведьмаку.

– Чего ты говорила, то и варил. У твоего школяра молодой здоровый организм. Он справится.

– Нужно забрать этот молодой организм домой, пока он не сбежал и не стал больным, – вздохнула я.

Нильс исчез. Казалось, что только-только мучил испуганного Йосика, теперь от греха подальше засевшего в кустах, но вдруг как сквозь землю провалился. Некоторое время в нарождающихся сумерках мы искали его по огороду и обнаружили под нетронутой ни одним катаклизмом красной бузиной. Школяр сладко спал на травке.

– Нильс, – присев я потрепала его по плечу, – ты простудишься. Вставай!

Он брыкнул ногой, повозился и подложил под щеку трогательно сложенные ладошки.

– Давай я помогу тебе перевалить его на спину, – предложила я ведьмаку.

– Или оставим его здесь. Ночи еще теплые, – недвусмысленно отказался тот переть здорового парня на закорках.

Честно, я считала почти бесчеловечным после всего, что пережил сегодня школяр, оставлять его спать под открытым небом, но тут Нильс захрапел. Во всю молодецкую силу легких.

– Принесу ему плед, чтобы не окоченел, – немедленно решила я.

Под бузиной школяр продрых до середины следующего утра. Помятый и всклокоченный, с красными от похмелья глазами и прилипшей ко лбу травинкой, он ворвался на дом. Я заваривала облепиховый чай в высоком чайнике. В кухне витали уютные запахи апельсиновой цедры и острых пряностей: перца и гвоздики.

– Доброе утро! – крикнула я школяру.

– Издеваетесь?! – рыкнул тот сиплым голосом.

– Еще нет, – искренне удивилась я.

С перекошенной расцарапанной физиономией он заскочил в кухню, тремя шагами оказался рядом со мной и злобно выставил указательный палец. Тот самый, покусанный.

– Вы!

Я перехватила его руку за запястье и проверила рану. Отек спал, следы от зубов умертвия выглядели лучше. Непонятно, чего просветлевший верховный наварил, но бормотуха определенно помогала. Зря вылили действенное средство в раковину.

– Палец почти прошел, – резюмировала я, выпуская руку обалдевшего школяра. – Поздравляю, жить будешь.

Не произнеся больше ни слова, он развернулся и, едва не проламывая ступеньки пятками, взлетел на второй этаж. Некоторое время что-то происходило в спальне, доносилось приглушенное бормотание верховного, судя по всему питавшего надежду поспать до обеда.

Через некоторое время Нильс спустился с набитой под завязку ведьмачьей котомкой в руках. Хотелось верить, что он запихнул в сумку свои вещи, а не Фентона. Иначе неловко выйдет.

– Вы оставили меня спать под кустом! – со смертельной обидой в голосе воскликнул он.

– Сон на свежем воздухе полезен для здоровья, – легко парировала я.

– Но не для душевного! Я лежал прикрытый простыней, рядом сидела одержимая табуретка, в сарае рычало умертвие, а во рту был песок!

– При мне ты землю не рыл.
– Да я решил, что сдох, и только потом понял, что нет! По похмелью!
– Побочный эффект, – развела я руками. – Зато ты выжил.
– Я ухожу! – объявил он, нервно затягивая на котомке завязки.
– Выпей чайку на дорожку, – искренне предложила я. – Только заварила.

Нильс пошел красными пятнами и шумно сглотнул.

– Знаете, госпожа Истван... Мне говорили, что к вам сунется только чокнутый, но я не верил. Мне казалось, что хороший маг и человеком хорошим должен быть! Ха-ха три раза! Вы настоящая светлая ведьма! – Последнее он практически выкрикнул мне в лицо и мстительно, с видимым наслаждением добавил: – А вот теперь я ухожу! Навсегда!

Он шарахнул входной дверью так, что в окнах и в витринах шкафа зазвенели стекла. Дремавшая Петунья очнулась и недовольно передвинула пару кружек на полке, тем самым выражая крайнюю степень раздражения.

– Счастливого пути! – благодушно пожелала я и прихлебнула из кружки облепиховый чай.

Получился слишком пряный и сладкий. Много сыпанула гвоздики и щедро плеснула меда. Зато от похмелья хорошо помогло бы. Зря школяр расписывался и не захотел попробовать. Когда вернется, чай уже остынет.

Глава 9

ПОЧТОВЫЙ ГОЛУБЬ

Едва за сбежавшим из нашего дурдома Нильсом Баеком захлопнулась дверь, в кухню неторопливо спустился сонный, но сильно озадаченный Фентон с примятой на одну сторону шевелюрой.

Одеждой он не озаботился, напялил одни портки. Да и те не застегнул. Озарял комнаты обнаженным торсом с этими его мужественными шрамами и косыми мышцами, уходящими под пояс.

– Что за переполох с утра? – широко зевнув в кулак, недовольно проворчал ведьмак скрипучим от сна голосом. – В комнату молча вломился школяр, схватил сумку, запихнул мои грязные шмотки и свалил.

– Он обиделся, что спал в огороде, и ушел из дома.

– Надолго? – Фентон без особых церемоний прихлебнул чай из моей кружки и, скривившись, вытащил изо рта звездочку гвоздики.

– Сказал, что навсегда, но сейчас вернется, – уверенно ответила я.

Входная дверь тут же широко раскрылась, вплеснув золотистый солнечный свет и сладкие ароматы погожего утра. Через порог перешагнул хмурый школяр с сумкой Фентона на том же плече, куда ее и повесил.

Десяти минут не прошло, как «навсегда» подошло к финалу. Он из гордости хоть добрался до поворота или сдался сразу за калиткой возле колокольчика?

– Я разгадал ваш план! – с вызовом заявил Нильс. – Вы специально превращаете мою жизнь в ад, чтобы я сбежал. Не выйдет! Так запросто вы от меня не избавитесь!

С видом глубоко оскорбленной невинности он решительно пересек кухню и ловко увернулся от дверцы шкафа, неожиданно выставленной у него на пути мстительной Петуньей. Победоносно ухмыльнувшись, школяр загрохотал грязными сапогами по лестнице.

– Видишь? – Я повернулась к ведьмаку. – С нечистью три года назад так же было.

– И все-таки, как ты здесь оказалась? – спросил он. – Чай завариваешь, сорняки выращиваешь.

- Полезные травы.
- Олеандр точно ядовитый, – насмешливо заметил он.
- По-разному полезные травы, – с иронией уточнила я.

Слишком мрачная тема для легкого солнечного утра. Такие разговоры обычно ведутся темными холодными вечерами. Когда хлещет дождь, единственный источник тепла – огонь в камине, и очень хочется обнаружить родственную душу в практически чужом человеке, волей судьбы оказавшемся рядом в дурную погоду.

– Ушла на покой, – вздохнула я, не собираясь вдаваться в подробности своего отъезда из замка. Да и вспоминать паршивую историю не хотелось. – Огород мне нравится больше боевой магии. Жаль, покой мне теперь только снится.

Фентон откинулся на спинку стула, скрестил руки на груди и с живым интересом посмотрел мне в лицо.

По-моему, ему было пора побриться. Торчащую в разные стороны рыжеватую бороду назвать щетиной не решился бы даже самый деликатный человек.

– Тебе было скучно копать в огороде, – объявил этот знаток чародейских душ.

– С чего бы? Ты же сам пробовал, – напомнила я про компостную яму. – Не понравилось?

– Нет.

– Потому что с огородом – как с маринованными каперсами: надо съесть десять штук подряд, чтобы войти во вкус. Тебе нравятся каперсы?

– Это ты так витиевато предлагаешь вырыть в твоём огороде десять компостных ям? – усмехнулся Фентон.

– Бог с тобой! Зачем превращать хороший участок в кладбище сорняков? – Я махнула рукой. – Просто перекопай пару грядок возле забора, пока мы ждем ответа из башни Варлок.

Между нами повисло тяжелое молчание. Фентон тяжело вздохнул, неожиданно выказывая глубокую обеспокоенность тем, что на западной границе королевства вторые сутки молчали.

– Если ответа не будет до завтра, нам придется поехать самим, – наконец произнес он.

– Никогда не бывала в темных башнях. Проведешь экскурсию?

Очевидно, что с кланом у него не заладилось. Иначе сейчас он примерял бы мантию верховного, а не искал магического монстра в сельской глуши, где о чародеях и их расправах знали все больше из книг.

– Уверен, бывала, – не купился он.

– Но точно не в башне Варлоков.

Я смахнула со стола хлопья бумажного пепла и, на мгновение замерев, подняла взгляд. В воздухе перед ведьмаком горел уголок листа. Казалось, магия запустила время вспять, и из огня стремительно выткалось письмо.

Фентон ловко подхватил доставленное послание. По мере чтения рыжеватые брови ведьмака изгибались сильнее, словно от удивления хотели залезть на лоб.

– Экскурсия у Варлоков отменяется? – уточнила я.

– Это тебе.

Нахмурившись, я забрала письмо. Размашистым почерком, назвав меня «дражайшей дочерью», очевидно, не решив до конца, какой должна быть дочь, «дорогой» или «дрожащей», папаня спрашивал, куда делась оплата за остановленный в Круэле потоп. Дескать, два дня подряд ковен радуется, что перед буйством стихии городу помогла выстоять светлая магия рода Истванов... Но где заработанные во славу этого рода деньги?

– Петунья, открывай ящик с чернильницей! – скомандовала я призрачной тетушке и добавила голосом, полным предвкушения отличного скандала: – Хочу написать отцу.

Фентон тонко прочувствовал, что партнер по несчастью некоторым образом сейчас взорвется от возмущения, и предпочел пережить семейную драму подальше от ее эпицентра. Он почесал заросшее горло и под благовидным предлогом «побриться бы надо» убрался в огород. Видимо, бриться предполагал в иссушенной накануне бочке или в подсыхающей луже рядом с ней.

По традиции ответ я написала на краешке листа, аккуратно под личной печатью пресветлого. Без экивоков, сельских аллегорий и вежливых приветствий потребовала вернуть стоимость полного пансиона, о котором говорил школяр:

«Где деньги за обучение Нильса Баека? По-прежнему твоя дочь Агата Истван».

Ни праведный гнев, ни желание кого-нибудь укокошить не превратили меня из ведьмы в светлую чародейку. К огромному сожалению! Видимо, подсознательно я всегда жду пакости от отца, и новый выверт разозлил, но не удивил.

Отправлять разгневанное, но короткое послание к пресветлому пришлось самому школяру. В нашем доме он являлся единственным чародеем, способным использовать светлую магию, не устраивая перед этим естественным действием ритуальные лобзания с ведьмаком.

– Отправь письмо в Истван, – без предисловий велела я, протягивая ему лист.

– А волшебное слово? – с ленивым нахальством спросил он, сунув руки в карманы.

– Пресветлому, – добавила я, хотя очень хотела сказать целую волшебную фразу «пошел вон».

Нильс как будто испугался, мгновенно вытащил из карманов руки и выпалил:

– Нет никаких причин отправлять меня в Истван. Я только вернулся! По собственной воле. Помните?

– У меня не настолько короткая память, – с сарказмом заметила я и протянула ему бумагу. – Отправляй.

Школяр сжал краешек гербового листа двумя пальцами, пару раз им помахал туда-сюда, словно разгоняя воздух. Потряс и даже подул.

– Что ты делаешь? – вкрадчиво уточнила я, глядя на эти... почтовые пируэты.

– Морально готовлюсь, – серьезно пояснил он.

– Отправить письмо?

– Это же пресветлый!

– То есть огненным заклятием ты никогда не пользовался, – резюмировала я.

– Между прочим, некоторые отправляют письма такой удобной штукой как почтовая шкатулка! – фальцетом выпалил он. – Никогда не пробовали? Очень рекомендую.

– Не удастся заклятие? – уточнила я, искренне сочувствуя нам всем: и Нильсу, и себе, и даже пресветлому. Получит вместо нормального ответа ребус и будет до вечера расшифровывать. Надеюсь, ему все еще нравится отгадывать шарады.

– Пытался. – Нильс шмыгнул носом. – Занавески спалил.

– То есть сгоревшая крыша у старого дома – это не случайность, а закономерность.

– В трех комнатах, – добавил он.

– Значит, уже дурная привычка, – искренне восхитилась я. – Ладно, устроим короткий урок почтовых чар.

– Вы уверены? – с опаской уточнил он. – Я потом себя под кустом не найду?

– Вызывай магию, – скомандовала я.

– А если я опять что-нибудь подожгу?

– Лично потушишь и повезешь письмо в замок.

Видимо, угроза предстать перед мрачным ликом пресветлого, искренне ненавидящего делиться деньгами, сильно впечатлила Нильса, и он справился с заклятием за две попытки. В первую, правда, едва не подпалил полотенце, мирно висевшее на спинке стула. Зато занавески остались целенькие. В кухне завоняло паленой тканью, но письмо полетело прямехонько в руки пресветлого.

– С ума сойти! – Он изумленно посмотрел на свои мерцающие магическим светом руки. – Я отправил письмо самому Вацлаву Иствану. Что теперь, учитель?

– Ждем ответа, – сухо отозвалась я. – Или денег, если очень повезет.

– Пока мы ждем, можно матушке отослать письмо? – решил он воспользоваться приобретенными знаниями на практике. – Вот она удивится!

Письмо к матушке упорхнуло тающим пеплом. Нильс поставил перед собой шкатулку, в нетерпении дожидаясь весточки из отчего дома. Я поймала себя на том, что сама сверлю эту самую резную шкатулку из малахита пристальным недобрим взглядом, словно именно в ней должен появиться ответ от отца.

Наконец крышка сама собой раскрылась.

– Мама написала! – восторженно объявил школяр, быстро достал сложенный напополам маленький листик, раскрыл и торжественно зачитал: – «Какой дряни тебя там обучают? Чуть мать до остановки сердца не довел...» Кхм...

Он сконфуженно смял листик в большом кулаке.

– Матушка пока морально не готова к передовой магии.

– Ага, – не без ехидства протянула я.

Следом в шкатулке появилась новая записка.

– Пойду что-нибудь постряпаю. – Нильс захлопнул каменную крышку, отказываясь знакомиться с тем, что еще намеревалась ему сказать возмущенная родительница, и поднялся из-за стола. – Надо рыбку почистить, а то совсем испортится...

– Фея! – позвал меня с улицы Фентон.

Я выглянула в окно. Он по-прежнему был небрит, раздет и протягивал свернутый трубочкой лист:

– Тебе тут снова прислали...

И что-то в голосе слышался подозрительный смех, уголки губ подрагивали от улыбки, а глаза ехидно блестели. Понятия не имею, что его так рассмешило. Вряд ли пресветлый в ответ на законное требование отдать деньги написал какой-нибудь скабресный анекдот.

– Почему ты смеешься? – сощурилась я, забирая письмо.

– Ты должна его прочесть.

Нахмурившись, я развернула лист и почувствовала, как вытягиваюсь в лице. После моего во всех отношениях законного требования выросла длинная борода из чужих комментариев.

«Кто такой Нильс?» – спрашивал кто-то небрежным почерком.

«Пресветлый Вацлав – жлоб!» – обзывалась мелкая строчка, явно написанная женской рукой.

«Отдай деньги, пресветлый!»

«Агата, если вам требуется помощь с жалобой в магический совет, свяжитесь со мной. Поверенный...» – Ни имя поверенного, ни город его проживания мне ни о чем не говорили.

«Господин Истван, не в моих правилах вмешиваться в дела ковенов, но вы собираете подати с учеников?» – вкрадчиво интересовался главный маг королевства. Точно он! Я узнала печать, стоящую возле аккуратной строчки. Такая же украшала мой диплом об окончании светлой академии.

В конце была категоричная приписка, сделанная отцом, до которого, с легкой руки школяра облетев полкоролевства, все-таки добралось письмо:

«Недостойная имени своих славных предков чародейка Агата Истван, немедленно явитесь в замок!»

– Угу, чтобы ты мне это еще и в лицо высказал? – пробормотала я.

– Что написали, учитель? – спросил Нильс, стоящий над раковиной с ножом в одной руке и окуном в другой.

– Денег не будет.

– Почему? – искренне изумился он.

– Потому что тебе еще надо потренироваться в почтовых заклятиях. – Я покосилась на ведьмака, который больше не считал нужным сдерживать смех. – Очень весело?

– Смотрю, у вас в семье высокие отношения, – ответил он.

– А ты думал, только у тебя паршивые родственники?

– Учитель, – позвал Нильс, оставшийся не в курсе созданной магической неразберихи, – понимаю, что несколько несвоевременно задаю вопрос, но у вас есть розмарин? Рыба с розмарином и тремя острыми перцами страсть как хороша... Хотя не утруждайтесь, сам схожу в огород.

Вдруг вспомнилось, что розмарин я сажала возле табероуса. Исключительно из созвучных названий, а не из ботанической необходимости. Нильс немедленно представился вымазанным в пыльце цвета сочной фуксии. Даже вздрогнула от страшной фантазии!

– Знаешь, Нильс. Не отвлекайся. Я сама принесу.

К розмарину, растущему на бывшей половине ведьмака, мы отправились вместе с Йосиком, но в десяти шагах от заветных кустов до меня донеслись подозрительные звуки. Показалось, что возле разрушенной стены старого дома кто-то тихо и жалобно всхлипывал. Я несколько удивилась – не сказать по-простецки обалдела, – оттого, что кто-то пробрался на мою территорию и со вкусом рыдает, словно провожает в путь любимого родственника.

Табуретопес, как всегда любопытный, дружелюбный и проворный, дернулся в сторону ведьмачьего логова. Он несся как ретивый конь, не разбирая дороги. Перескочил через репейник, нахватав себе на обивку пук колючек, и скрылся в траве.

– Живая табуретка! – взвизгнули женским голосом в ответ на его стремительное появление, а следом к чистому небу взлетело словцо такой крепости, что сам верховный, наверное, покраснел бы.

Заросли зашевелились. Йося проворно проскакал мимо меня и, не чуя под собой ножек, рванул к дому. Стоило признать, что защитник из призрачного пса всегда был посредственный.

А возле камней у разрушенной части дома застыла с ошеломленным видом высокая худая девица с темными короткими волосами. Одета она была не по погоде: в кожаный длинный пыльник с мужского плеча, остроносые сапоги и узкие брюки. Вместо глаз – черные провалы.

На долю секунды почудилось, будто в рядах моей домашней нечисти вновь прибыло. Но теория несколько не состыковывалась с тем, что в руках девица вытягивала сложенные крестом ножки от стола, словно собиралась ими отмахиваться от монстра.

– Не подходи, нечисть! – выкрикнул она. – Упокою!

Глаза оказались густо накрашены, и темная краска расплылась пятнами от пролитых на разрушенную стену слез.

– Это вряд ли, – вздохнула я, складывая руки на груди, и прищурилась. – Ты кто, милое создание?

– Какая я тебе милая? – огрызнулась она.

– Надо было сказать «немытая»? – иронично уточнила я. – Хорошо, немытое создание. Ты здесь по дому убиваешься или просто так плачешь, по душевному порыву?

– С чего бы мне убиваться по руинам? – Она опустила самодельный крест. – Ты кто такая?

– Вы, – спокойно поправила я, внимательно рассматривая незнакомку.

– Чего? – не поняла она.

– Говорю, что первая спросила. Ты кто такая, девица из ниоткуда?

– Ага, разбежалась и тут же сказала! – огрызнулась она. – Ходят всякие, суют нос в чужие дела.

– Ты без спроса вломилась на мой участок, – сдержанно пояснила я, дескать, все, что происходит за заросшим густым плющом забором является моими личными делами.

– Ты местная ведьма? – резко поумерив пыл, уточнила она.

– Практически готова ею стать, – согласилась я. – Так что ты здесь забыла, грозная девица?

– Хозяина ищу, а он был да сплыл. Только камушки и остались. – Она пнула острым носом сапога обломок кирпича.

– Хозяин? – нахмурившись, нараспев повторила я и повнимательнее пригляделась к чудному хамоватому созданию. – Ты никак последняя из темных прислужниц Хэдлеев?

– Вот еще! – откровенно оскорбилась девица и с гордостью объявила: – Я первая из Эльб!

Мне понадобилось некоторое время, чтобы вспомнить имя и наконец переварить тот факт, что мы с тревогой ждали письма из башни Варлоков, а дождались целого почтового голубя.

* * *

– Танита Эльба? Ты темная прислужница?!

Лицо ведьмака при виде девушки в пыльнике описать одним словом было бы сложно: на нем отразился целый спектр эмоций, от изумления до глубокой печали. Он оцепенел посреди кухни с недонесенной до рта кружкой, а Нильс просто замер с поварешкой, с которой капала на пол густая каша.

Видимо, школяр, как и я, не сразу сообразил, что перед нами не диковинная нечисть, похожая на обстриженную девицу, а самая настоящая девица.

– Хозяин! – завопила она и, едва не снеся меня по дороге, рванула к ведьмаку.

Танита прилипла к нему, как репей к обивке Йосика, и прижалась щекой к груди. К счастью, уже прикрытой рубашкой. Он разве что кружку с кофе успел поднять над головой.

– Ты живой и здоровый! – довольно ворковала она.

А еще, слава всем вашим демонам, одетый. Не побритый, правда.

– Да что ему сделается? – фыркнула я себе под нос, следя за славным воссоединением ведьмака и темной прислужницы посреди светлого чародейского дома.

– А похудел-то как! – Девушка чуточку отстранилась и посмотрела на него.

– Ты как сюда добралась? – наконец вернул себе дар речи Фентон.

Он с трудом отцепил руки восторженного создания и заставил его отодвинуться.

– Портальным амулетом, конечно, – пояснила Танита. – Перенеслась, а дом разрушен, тебя нет. Вокруг живая табуретка скачет! Знаешь, как я испугалась?

По-моему, для темной прислужницы верховного колдуна, умеющего совершать весьма неоднозначные обряды, она была слишком впечатлительной.

– Привезла записи? – резковато спросил Фентон.

– Конечно! Спрятала ближе к телу.

«Светлые боги, только пусть не в исподнем!» – мысленно помолилась я.

Выразительным жестом фокусника она раскрыла полы мешковатого кожаного плаща и продемонстрировала нам тайник. На внутренней стороне, как у торговцев запрещенными снадобьями, висели пристегнутые на пуговицы матерчатые сумочки. Из каждой торчали верхушки одинаковых блокнотов небольшого размера в черных кожаных обложках.

– Хорошо я придумала? – просияла она и принялась суетливо вытаскивать сокровища.

На столе выстроилась неровная стопка из пухлых рукописных томиков, а по полу разлетелись отодранные от подкладки плаща пуговицы. Некоторые ускакали напрямик под половицы.

– Твое письмо я сожгла, – отчитывалась прислужница, – а пепел... Похоже, намазала на лицо.

– ... ссыпала в кулечек и тоже привезла!

Она полезла в карман, вероятно, в большом желании предъявить этот самый бумажный сверточек.

– Зачем, бога ради? – искренне удивился ведьмак.

– На всякий случай, чтобы никому не досталось, – заговорщицки прошептала она.

– Так надо было после прочтения съесть, – с иронией прокомментировала я.

– Хозяин, вообще-то, кто эта дамочка?

– Ты меня назвала «дамочкой»? – несколько опешила я от невероятной, по меркам приличного магического общества, дерзости.

Хотя, если подумать, мы не общество, а сообщество. Дикая смесь из чародеев разных мастей и прочей нечисти. Почти черно-белый шабаш! Ничего приличного.

Девушка упрямо дернула подбородком и с подозрением сощурилась:

– Если подумать...

– Не надо думать, в этом доме думают взрослые! – честно попытался осечь ведьмак, но девицу понесло.

– Дом Хэдлеев разрушен, ты живешь здесь. Хозяин, ты ее шантажируешь или в заложниках держишь?

У меня вырвался издевательский смешок. По-моему, точнее описания нашей дурацкой ситуации не придумаешь. Светлая чародейка и верховный колдун оказались заложниками. Друг у друга.

Фентон тяжело вздохнул:

– Есть хочешь?

– У нас только каша без молока, – объявил хлебосольный Нильс и покосился в раковину с окунями: – И рыба с чешуей.

За милыми семейными посиделками мы с ним наблюдали из глубины кухни, чтобы не мешать знаменательному воссоединению. Плащ Танита снять не пожелала, точно оказалась в дешевой таверне и боялась, что уродливую вещь кто-нибудь под шумок свистнет. Ела она сразу двумя ложками. В смысле, левой рукой девушка орудовала ничуть не хуже, чем правой.

Я встречала людей, умеющих одинаково хорошо писать обеими руками, но ни разу не видела, чтобы этот необычный навык использовали за столом, словно кто-то грозился отнять у оголодавшего создания тарелку.

– Учитель, – едва слышно забормотал школяр, следя за гостьей, – они ведь совершенно не похожи.

– С чего им быть похожими? – не поняла я. – Нет, конечно, я слышала, что у темных прислужников с годами проявляются способности ведьмаков...

– Она темная прислужница?! – Нильс едва не поперхнулся на вдохе. – Я думал, младшая сестра.

– И тебя не насторожило, что она зовет верховного «хозяином»?

– Темные очень странные, – тихонечко высказался он. – Кто знает, как у них в семье принято обращаться к старшим.

– Не знала, что порталы вызывают такой голод! – между тем жаловалась Танита сидящему напротив *хозяину*. – Дракона бы съела.

Она с удовольствием запихнула в рот ложку каши.

– Но у нас пока нет дракона, поэтому ты здесь, – заметила я и была одарена двумя недовольными взглядами. Вот ведь темная банда!

– Вообще, я забрала дневники из твоей комнаты и собиралась передать нарочитым, а тебе отправить письмо, – охотно рассказывала девушка с видом ребенка, ожидающего похвалы, – но ты прислал деньги. Я тут же кинулась к портальщику, купила амулет и перенеслась к тебе.

– Когда обратно? – уточнила я.

– Не знаю, – пожала она плечами. – Портал был в одну сторону.

И в кухне повисла тяжелая пауза.

– Танита, ты возвращаешься в башню Варлок, – спокойным голосом объявил ведьмак.

– Когда? – насторожилась она.

– Сегодня.

– Но, хозяин! – воскликнула она, откладывая ложку. – Я же только приехала! Как ты без меня справишься?

– Не переживай, в моем доме уже есть темная прислужница, – вставила я.

– Где? – искренне удивилась девушка.

– В посудном шкафу.

Она с искренним любопытством посмотрела на массивный посудный шкаф с разноцветными витринами, словно пыталась разглядеть вредную тетушку, засевшую внутри.

– Госпожа темная, а она там спит стоя? – видимо, впечатлившись тем, что мне удалось впихнуть целую прислужницу в полку, она вдруг перешла на официоз.

– Светлая, – поправила я.

– А?

– Шкаф одержим нечистью. Она вообще не спит, – перебил нас Фентон, очевидно, не желающий, чтобы Танита узнала подробности нашего, так сказать, жизненного казуса. – Ты доела? Почтовый дилижанс уходит после обеда. Умойся и переоденься, а то смотреть на тебя больно.

– А что тебе не нравится? – нахально спросила она.

– Ты похожа на дрессировщика драконов, – не заботясь о женской самооценке, рубанул он.

– Вообще-то, это был твой плащ, – обиделась явно задетая Танита и, сунув руки в глубокие карманы, нахохлилась как воробей. – И других вещей у меня с собой нет.

– Ты приехала без всего?

– Я приехала с дневниками! – огрызнулась она и буркнула себе под нос: – Хочешь как лучше, а ты вечно всем недоволен.

Возникла странная пауза. Фентон посмотрел на меня долгим взглядом, полным душевной боли человека, вынужденного мириться с норовистым характером ершистой девчонки.

– Агата... – впервые с момента знакомства он называл меня по имени. Видать, совсем отчаялся.

– Так и знала, что этим все и закончится, – вздохнула я.

Этот мужик, прости господи, прихватил мой дар, вломился в дом, а теперь просил снять последнюю рубашку. Действительно последнюю! Остальная-то одежда еще сохла на веревке после вчерашних постирушек, а штаны, похоже, Дюк утащил к себе в сарай. Надеюсь, не в качестве корма.

Мешковатое мужское платье и густо намазанные черной краской глаза действительно ловко скрывали возраст Таницы. Отмытая и переодетая в коротковатое платье, из-под которого торчали мужские остроносые сапоги, она выглядела совсем юной. Симпатичная худенькая девушка лет восемнадцати, страшно недовольная тем, что ее лишили брюк.

– Хорошо выглядишь, – похвалил ведьмак.

– Она напялила на меня платье! – пожаловалась девчонка и растянула цветочный подол.

– Тебе идет, – примирительно добавил Фентон.

– Оно мне короткое. И еще не досохло.

– На тебе высохнет быстрее, а под плащом все равно ничего не видно, – заметила я. – Не забудь его забрать.

– Чтобы не возвращаться, – поддакнул Нильс, хотя при появлении преображенной Таницы подозрительно раздумялся.

Ведмак отправился провожать девчонку в город, а я, не откладывая дела в долгий ящик, начала изучать привезенные ею записи. Летопись семьи Хэдлеев была довольна уныла и хаотична. Повествование резко обрывалось, а продолжение находилось в другом фолианте.

Если, конечно, можно называть фолиантами пухлые истрепанные блокноты в одинаковых кожаных обложках, которые легко

открывались от простого прикосновения темной магии. Видимо, защиту с них сняли гораздо раньше.

Нильс втихомолку унес на улицу таз с рыбой. Хотелось верить, что предал ее земле, а не попытался скормить Дюку. Вместе с пальцами. Второй раз трагично издыхающего ученика я вряд ли выдержу. Сама придушу, как и предсказывал ведьмак.

Школяр шараялся по дому, впустил облепленного репьями Йосика. Табуретопес начал тыкаться мне в ногу, требуя внимания и ласки. Только я привела призрачного пса в относительный порядок, как с важным видом Нильс подвинул дневники и опустил на кухонный стол внушительный, но удручающе нечитанный учебник по зельеварению. Рядышком пристроил гримуар для записей, похоже ни разу еще не открытый. Просто выставка новых фолиантов!

– Мама подарила на поступление в академию, – пояснил он.

Будущая колдовская книга светлого чародея была хороша! В светлой обложке из дубленой кожи, с застежкой и выдавленным золотистыми буквами именем «Чародей Нильс Баек».

– Решил вот почитать на досуге, как правильно варить противоядия, – сообщил Нильс.

– Чудесно.

– Знания – сила! – процитировал Нильс один из постулатов светлой академии.

– А с твоей любовью к экспериментам еще и способ выживания, – с иронией добавила я.

Школяр немедленно насупился и плюхнулся на отодвинутый стул. Пару секунд он примерялся к расстоянию. Слепой бы понял, что к учебнику придется тянуться, а записи в гримуар делать на коленках. Он сконфуженно схватился за сидущку и вместе со стулом допрыгал до стола. В итоге оказался зажат между деревянной спинкой и краем крышки.

– Удобно? – любезно уточнила я.

– Весьма.

– Есть чем дышать?

– Не особо.

Проскрежетав деревянными ножками по полу, он отодвинул стул, выдохнул и наконец раскрыл гримуар. Белоснежный плотный лист, как и ожидалось, не опошляла ни одна запись.

– Смотрю, ты много практиковался во время учебы, – прокомментировала я нетронутую чистоту главной книги чародея. – Кстати, лучше начни с зелья от мигрени.

– Оно простое? – наивно уточнил школяр.

– Запасы заканчиваются. Нам же надо на что-то обеспечивать твой полный пансион.

– Пока я обеспечиваю себя сам, – заметил он, но тут же притих под многозначительным взглядом: – Я начинаю чтение и конспектирование. Приступаю...

Жажды новых знаний Нильсу хватило аж на то, чтобы просмотреть оглавление и раскрыть учебник на нужном развороте. Казалось, только-только он с умным видом вчитывался в литеры и с преувеличенным вниманием рассматривал изображения трав, как вдруг подпер щеку кулаком и начал клевать носом.

В конечном итоге сон победил. Он всегда побеждает, если с ним бороться с таким самозабвением, какое проявлял бывший студент: и моргать, и встряхивать головой, и делать вид, будто ничего интереснее рецепта зелья от мигрени в жизни своей не читал. Видимо, тишина и спокойствие в доме оказывали на него самое благотворное, умиротворяющее действие.

В общем, Нильс сладко заснул, пристроив голову на сгиб локтя. Сразу видно: будущий дипломированный чародей много часов провел в библиотеке над учебниками. Вернее, на учебниках.

Покачав головой, я вернулась к изучению дневника и обнаружила коротенькую заметку о поездке последнего из Хэдлеев в родовые владения. Сердце замерло!

Он писал, что позаботился о наследии ради будущих поколений, когда в семье снова вспыхнет сильная магия. Похоже, сам наш воскрешенный друг при жизни был слабым чародеем, таким драконы не подчиняются. Скорее спалют, чем исполнят приказ... И на следующей странице запись обрывалась. В общем, ищите продолжение в другом томе, неудачники.

Я нервно тарабанила пальцами по крышке стола, выбивая в воздух клоки тающего дымка.

Не мог же последний Хэдлей оставить потомков в неведении, где искать бесценное сокровище! Он же не знал, что с потомками не

сложится, и ведьмовской род исчезнет, как драконы, за которыми они когда-то присматривали.

– И куда ты его дел?

– Посмотри в ящике, – вдруг невнятно пробормотал Нильс.

– Что? – не расслышала я.

– Ключи от летающей повозки...

Я изогнула брови и вкрадчиво уточнила:

– Отправимся к твоей маме?

У Нильса напряглись плечи. Он очухался, но не шевелился. Я с любопытством ждала: поднимет голову от учебника или нет? В тишине раздался фальшивый храп.

– Отличник. – Я покачала головой.

Он сконфуженно выпрямился и кашлянул в кулак. На щеке отпечатался залом от рукава рубашки.

– Учитель... Знаете, я всегда засыпаю, когда напряженно занимаюсь.

– Я заметила.

На улице кто-то невнятно заговорил. Я нахмурилась, начиная подозревать неладное – болтать за двоих в одиночку ведьмак точно не мог. Нильс тоже насторожился и прислушался, повернувшись одним ухом к входной двери, хотя звуки доносились из раскрытого окна.

– Подождите, прислужница возвращается? – проговорил он. – Почему? Она же забрала свой плащ!

– Да, но ты тоже свой пиджак не забыл, – сдержанно напомнила я. Дескать, способ остановить размножение жителей в доме оказался спорный.

В кухню вошел Фентон с каменной миной. Сразу видно, что терпение у мужика было на последнем издыхании. Следом впорхнула Танита, приедтая в новые кожаные портки, но в плаще. И с такой победоносной улыбкой на лукавой физиономии, что ведьмака почти стало жалко.

Себя тоже захотелось обнять и пожалеть.

– Не ждали? – проговорила она со злобным удовлетворением.

– Как ты угадала? – огрызнулся Нильс и начал закрывать учебники, словно хранил в них семейные тайны, рассказанные мамой.

– Опоздали на дилижанс? – переведя взгляд с девчонки на ведьмака, вкрадчиво уточнила я.

– Из-за потопа почтовые дилижансы отменили. Следующий отходит только завтра, – голосом, полным душевной боли, пояснил он.

– Но в нем уже закончились места! – радостно договорила Танита, как будто выиграла в королевской лотерее магический кристалл. – И на следующий тоже. Я застряла в вашей провинции, ребята.

– А радости в голосе, как будто застряла в столице, – издевательски протянула я и, поднявшись со стула, по-хозяйски скрестила руки на груди.

Заметив говорящий жест, Нильс начал шустренько собирать вещички, чтобы дезертировать на второй этаж. Что ни говори, а учился он быстро. Правда, пока не магии, а правилам выживания... комфортного проживания в нашем дурдоме.

– Ну, я пойду размещаться, – объявила Танита.

– Стоять! – тихо скомандовала я.

Нильс замер посреди кухни, девчонка бросила вопросительный взгляд на Фентона. Тот угрюмо потер подбородок, понимая, что его ожидает очередная битва за место под солнцем маленького колдовского дома.

– В трактир, – кивнула ведьмаку.

– Учитель, а можно сначала в спальню учебнички отнести? – жалобно спросил школяр.

– Да не тебе, – с раздражением бросила я и скомандовала ведьмаку: – Прислужницу в трактир!

– Зачем меня в трактир? Мы там уже были и отлично откушали. – Танита сыто погладила живот. – В меня больше не влезет.

– Сними ей комнату, – стараясь говорить миролюбиво, предложила я Фентону самый удачный выход (не понимаю, почему они так против трактира, хорошее же заведение. И тихое. Если вызвать правильное заклятие во время воспитательной беседы с завсегдатаями). – В этом доме спальня места закончилась! Нас и без нее слишком много!

– Я лягу под кроватью моего учителя, – с вызовом заявила она.

– Это место уже занято.

– Не хочу вмешиваться, но я-то сплю под диваном, – донесся голос сбежавшего Нильса. – В смысле, в диване... На диване. Ну вы поняли.

– Хозяин, я могу спать в кухне, – предложила Танига. – Вон под столом постелю, даже мешаться не буду.

– Под столом место пса, – сухо пояснила я.

– В доме есть собака? А где? – искренне удивилась девушка.

– Все еще под столом.

– Там только табуретка стоит, – нахмурилась она и указала в Йосю пальцем.

Тот в свою очередь цокнул ножкой. Девчонка опустила руку и с круглыми глазами снова глянула на Фентона, сохранявшего покаянное молчание. Видимо, рассчитывал, что я побешусь и успокоюсь.

– Йосик... – Он осекся и, видимо, мысленно выругался, вдруг поймав себя на том, что начал считать нечисть нормальным псом. – Табуретка тоже одержима.

– Знаете, хозяин, пожалуй, я буду жить в сарае, – решила Танига. – Подумаешь, новые портки купили. Постелю одеяльце, чтобы не пачкались. Я же совсем не прихотливая.

– В сарае живет Дюк, – оповестила я.

– Кто такой Дюк? – шепотом уточнила она у ведьмака. – А то стою как дура, вообще уже ничего не понимаю.

– Умертвие твоего верховного, – с ехидной улыбкой подсказала я.

– Ты завел себе умертвие?! – потрясенно охнула девушка. – А когда я просила, сказал, что эти твари...

Он бросил предупреждающий взгляд. Танига прикусила язык и даже втянула губы, давая понять, что будет нема как рыба. Желательно, как та рыба, которую Нильс закопал в огороде. Или что он там сделал со вчерашним уловом?

– Но если хочешь сэкономить на трактире, то посели ее в *своем* доме, – предложила я. – Можешь переехать с ней.

– Слушай, Агата... – осторожно начал Фентон, видимо, собираясь сказать нечто невообразимое, раз снова назвал меня по имени, и платицем в этот раз я не отделаюсь. – У тебя такая большая кровать. Трое поместятся.

Я прикрыла глаза и глубоко вздохнула. Представлять себя озером не пыталась. Бесполезно! Проще вообразить, как топлю ведьмака с нахальной прислужницей в этом озере, но такая фантазия определенно не поспособствует душевной гармонии.

– Нет! В моей кровати никто, кроме меня, спать не будет.

– Она ляжет рядом с кроватью, – немедленно предложил он.

– Да что мы ее уговариваем? – возмутилась Танита. – Задрала уже! Пусть сама едет в трактир!

– Тишина, когда взрослые скандалят! – рывкнула я, исключительно по привычке присовокупив заклятие немоты.

К моему большому удивлению на шее девушки вспыхнул и погас серебристый обруч. Она открыла рот, и из него не вылетело ни звука. Танита удивленно заморгала, схватилась за горло и попыталась кашлянуть. В панике она начала размахивать руками, требуя снять чары.

– Фея, это ненадолго, – не обращая внимания на отчаянную жестикуляцию прислужницы, обратился Фентон ко мне. – Мы найдем дракона и уйдем.

И что-то вдруг вспомнилась сказка из далекого детства. Тогда я не понимала, какая она грустная, но сейчас-то жизнь раскрыла глаза!

Добрая фея с хрустальными крылышками нашла симпатичную варезку и начала в ней жить. Потом к ней притащился темный эльф с зеленой рожей и визгливой дудкой, потом толстенький гном с мешком ягод (этот хотя бы со своей едой, а не с дудкой). Следом вползла прожорливая божья-коровка в горошек. Наконец на пороге возник дракон без ничего. Добренькие за хозяйский счет гости разрешили ему зайти. Варезка лопнула от перенаселения. Конец.

Думаю, фея потом рыдала, а вчерашние соседи отправились рушить жилища других доверчивых фей.

– ... Не укладывать же ее в мужскую спальню, – между тем приводил доводы ведьмак и добавил с такой отеческой тоской, что даже меня проняло: – Трактир не выстоит.

Я бросила взгляд на онемевшую девчонку и, чувствуя себя идиоткой-феей из сказки, процедила:

– Так и быть! Пусть... спит. В конце концов, дракон еще не заселился.

– Ты про что? – не понял Фентон.

– Да просто, пришла на ум тут страшная сказка.

– Идем, покажу тебе комнату, – позвал он Таниту.

В ответ та возмущенно указала пальцем на свое горло, требуя вернуть голосистость.

– Сейчас сниму. – Я щелкнула пальцами, и в воздух задорно вырвался дымок. – Ах, нет. Сейчас снять не удастся. Само растает через часок, но скорее всего, к завтрашнему утру.

Пожалуй, такого нечеловеческого облегчения, какое в этот момент промелькнуло в лице ведьмака, мне видеть еще не доводилось. Зато Танита замерла. Губы задрожали, словно она собиралась заплакать. Беззвучно, прошу заметить.

– Не расстраивайся. – Фентон мягко потрепал ее по подбородку. – Скоро отпустит. Всего-то до завтра помолчать.

Видимо, безмолвная подопечная его устраивала больше. Однако немая Танита оказалась грохочущей Танитой. Пока солнце медленно укатывалась за горизонт, она обживалась. Громко, шумно, с нахальством, загнав Нильса в мужскую спальню.

Он объявил, что планирует разбирать зелье от мигрени. Когда прислужница выскочила в огород и наступила долгожданная тишина, на втором этаже вздрогнули стены от залпа молодецкого храпа. Сразу видно, учеба у школяра проходила *напряженно*.

Мы с ведьмаком просматривали привезенные записи, а девчонка сгоняла поглазеть на Дюка. Вернее, сразу-то никто не догадался, что она дразнит умертвие ароматом живого и вкуснейшего человека, стоящего за дверью сарая. Об их знаменательном знакомстве оповестил яростный вопль, отдаленно похожий на олений клич. Таких музыкальных вариаций я от Дюка еще не слышала.

– Он крепко заперт в сарае, – не отрываясь от чтения, проговорил Фентон, как-то не сильно озаботившийся безопасностью подопечной. Без темной магии каждый следующий фолиант он подвигал ко мне кончиком пальца, прося открыть.

– Ей восемнадцать?

– Почти, – коротко ответил ведьмак.

– Как ты вляпался в договор с ребенком? – не удержалась я. – Вы же его подписываете кровью.

– Какая пошлость, госпожа светлая чародейка. Ты начиталась книг из темных времен? – нарочито сморщился он. – Мы же цивилизованные люди.

– Понятно. Значит, кровью, – с иронией заключила я.

– Да.

Я помолчала, перелистнула страничку, но все-таки спросила:

- Зачем ты взял темную прислужницу?
- Считаешь меня злодеем? – Он бросил быстрый взгляд.
- Ну добро и благодать темные не сеют.
- Конечно, это привилегия светлых. – Фентон откинулся на спинку стула. – Видимо, ты еще его не почувствовала?
- Что именно?
- Зов темной силы.
- Мрачно звучит.

Невольно я прислушалась к себе. Хотелось упокоить орущего оленем Дюка, выставить всех соседей, забрать деньги Нильса у пресветлого и еще мятного чая. В общем, самые обычные желания отошедшей от дел светлой чародейки. Проклинать никого не тянуло.

Хотя вру, я была не прочь зачаровать Таниту неподвижностью, чтобы перестала топтаться на пару с Йосиком по грядкам. Но это тоже естественное желание любой хозяйки, еще не приведшей в порядок свой священный огород.

– Темная магия отличается от светлой, – проговорил ведьмак. – Она всегда требует плату за серьезное колдовство. Деньгами, душами, служением. Цена разная. А Таните Эльбе в тринадцать лет нужно было очень большое чудо.

- Удалось?
- Она же выжила, – хмыкнул он и, помолчав, добавил: – И почти пять лет я ращу непослушного ребенка. Недавно она назвала меня батей.

У меня вырвался смешок:

- Ты был растроган?
- Я разрешил называть себя хозяином. Все равно с манерами у нее туго.
- Зато в ней чувствуется суровое ведьмачье воспитание.

Но Фентон пропустил подколку. Он внимательно читал какую-то запись.

– Гляди-ка. – Ко мне был подвинут дневник. – Здесь написано, что он перенес тайник в драконово гнездо.

– Неужели?

Я облокотилась о стол и, придвинувшись к ведьмаку, с интересом пробежала глазами по строчкам. Последний Хэдлей устроил тайник в тоннелях, которые остались от стаи драконов. Дюпри каждый месяц

развешивал по городу указы, чтобы никто туда не совался, но уже три года я помогаю разыскивать в темных ходах людей.

Отличное место. Надежное! Особенно, если талант не позволяет запечатать тайник намертво, чтобы потом открывали с грозой и прочими сложностями, а спрятать ценную вещь очень надо.

– А наш Дюк был парнем с юмором, – усмехнулась я. – Спрятать драконье яйцо в гнезде. По-моему, иронично.

– Ты знаешь, где это?

– Конечно. Каждый житель Круэла знает эти тоннели. Их когда-то нарыли дикие драконы. В городском архиве должна храниться схема.

Я подняла голову и вдруг обнаружила, что расстояние между нами с Фентоном ничтожно мало. Скажу больше, мы практически оказались нос к носу. Сама от себя не ожидая, я затаила дыхание. Он едва заметно разомкнул губы. Если немного подвинуться, то можно к ним прикоснуться. Легким перышком – почти невесомо, или горячим клеймом – обжигаяще страстно.

– Выходит, мы почти у цели, – шевельнулись его губы.

Никогда не любила бородатых мужчин, и мне не нравилась рыжеватая жесткая щетина, но нравились красивые капризные губы. Очень. У мужчины такие губы – бездонный источник бесстыдных фантазий и погибель принципиальной скромности.

– Да, – зачарованно выдохнула я, не в силах отвести взгляд. – Совсем близко...

В чувство нас привел неуместный стук. Казалось, от Фентона меня оттолкнул воздух. Я поспешно стекла обратно на стул и смущенно пригладила собранные в пучок волосы. Ведьмак нервно кашлянул в кулак и, отвернувшись к окну, коротко выдохнул. Проклятие, мы сдавали себя с потрохами!

Полагаю, именно так подумала Танита, стоящая в дверях. В руках она держала колченогий табурет из разрушенного дома.

– Вернулась? – проговорил Фентон хрипловатым голосом и потер шею.

С хитрой улыбочкой на устах девчонка пересекла кухню и выразительно грохнула эту самую облезлую табуретку к столу. Стульев действительно было три штуки, и она хотела собственное место за общим столом.

– Он развалится, – предупредил ведьмак.

Изобразив презрение, девица плюхнулась на табурет. Тот подозрительно скрипнул, но устоял. Она подпрыгнула на нем и развела руками, дескать, видишь, верховный, этот стул еще тебя переживет.

Секундой позже старые ножки разъехались в разные стороны. С круглыми глазами девчонка нырнула вниз, схватилась за скатерть и, естественно, утянула за собой практически все, что лежало на столе.

Тарелочка с окаменевшими со вчерашнего дня печеньями слетела, скатились дневники. Одна из двух кружек, шантажом вытребованных у Петунии, отправилась к посудным богам, а вторая потеряла ручку и теперь навсегда превратилась в калеку.

Судя по тому, как в тишине щелкнул замок на дверцах посудного шкафа, новые чашки нам тоже придется искать в ведьмачьем логове.

– Ты жива? – склонился к ней ведьмак.

Танита показала из-под стола большой палец, дескать, полный порядок.

– Тогда уберись здесь! – приказал он.

Ночью мне открылось чудесное знание: кровать у меня, может, широкая, но места на двоих на ней катастрофически мало. Пока мы укладывались под тихие разговоры из соседней комнаты, Танита скромно улеглась бочком на краешек постели, словно приготовилась в случае чего скатиться под кровать и продолжать крепко спать на полу. В голову даже пришло предложить ей пледик, если переселение случится. Через час стало ясно, что пресловутый пледик стоило постелить с моей стороны.

Я резко проснулась от ощущения, что сейчас сорвусь вниз, и вцепилась рукой в резной столбик, тем самым избежав позорного падения. Девчонка лежала на спине в центре кровати, раскинув руки и ноги в позе морской звезды. Скрипнув зубами, без особой жалости я заставила ее сложить щупальца и сдвинула на другую половину. Она даже не проснулась.

Спать хотелось невероятно. В голове шумело, но сон больше не шел. Тяжело вздохнув, я перевернулась на спину и некоторое время таранилась в темный потолок. В окно лил голубоватый лунный свет. За стеной в тишине прихрапывал Нильс.

Я смежила веки и начала мысленно пересчитывать флаконы с зельями, стоящие на полке в погребе. Один, второй... десятый. И неожиданно поймала себя на том, что с азартом составляю список

снадобий, которые стоило немедленно пополнить. Буквально сейчас. Иначе вилы!

Вернее, мадам Баек попытается посадить на вилы меня за то, что заморила голодом ее ненаглядный «пирожочек». В общем, медитативное занятие оказалось на редкость бодрящим.

Наконец все идеи о зельях, списках и общей политической обстановке в королевстве усилием воли были выкинуты из головы. Перед глазами поплыли странные несуществующие пейзажи, зазвучали inferнальные голоса незнакомых людей... Коварная Танита переползла со своего края.

Вкрадчивым движением она уложила голову мне на плечо, плюхнула руку поперек груди и закинула сверху ногу. Еще она сопела мне в ухо! Я даже дернулась от придавившей сверху тяжести. Кое-как высвободившись из цепких объятий девчонки, уже сама откатилась на свой край постели, готовая сползть дальше, на пол с подушкой и одеялом.

Казалось, уже расслабилась, как ночь огласил протяжный вопль умертвия. Неземная тишина мигом превратилась в кладбищенскую. Дюк выл на луну, выдавая такие рулады, что лесные волки, наверное, от страха свалились с сердечным приступом.

– Ведьмак, твою мать! – взбесившись, рявкнула я. – Накорми уже своего питомца!

– Кем? – со смехом спросил он из соседней спальни.

– Да хоть бы своими пальцами!

В ярости я соскочила с кровати, как назло, не попав ногами в домашние туфли. Попыталась надеть стоя, и меня повело в сторону, как сломанную мачту.

– Ты там чего завозилась, фея? Решила своими пальцами накормить? – продолжал глумиться Фентон, видимо, различив звук от глухого удара моего плеча о стену.

– Водички встала попить!

Что характерно, мы переругивались, но ни Танита, ни Нильс не проснулись. Вот что значит здоровый молодой организм, не знающий мук бессонницы.

Необходимость зажигать свечу, чтобы добыть хоть чуточку света и не скатиться кубарем с лестницы, пропустив ступеньку, окончательно меня добила. Сжав зубы, с третьего раза я неумело

выбила искру из кресала, запалила худенький огонек и, не избежав столкновения с углом сундука, выругалась:

– Вы когда-нибудь уберете эти сундуки?

Фентон промолчал. Видимо, подозревал, что вытаскивать сундуки со второго этажа на первый, а дальше как подскажет фантазия злой хозяйки, придется посреди ночи, не откладывая на утро.

Внезапно на первом этаже скрипнула половица. Тихий, неуместный звук заставил меня замереть и прислушаться к шорохам в доме. Ничего. Очевидно, без приглашения чужаки в дом не пробрались бы, но, прикрывая свечной огонек ладонью, я быстро спустилась вниз.

Подняв повыше подсвечник, осмотрела кухню. В углах лежали густые тени, по стенам танцевали оранжевые мазки света. В спальне было душно, а здесь царил ночная свежесть. Входная дверь оказалась едва заметно приоткрытой. Видимо, плохо заперли на ночь, и она распахнулась от сквозняка. Пришлось ее запереть.

Неожиданно за спиной раздался неясный удар. Я круто развернулась. От стремительного движения потухла свеча, но глаза уже привыкли к темноте. Ни одна из двух коленок по пути к задней двери не пострадала от внезапной встречи со стулом или косяком.

Я резко толкнула дверь, зазвеневшую стеклами, и взгляделась в темные заросли. Почудилось, будто кусты зашевелились.

– Кто здесь?

Из-за угла, как демон из табакерки, выскочил Йосик, видимо, забытый на улице. Он радостно заскакал по дорожке, словно и не чаял вернуться обратно в кухню под стол.

– Ты как здесь очутился? – не поняла я, пропуская табуретопса в дом.

– Что случилось? – На лестнице стоял обеспокоенный Фентон во всей, так сказать, мужской красоте. В смысле, не в первозданной, в чем матушка на свет привела, белье на нем имелось и прикрывало, что должно, – но больше ничего.

В потемках, правда, ни крепкого торса, ни того, что было спрятано темной тканью ниже, не рассмотреть. Очень жаль. Как недавно выяснилось, вид полуобнаженного ведьмака ловко примирял меня с мелкими раздражающими бедами. А тут шарахаешься посреди ночи по лестнице, злая, как голодный упырь, и даже толком не примириться с жестким пробуждением!

– Йосю забыли на улице, – пояснила я.

– Ничего подобного! Перед сном школяр его заносил.

– Все двери были открыты. Да я сама бы сбежала! – заворчала я. –

Вот так встанешь утром и выяснишь, что твое умертвие отгрызло ножку у моей табуретки.

Глава 10

В поисках Дюка

Коляска бургомистра подпрыгивала на кочках, и мы с Фентоном тряслись на сиденье. Мимо нас проплывал жиденький лесок, через который проходила разбитая фермерскими тяжеловозами дорога. Световым калейдоскопом кружилась солнечная мозаика.

Кучер изредка подстегивал лошадку, скорость нарастала. Не то чтобы мы опаздывали, но он с душой выполнял обещание довезти нас до соседнего города с ветерком, и теперь мне в лицо, лохматя волосы, шпарил ветер. Никаких сомнений, что по приезде шевелюра будет стоять художественным дыбом.

Вообще-то, в коляску я усаживалась в соломенной шляпке, красиво сочетавшейся с платьем, но она слетела с головы на повороте и вывалилась в пыли. Оставалось приглаживать волосы и лишний раз не открывать рот.

С прической, понятно, это было не связано. В самом начале пути чуть не подавилась какой-то мошкой, и ведьмак три мили подряд сыпал издевательскими шуточками. Пока сам не проглотил букашку. Видеть, как он скривился, было бесценно. Самое лучше, что случилось со мной за этот день!

А утро, несмотря на отличную погоду, выдалось гнусным.

– Архив уплыл, – заявил Дюпри, когда мы появились в здании мэрии и попросили схемы драконьих тоннелей. – Архивариус утоп.

Видимо, на наших лицах отразилось и удивление, и вопрос, и священный страх, что придется теперь упокоевать свеженькое умертвие.

– Нет-нет! Он не утонул. Спасал тут книги и нахлебался некоторым образом водички, а когда попытался выбраться, его сверху чуть не прибило полочкой. Но в целом он все еще с нами... В смысле, вообще, а не именно сейчас.

Из сбивчивой речи стало ясно как божий день, что нам предстояла поездка в библиотеку соседнего Веспока, в двух часах езды от Круэла.

Коляску у Дюпри пришлось вымогать шантажом. Я заявила, что неожиданно начала страдать рассеянностью и совершенно забыла

рецепт угольной краски. Щегольские подкрученные усы бургомистр любил больше транспорта, предоставленного короной.

– Берите, – немедленно согласился он. – Я сегодня прогуляюсь, свежим воздухом подышу. Воздух в Круэле жуть как хорош. Скажите, господин помощник?

– Так и есть, – крикнул тот из скромной приемной, где самым ценным была шикарная рама на портрете его величества на лихом коне.

– Да, вы правы, – согласно кивнула я. – Волшебный воздух! Вдохнула из окошка – и память-то сразу вернулась. Рецепт сам собой вспомнился!

Невольно Дюпри повернулся к закрытому пыльному окну с подвязанными золотистыми шнурками портьерами...

Через четверть часа мы с Фентоном бодро катили в коляске по центральной улице, практически вернувшей опрятный вид, в сторону городских ворот. О том, что совсем недавно в городе стояла вода, напоминали лишь влажные полосы на стенах зданий.

До Веспока добрались к обеду. На здешний рынок, самый крупный в провинции, стекались фермеры со всей округи, и шумные людные улицы, в противовес сонному Круэлу, бурлили.

Кучер остановил коляску напротив скромных кованых ворот библиотеки. Сквозь широкие прутья был виден мощный дворик с зеленым оазисом из трех пыльных деревьев посередке. Подозреваю, что сначала планировали построить фонтан, но что-то пошло не по плану.

Из открытых окон неслась фортепьянная мелодия. Возле высоких тяжелых дверей висело нарисованное от руки объявление, что сегодня в музыкальной комнате объявлен благотворительный концерт выпускниц местного института благородных чародеек.

– Институт чародеек? Такой тоже есть? – хмыкнула я.

Неуверенная, нестройная мелодия распугивала могильную тишину, царящую в библиотеке. Смотрительница встретила нас строгим взглядом из-под лекторских очков.

Вообще-то, утром я приделась. Исключительно по велению сердца и, может быть, чуточку из желания покрасоваться перед ведьмаком... Но больше, конечно, по велению сердца!

Надела приличный дорожный костюм с розовой юбкой, который хранила для исключительных случаев, и даже кружевные перчатки в сундуке откопала, чтобы скрыть руки, давным-давно утерявшие женственную красоту. Три года в огороде ни один маникюр не выдержит. Не то чтобы я его носила, будучи специалистом по защите от темных чар.

Фентон... выглядел как обычно. Небритым хмурым ведьмаком. Честное слово, уже любопытно, что он прятал под щетиной, как я под перчатками – сломанные ногти. Может, у него опрятно-круглый безвольный подбородок?

– Вы на концерт? – придирчиво, с ног до головы оглядев нас, шепотом спросила смотрительница. Надеюсь, решила, что мы люди достойные и не будем выдирать страницы из библиотечных книг.

– В архив.

В этот момент из музыкальной комнаты донеслось женское пение. Мощное, сильное, насквозь фальшивое. Благородная дева-чародейка – прости господи! – не попадала ни в одну ноту! О музыке я знала приблизительно столько же, сколько о шитье – практически ничего, – но даже меня слегка перекосило.

– Вам в какой отдел? – тихонечко спросила смотрительница.

– Картографии, – подсказала я.

– Сегодня в этом отделе наплыв посетителей...

Она была вынуждена заговорить во весь голос, когда девица вдруг взяла пронзительную ноту, постепенно переходя то ли в громкий комариный писк, то ли в визг.

Наше внимание привлек подозрительный стук. На столе задрожал стакан с водой. Пение оборвалось. Стакан выстоял и не разлетелся, но в ушах зазвенело.

– ... и пускают только по одному, – снова перешла женщина на шепот.

Мы с Фентоном переглянулись.

– Подожду на улице, – вымолвил он, понимая, что в поиске нужной карты от него мало толка. Местность Круэла ведьмак знал плохо.

– Господин, ни в коем случае не стоит ждать на улице! – На припудренном лице смотрительницы расцвела кровожадная улыбка

морской сирены, одурманивавшей глупых моряков. – Послушайте концерт. В зале еще есть свободные места.

– Во дворе тоже неплохо слышно, – сдержанно заметил Фентон.

Удивительно, как не заявил, что весь город, пожалуй, содрогнулся от рулады.

– К прекрасному нужно прикасаться лично! Идите в музыкальную комнату и наслаждайтесь, – настойчиво велели ему и ткнули указательным пальцем в сторону открытых двустворчатых дверей, дескать, прекрасное там, и никаких отговорок. – Вам туда! Госпожа, а вам через двор в левое крыло. Коричневая дверь с табличкой.

Она сунула мне деревянную плашку с номерком и выскочила из-за стола, чтобы лично проводить потенциального слушателя в зал.

– Не стесняйтесь, концерт совершенно бесплатный! – завлекала она. – Поторопитесь же! Сейчас самая интересная часть...

Ведьмак посмотрел на выход с такой надеждой, словно десять лет провел в аду, наконец нашел короткий путь, как оттуда сбежать, а на финише его зазывали обратно. И в гробу он видел прекрасное в этом демоническом чертоге!

Но всем, и даже портрету известного летописца на стене, становилось очевидным, что от благотворительной самодеятельности юных чародеек Фентону Варлоку не отмахаться ни одной шапкой. Смотрительница нашла жертву и не собиралась ее выпускать.

Казалось, перед порогом в зал «душевной боли» он осенит себя божественным знаком, но Фентон шагнул в мужскую преисподнюю без лишних сантиментов: решительно и смело.

Едва он скрылся в дверях, нестройная фортепьянная мелодия споткнулась. Через паузу по клавишам забарабанили с удвоенной силой, а девичий голос затянул фальцетом жалобную песенку.

Перед входом в архивный зал за столом дремал старичок-архивариус в совсем новенькой мантии. Поза у него была самая строгая: со скрещенными руками, но седая голова опустилась на грудь, а на столе валялся форменный колпак с красной кисточкой. Рядом стояла грозная табличка: «Карты не рвать! Чернильницы из архива не выносить!»

Тревожить зрителя я не стала, сунула в щель деревянного ящичка номерок и бесшумно вошла в практически пустой читальный

зал. И меньше всего ожидала столкнуться в проходе с высоким нескладным архивариусом из круэльской мэрии.

Без широкой черной мантии я не сразу признала в нем «очень толкового молодого человека» с цокольного этажа нашей мэрии. Под мышкой он сжимал черную папку, из которой торчали уголки тонкой папиросной бумаги. Такую давали тут же, в архиве, если надо откопировать из старого фолианта рисунок.

– Добрый день, госпожа чародейка! – громко воскликнул он и испуганно посмотрел на дремлющего смотрящего, глухого (видимо, в прямом смысле) к чужим разговорам.

– Господин архивариус! – приветливо кивнула я. – Какими судьбами?

– Ну... мы в архиве, а я архивариус... – С нервным смешком он перевалился с пятки на носок и взмахнул рукой, невольно привлекая внимание к забинтованной ладони. Перевязь тянулась на запястье и пряталась под рукавом сюртука.

– Поранил во время потопа, – быстро объяснил он, видимо, заметив мой внимательный взгляд. – Буду рад, если порекомендуете какое-нибудь действенное средство для заживления.

Я приветливо улыбнулась, не собираясь ничего рекомендовать посреди читального зала. Полагаю, нас ненавидело все хваленое «столпотворение» отдела картографии в количестве аж целых трех человек, сидящих в разных концах помещения.

– Что ж, пойду. – Архивариус откланялся. – До встречи, госпожа чародейка.

– И вам удачи.

– Вы правы, удача мне не помешает, – отозвался тот.

Пока меня не выставили с позором и без схемы, шелестя длинной юбкой, я нырнула за стеллажи.

С заклятием поиска обнаружить на полках нужный фолиант недолго. Он сам выдвигается с полки. Мне же пришлось перерыть картотеку, самую обычную, в ящичке с коричневыми плотными карточками, а потом, бродя в глухой тишине, искать нужный отдел.

Книга оказалась грандиозного размера. Чуть кони не двинула, пока, прижав к груди, дотасила до столика у стены. Кое-как примостив фолиант, я его раскрыла и начала листать страницы до раздела, посвященного уничтоженной больше полувека назад

круэльской стае диких драконов. Схема была нарисована неизвестным исследователем с фанатичной обстоятельностью: каждый поворот отмечен, а выход к гнезду, большой пещере, пронумерован.

Я было потянулась к ящичку с папиросными листами, чтобы обстоятельно снять копию, желательнее не перепутав верх и низ, но передумала заниматься картографическим творчеством.

Рисунок сложный и подробный. Ведьмаку придется прослушать еще один концерт от благородных светлых чародеек, пока перенесу на лист каждый крестик, кружочек и черточку! В общем, он виноват, что я решилась на акт возмутительного вандализма...

Все-таки приятно, когда есть на кого свалить вину! Ей-богу, вопросы совести начинают играть новыми красками.

Воровато оглянувшись через плечо, я проверила пустой проход и вкрадчивым движением аккуратно выдрала схему. Потом шустро свернула плотный лист вчетверо и запихнула за спину, под пояс юбки. Главное, держать спину ровно, тогда никто не заметит, что под пиджаком что-то припрятано.

Быстро поправив одежду, я захлопнула книгу. Страницы выдохнули в воздух облако пыли. Картографический фолиант вернулся на место, как будто никто его и не брал.

– До свидания, господин смотритель, – выходя из архива, с улыбкой кивнула архивариусу, проспавшему дерзкое ограбление.

По библиотечному двору разносилась скрипичная соната. Артистка вдохновенно бряцала на скрипке, рождая плачущую мелодию. Просто сосредоточие мировой печали! Проходя мимо, я с любопытством глянула в окно библиотеки и даже притормозила.

Зрительный зал из десяти измученных слушателей, хитростью заманенных коварной смотрительницей, размещался лицом к улице и определенно мечтал всем коллективом вылезти на свободу через окно. Ведьмак с непроницаемой миной занимал место с краю, поближе к выходу. Он-то рассчитывал сбежать оттуда, откуда вошел, и не ломать себе ноги.

Юная стройная скрипачка вдохновенно возила смычком по струнам: туда-сюда, вперед-назад. Она покачивалась в такт мелодии и для художественного эффекта выбивала снопы голубоватых искр светлой магии.

За черным фортепьяно на самом краешке табурета сидела худенькая одухотворенная пианистка. С медной тарелкой и молоточком в тонкой руке. С зачарованным видом она вчитывалась в партитуру. И на самой жалостливой скрипичной ноте вдруг резко ударила этим самым молотком по тарелке.

«Дзинь!» – рассыпался душераздирающий лязг.

Зрительный зал дружно вздрогнул. Благородные чародейки, занимающие первый ряд, выпустили восхищенный вздох и принялись обмениваться восторженными улыбками. Экзальтация в чистом виде!

На лице у Фентона Варлока дернулся мускул. В смысле, я не разглядела, но подозреваю, что дернулся.

Тут он заметил меня в окне. Глаза сузились, сделались злющими, а на лице заходили желваки. Сразу видно, человек в такой мере наслаждался концертом, что его начинает мутить от переизбытка прекрасного. С ехидной улыбочкой я помахала ему рукой и отправилась дожидаться окончания благотворительной пытки в коляске.

И тут меня ждал сюрприз. Вернее, верховного тоже ждал, просто тот пока не был в курсе. Коляска исчезла!

В надежде, что кучер просто отъехал подальше, я прошла по пешеходной мостовой, но нигде нашего возницу не нашла. Пришлось спросить у старушки, торгующей возле библиотечных ворот маленькими букетиками полевых цветов, не видела ли она, в какую сторону отбыл наш транспорт, запряженный каурой мэрской лошадкой.

– С полчаса назад уехал, – моментально отрапортовала та. – Забрал какого-то парня и уехал.

– Какого парня?

– Да высокий такой, – пояснила она. – Худой, как умертвие в голодную зиму.

– Архивариус угнал нашу коляску? – зачем-то спросила я у нее.

– Может, и он, но, скорее всего, какой-то голодранец.

Подобрав отвалившуюся от изумления челюсть, я протянула бабушке в благодарность мелкую монетку. Отказываться она не стала, спрятала деньги в карман передника и вручила букетик.

Ведьмака я дожидалась четверть часа, от возмущения чуть не сжевав пару торчащих из букета аптекарских ромашек. Ведь ромашка в

отваре отлично успокаивает нервы, а в натуральном виде и вовсе должна превратить меня в непробиваемую стену, как в замке Истван (хотя сравнение паршивое). От поедания букета меня остановило лишь нежелание не только чувствовать себя овцой, но еще на нее и походить. К слову, странное ощущение.

Фентон вышел из кованых ворот почти бесшумно, с задумчивым видом встал рядышком. Плечо к плечу.

Тоскливым взглядом мы молча следили за грохочущими по щербатой брусчатке каретами.

Я прикидывала, как добраться в Круэл ладно до темноты, но хотя бы до рассвета. Желательно, не самым надежным транспортом – собственными ногами, а на чем-то, что ехало бы на колесах.

Подозрительно умиротворенный ведьмак, похоже, гадал, не начнет ли его тошнить радугой. С серебристыми блестками от возвышенной светлой магии юных одухотворенных чародеек.

– Где наша коляска? – задал он сакраментальный вопрос. Видимо, наконец переварил все прекрасное, что впитал в библиотеке, и заметил сюрпризец.

– Повезла в Круэл городского архивариуса, – сухо проинформировала я. – Помнишь, ты говорил про зов темной магии? Кажется, я его сейчас чувствую. Очень хочется проклясть этого гаденыша.

– То есть на последний рейс мы опоздали, – пробормотал Фентон.

– Зато ты бесплатно послушал чудный концерт.

– Бесплатным был вход, – с тоской отозвался он. – За выход пришлось отдать деньги. Сказали, что они пойдут на спасение огненных фениксов. Ты знала, что фениксы не вымерли?

– По-моему, тебя обманули.

Фентон почесал бровь и проронил:

– Мне надо выпить.

– Да, – согласилась я. – Пожалуй, мне тоже надо выпить.

Далеко идти поленились, завернули в первый попавшийся трактир, неожиданно оказавшийся весьма оживленным. На ходу велел хозяину принести две кружки хмельного солода, ведьмак прошагал в угол зала. Справедливо говоря, наше приключение тянуло как минимум на четыре кружки, но мне никогда не нравился горьковатый пенный напиток.

Усевшись за стол, я положила букетик, сняла с рук кружевные печатки и брезгливо отбросила их на выскобленную массивную столешницу.

– Пока ты наслаждался прекрасной музыкой, я достала нам карту. Перерисовывать не стала, просто выдрала.

– Где она?

– Спрятала, конечно.

Заинтересованный взгляд ведьмака остановился на моей груди. Рыжеватая бровь поползла наверх, словно оценивая размер того, что скрывал пиджак.

– Куда ты смотришь? – сухо уточнила я.

– Разве женщины не засовывают разные штуки за корсаж? – с любопытством уточнил он.

– Я не ношу корсаж, – холодно ответила я и вытащила из-за пояса юбки на спине сложенный лист плотной бумаги. – Держите, господин верховный.

Пока он изучал сложный рисунок, я по давней привычке внимательно оглядела зал и почувствовала, что начинаю сильно напрягаться. В таверне было не меньше четырех темных. За соседним столом даже сидел инкуб, удивительно красивый мужик с хищными чертами лица и ярко-бирюзовыми, словно мерцающими глазами.

Заметив мой пристальный взгляд, он ухмыльнулся уголком рта и отсалютовал бокалом с темным напитком, скорее всего, с бренди. Если так, то понятия не имею, как он умудрился в провинциальной питейной добыть дорогой алкоголь. Может, с собой во фляжечке принес или зачаровал хозяина, и тот, ощущая почти восторженную радость, отдал бутылку из собственных запасов. Инкубы умеют заставить человека снять последнюю рубашку и при этом испытывать всепоглощающее счастье.

Зато они хорошие любовники. Не то чтобы я пробовала, просто слышала от девочек еще в академии. Потом, правда, эти девочки сидели в страшных депрессиях и изредка пытались выйти из окон общежития, но все равно с завидной регулярностью заводили романы с инкубами. Яркие и очень короткие, как вспышки на солнце. Страдали потом дольше.

В углу таверны я заметила лысого типа в черном плаще. С неприветливой рожей он хлебал из высокой глиняной кружки вино.

Через правую щеку тянулся глубокий красноречивый шрам, уродующий лицо.

– Здесь некромант.

– Смущает соседство темных? – не поднимая глаз от карты, спросил Фентон.

– Да не в этом дело... хотя в этом тоже, конечно...

Он бросил на меня насмешливый взгляд.

– А я никогда и не скрывала, что не люблю темных, – быстро проговорила я и склонилась к нему через стол. – Собственно, поэтому и переехала именно в восточную провинцию. Здесь не было никаких чародеев. Ни светлых, ни темных. Слишком далеко от столицы. Но посмотри вокруг... За соседним столом инкуб. Честно говоря, как раз против инкубов я ничего не имею, они веселые парни, но в последний раз сталкивалась с ними еще во время учебы.

Фентон поднял голову, осмотрел зал, и вдруг лицо его окаменело.

– Думаешь, среди кланов поползли слухи о драконе? – прошептала я. – Если так, то конкурентов много и времени теперь мало. Как скоро эта толпа выяснит, где именно надо искать? А там, где темные, всегда появляются светлые. Понимаешь? Скоро в Круэле магов станет больше, чем фермеров.

До нас донесли заказанный янтарный хмельной солод в длинных глиняных кружках, накрытых белой шапкой из пышной пены. И составили с подноса кувшин с вином и двумя пустыми стаканами.

– Мы не заказывали вино, – удивилась я.

– Велели передать, – пояснил дородный хозяин и дернул подбородком, видимо, намекая на щедрого дарителя.

Им оказался чернявый чистенький тип с выдающимся носом, квадратной челюстью и с длинными волосами, сколотыми в низкий хвост. С высокомерной ухмылкой он поднял руку, дескать, приветствую.

Фентон сузил глаза и сжал губы в тонкую линию, на лице заходили желваки. Но заходили по-особенному, не как на библиотечном концерте. Сразу видно, что усилием воли он сдерживал не желание выругаться, а желание впечатать хвостатому кулак куда-нибудь в район орлиного носа.

– Родич? – догадалась я.

– Вроде того.

Тот между тем поднялся, одернул короткую кожаную куртку и ленивой походкой с пошлым пафосом направился в нашу сторону. Недолго думая, красноречивым жестом я переложила перчатки на свободный стул, дескать, заземлиться не удастся.

– Приветствую верховного клана Варлоков, – протянул он с похабной ухмылкой. – Давно не виделись.

Внешне расслабленный, но наверняка внутри натянутый как струна, Фентон предусмотрительно сложил карту и откинулся на стуле.

– Что хотел, Даррел? – В его голосе неожиданно зазвучали смутно знакомые вкрадчивые ноты. В общем, темнейший пожаловал!

– Ты так быстро покинул башню, что все остались в недоумении, куда же делся новый верховный колдун? – протянул Даррел. – А ты здесь, в затрапезной таверне, на другом конце королевства. Я решил поприветствовать и выразить почтение. Твоя новая темная прислужница?

Он облокотился о стол и тихо проговорил, словно делился страшным секретом:

– Детка, он у нас особенный. Ты умеешь хранить секреты?

– Не особо.

– Еще лучше, – хмыкнул он, бросив в сторону собрата хитрый взгляд. – В клане не преклонили перед ним колени.

– А ты? – тихо спросила я, копируя тон темного.

Но Фентону, очевидно, было вообще не весело. Черты его лица заострились, в глазах появился ледяной холод. Костяшки на крепко сжатом кулаке побелели, и из-под пальцев заструился дымок темной магии... Перед нами предстал верховный колдун клана Варлок, без колебаний и жалости схвативший меня за горло во время черного ритуала.

– Даррел, ты хотел выразить почтение верховному? – Фентон коротко кивнул: – На колени.

Щеку тронуло легкое дуновение ветра, заставившее на мгновение прикрыть глаза. С Даррелом начали происходить странные метаморфозы. Казалось, ему на плечи сложили каменную плиту. Ухмылку сменила мучительная, болезненная гримаса. Он пытался держать спину ровно, но невидимая тяжесть придавливала к земле.

Ведьмак отчаянно сопротивлялся заклятию верховного. Ноги тряслись, на шее выступили жилы. В конечном итоге сильная магия победила. Она всегда побеждает, как сон, с которым особенно напряженно борются. Ноги не выдержали, и Даррел рухнул на колени, попутно шмякнувшись подбородком о край стола. От этого зубодробильного, возможно, во всех отношениях, удара я даже поежилась.

– Теперь ты поприветствовал верховного как должно, – ровным голосом, не выражающим ни одной эмоции, проговорил Фентон и орлиным взором окинул обеденный зал.

Народ начал отворачиваться. По всей видимости, никто здороваться больше не собирался.

– Сними заклятие, бастард, – прохрипел поставленный на колени ведьмак.

Уверена, он хотел подняться с пола, но приходилось стоять в унижительной позе.

– Идем, Агата.

Фентон поднялся и со звоном бросил между нетронутыми кружками монетки за хмель. Не оглядываясь, твердой уверенной поступью он зашагал к выходу.

Уйти просто так натура мне, конечно, не позволила. Ну не люблю ведьмаков! Тем более пафосных.

Я нагнулась к скрученному магией Даррелу и прошептала на ухо:

– Кстати, я не темная прислужница. И мне очень не понравилось, что меня так называли.

Пальцы мягко скользнули по волосам ведьмака. Заклятие немоты, пробежав по длинным прядям тусклой, почти невидимой змейкой, тонким обручем обхватило горло с выпирающим кадыком. Вспыхнуло и погасло.

Осознав, что его самым нахальным образом зачаровали, он резко вскинулся, открыл рот, но из него уже не вылетело ни звука.

– Послушай доброго совета, Даррел из клана Варлоков, – мягко улыбнулась я, погладив его по сизой от щетины шершавой щеке. – В следующий раз завидуй верховному молча, незаметно стоя в сторонке. Букетик цветочков можешь оставить себе. Ромашка успокаивает, а ты какой-то дерганый, ей-богу.

О кружевных перчатках я вспомнила только возле дверей и мысленно махнула на них рукой. Возвращаться не стоило. Люди уже, поди, догадались, что мужику накатил не только верховный. Сверху еще и от нахальной чародейки прилетело.

– Почему ты выскакиваешь как на пожар? – удивился Фентон, когда я бодренько выскочила на улицу, но тут же догадался: – Что ты сделала?

Видимо, у меня был очень деятельный вид. Даже без перчаток.

– Может быть, кого-то немного зачаровала.

– Ты что?

– Ну бесят меня ведьмаки. – Я подхватила его под руку. – Так что уносим ноги. Как показывает практика, мои магические дуэли опасны для окружающих зданий.

Фентон выразительно промолчал. Мы свернули на людный проспект и незаметно затерялись в толпе. Вскоре торопиться совсем не осталось смысла. Вокруг бурлили люди, кричали голосистые разносчики газет, подзывали покупателей торговцы.

– Там, в таверне... – проговорила я.

– Да? – Рука Фентона под моими пальцами напряглась.

– Ты был хорош, – ответила я. – Настоящий верховный.

– Я бастард верховного Варлока, – вдруг произнес Фентон. – Отец привел меня в клан, когда мне было пять или шесть, точно не помню. В тринадцать я прошел обряд вызова демона. Хотел быть сильным. Сильнее остальных. Чуть не подох от демонских когтей. И два месяца назад сила прошла восхождение... Но они не преклонили колени. Варлоков почти не осталось, однако бастарда они не приняли.

– И ты решил найти дракона? – спросила я без капли ехидства.

– Да.

– Ты хочешь возродить клан, верховный Варлок, или хочешь, чтобы угасающий клан тебя принял? Не отвечай на этот вопрос мне, ответь себе. С самим собой важна честность.

Я мягко похлопала его ладонью по крепкой груди, где, по моему мнению, жила человеческая душа. И, может, другие темные продавали души демонам, но Фентон Варлок свою сохранил. Достаточно раз увидеть, как он заботится о вертлявой прислужнице.

– У нас с отцом всегда были сложные отношения. И меня воспитывала бабка Розалинда, – проговорила я. – Она была

натуральной ведьмой!

– Как ты? – хмыкнул он.

– Ой, мне еще до нее далеко! – Ни капли не обидевшись, я закатила глаза. – Если бабка меня не третировала уроками светлой магии, то начинала учить жизни. Однажды она сказала, что власть держится или на безоговорочном доверии, или на страхе. Когда бояться сильнее, чем ненавидят.

– Я понимаю, о чем ты говоришь...

– Так вот, Фентон, если ты вернешь в клан Варлоков дракона, они начнут тебя уважать? Если нет, то зачем нужен клан, который тебя ненавидит?

– Все так, – задумчиво проговорил он и, сам того не замечая, накрыл мои пальцы, лежащие на его локте, большой теплой ладонью. – Но человек должен знать, что является частью чего-то значительного. Иначе его ждет мучительное одиночество.

– Никогда не думал о том, чтобы создать свой собственный клан, верховный Варлок? – спросила я. – Уверена, чародеи к тебе потянутся. А я буду с содроганием вспоминать эти дни и отчаянно вас не любить из своего огорода.

– Почему? – Он не сдержал улыбки.

– Вы же ведьмаки.

До Круэла мы добирались перекладными, угробив на дорогу целый вечер и попутно совершив парочку добрых дел. Иначе пришлось бы топтать пешком. Фермеры в наши дни стали такие же хитрые, как коварные смотрительницы библиотек, заманивающие невинных королевских подданных на концерты благородных чародеек.

Калитка оказалась настезь открытой.

– Прикончу, – пробормотала я, заметив эту во всех отношениях вопиющую неряшливость. Заходи без приглашения кто хочет. Таскайся по огороду, выпускай живую табуретку и дразни Дюка. Первый хотя бы безобидный, а второй взбесится и покусает. В лучшем случае.

В доме горели абсолютно все окна. Светил фонарь под козырьком. И я замерла на пороге, не сразу поверив, что попала в собственную кухню. Фентону пришлось протискиваться бочком.

– Ребята, смотрю, постарались... – присвистнул он.

Они поделили мой дом пополам! Пол, кухонный стол, очаг, раковина да вообще абсолютно все было расчерчено белыми линиями.

– Нильс! Танита! – в один голос рявкнули мы.

Наверху раздался стук, потолок содрогнулся от шагов, и насупленная парочка начала спускаться по лестнице. Каждый, демон дери, по своей стороне! Не заходя за белую черту, разукрасившую ступеньки.

– Учитель, вы наконец вернулись! – страшно обрадовался Нильс.

– Хозяин, этот сыч меня задрал! – хриловатым из-за заклятия немоты голосом в унисон ему воскликнула Танита.

Неожиданно они повернулись друг к другу, указали пальцами в линию и грохнули:

– Не заходи на мою половину!

– Да вы охренели... – не нашла я других слов, чтобы выразить восторг от напольно-мебельного творчества.

Парочка мгновенно примолкла, вытянулась по струнке и вообще начала изображать готовность сотрудничать.

Со стороны Фентона раздался издевательский смешок. Я бросила на него острый взгляд, полный ледяного недоумения. Недолго думая, ведьмак ретировался в темный, как могила, огород, якобы проверить умертвие. Но просто-напросто предоставил мне полное право самой заняться воспитанием юного поколения.

– Фонарь возьми! – велела я.

– Из окон светит, – отказался он возвращаться в дом, пока разбор высоких полетов крикливых чаек не подойдет к концу.

– Она сейчас темная или светлая? – глядя в пол, тихо спросила Танита у Нильса.

– Очевидно же, светлая, – едва слышно ответил тот. – Темная она не такая грозная.

Вообще страх потеряли! Обсуждать взбешенную чародейку, когда она стоит в трех шагах и прекрасно все слышит.

– Удивительно, как общая опасность сближает идейных врагов, да? – с издевательской интонацией протянула я. – И где только мел добыли?

– Тетушка из шкафа дала, – охотно поделилась Танита.

Я резко повернула голову к посудному шкафу. По середке, между створок и ящиков, тоже тянулась жирная белая полоса. Вроде как поделили приданое поровну.

Почуяв, что запахло жареным, Петунья мгновенно три раза провернула торчащий из замочной скважины маленький бронзовый ключик. Дескать, не надо ругать старушку, из недр шкафа мел достающую.

– Стереть все немедленно! – приказала я и, сердито стуча каблуками по деревянному полу, пересекла кухню.

Стоящая плечом к плечу парочка мгновенно прыснула в разные стороны, освобождая дорогу.

На ходу расстегивая узкий пиджак, я вошла в спальню и остолбенела. В испуганной тишине за спиной медленно закрылась дверь.

Между высокими резными столбиками кровати была натянута бельевая веревка, а на ней сушилось женское исподнее. Девичьи панталоны в цветочек и нижняя майка. Без цветочков, но с легкомысленными рюшами.

– Прислужница, ко мне!

Прозвучало паршиво. Сама я никогда бы не пришла. Пришлось позвать заново, но с большим пиететом:

– Танита, иди сюда!

На лестнице загрохотали две пары ног. В коридоре невнятно зашептали. Возможно, Нильс давал инструкции новоявленной подружке, как выйти живой из комнаты, если в ней ожидает взбешенная добрая колдунья. Думала, оба сбегут на улицу к Фентону, но дверь тихонечко приоткрылась, и в щелку бочком пролезла Танита.

– Что случилось, госпожа чародейка? – протянула она.

Честно говоря, я так удивилась неожиданной вежливости, что даже на секунду потеряла дар речи. Глядишь, пару дней пройдет, и она начнет говорить мне «вы», а при встрече будет присаживаться в книксене.

– Повесь на улице, – растеряв запал, устало махнула рукой в сторону белья.

– Но его все увидят! – совершенно искренне возмутилась она. – Не могу же я его повесить вот прямо перед Нильсом.

– Надо вешать не перед Нильсом, а на веревку за кустами. Действуй!

– В огороде сейчас очень темно и страшно, – нашла она. – Пусть повесит одну ночку в спальне, а завтра под солнышко вывешу...

– Возьми Нильса, – мстительно предложила я. – Вдвоем вам будет не страшно.

Танита понуро потрусила к веревке и сорвала с нее вещи.

– Агата! – позвал с улицы ведьмак.

– Зачем ты опять называешь меня по имени? – под нос пробормотала я, понимая, что случилось нечто паршивое, и сейчас мы все дружно будем носиться кругами или задорно скандалить.

Толкнув оконные створки, я высунулась на улицу и посмотрела вниз. Задрав голову, Фентон стоял в прямоугольнике света.

– Что у нас опять стряслось?

– Умертвие пропало.

– В каком смысле?

– Дверь сарая была раскрыта. – Он указал в ту сторону, где за домом стояла старая клеть. – Я обыскал огород. Твою табуретку нашел под кустом, но умертвия нет.

– Ты его *звал*? – спросила я, имея в виду особый шепоток, каким темные подзывали питомцев, а ловцы на умертвия выкуривали из логова.

Фентон только руками развел.

– Проклятие!

Отскочив от окна, я стремглав бросилась сдирать с себя одежду. Гоняться за воскрешенным в женском платье – такое себе удовольствие. Юбок, понятно, не жалко, но не хочется переломать ноги, пока будешь прочесывать местные погосты.

Вопреки расхожему мнению, умертвия, как истинные хищники, избегали людных мест. Если, конечно, ими не управляли некроманты. Редко покидали обжитую территорию, но если вдруг случилось, то брели домой. В смысле, на кладбище или в склеп. Медленные, неповоротливые, ведомые желанием тишины и посмертного покоя... До тех пор, пока на их пути не попадался случайный прохожий.

– Дюк сбежал? – Прижимая к груди влажные шмотки, Танита большими округлевшими глазами следила, как я ужом выскальзываю из юбки и, путаясь в штанинах, натягиваю кожаные портки из той жизни, когда о любых платьях даже не думала.

– Если бы... – щелкнув застежкой ремня, отозвалась я. – Пока вы тут занимались творчеством, Дюк пошел кормиться.

– А что же вы не сказали, что его надо покормить? – буркнула она мне в спину.

Тут меня прорвало! Я резко развернулась и рявкнула:

– Как вы додумались оставить раскрытой калитку, когда на территории обитает воскрешенный?

– Но мы... – Девушка смешалась, но тут же вернула дерзость: – Она была заперта!

– Танита... – предупреждающее вымолвила я, давая понять, что девчонка зарывается.

– Мы не проследили, – тихо пробормотала та, краснея и отводя взгляд.

На Нильса было больно смотреть. Он не поднимал головы, пока провожал нас за дверь.

– Я не останусь, пойду с вами, – настаивал он, видимо, чувствуя за собой вину, что упустил из-под носа опасного для окружающего мира монстра.

– Ты для него стая, а она, – я указала на Таниту, выглядывающую из-за плеча новоявленного друга по несчастью, – все еще еда. Если Дюк вернется и нападет, что надо делать?

– Ударить лопатой! – мгновенно отрапортовал школяр.

– Кхм...

– Зачем лопатой? – искренне заинтересовался свежей идеей ведьмак.

– Так ведь учитель сказала, что в любой непонятной ситуации нужно импровизировать. – Талантливый чародей Баек недоуменно моргнул. – И шарахнула его лопатой.

– Или можно воспользоваться магией, – старательно сдерживая улыбку, мягко напомнил Фентон, пока я пыталась вспомнить богатый словарный запас приличных слов. На ум что-то шло только неприличное, резкое или же откровенно бранное.

– Это тоже, – согласился он. – Но лопату все равно возьму.

– Уверен, когда-нибудь он станет хорошим чародеем, – усмехнулся Фентон, когда мы закрыли за собой калитку и окунулись в ночную стрекочущую сверчками мглу.

– Мне нравится твой оптимизм, – отозвалась я и на раскрытой ладони зажгла мерцающий голубоватым светом шар.

Магический фонарь поднялся над нами, озарив дорогу, деревья и кусты. Вокруг растянулись яркие контрастные тени, отчего знакомые места показались чужими и неизвестными.

Мы минули поворот, и я попросила ведьмака:

– *Позови* еще раз. Может, он на каком-нибудь окрестном погосте?

– Оно, – вдруг поправил Фентон. – Умертвие – оно.

– Ага... Точно.

В какой момент я перестала воспринимать умертвие по-настоящему кроважидным монстром? Когда дала ему имя? Ужасное легкомыслие!

Не догадываясь о том, какие муки совести я испытываю, Фентон колдовал, как всегда, обстоятельно и по-мужски. Он расставил руки, поднял голову к черному небу и прикрыл глаза. По земле заструился ледяной ветерок. Качнулась трава, зашуршали сухие листья под ногами, поток воздуха взлохматил пыль на дороге. Вокруг словно зазвучал inferнальный шепоток, неслышимый уху обычного человека: «Иди ко мне». От зова по спине побежали мурашки, а на кончиках пальцев инстинктивно затанцевали ершистые разряды светлой магии.

Колдовство стихло. Фентон опустил руки. Ненадолго мы прислушались к ночной тишине. Ни один мертвяк в нашу сторону не бежал.

– Не понимаю, как он вообще выбрался из сарая! – в сердцах выругалась я. – С утра дверь была заперта. Я проверила!

– Может, художники забыли закрыть? – С угрюмой миной ведьмак осмотрелся вокруг. Видимо, все еще ждал, что Дюк отзовется. – Ладно, после драки проклятиями не кидаются.

– Да? – съехидничала я. – Так диктует кодекс темных?

– Вообще-то, советуют умные люди, – с иронией пояснил он.

– Видимо, мы разговаривали с разными людьми, – пробормотала я, вглядываясь в темноту поля, куда не дотягивал свет магического шара. – Давай искать Дюка... В смысле, умертвие.

Нам пришлось разделить: ведьмак отправился прочесывать местный погост, оставшийся от вымершей еще во времена драконьей стаи деревни, а я заторопилась на кладбище за городской стеной, к единственному в Круэле склепу.

В темные времена высокие каменные стены защищали маленькие города и от нашествия нечисти, и от воскрешенных умертвий,

созданных взбесившимися от темной силы некромантами. С тех пор мир шагнул далеко вперед: драконы практически вымерли, на мертвецов требовались разрешения, а чародеи жили по королевскому указу о пиетете. Насколько позволял здравый смысл, потому что указ этот, прямо сказать, был сильно оторван от реальной жизни.

Городские стены перестали восстанавливать. И если в Круэл въезжали по каменному мосту надо рвом, больше напоминающим поросшую лопухами пыльную канаву, то со стороны дальних кварталов рачительные горожане тихонечко разбирали стену на собственные нужды. Наверное, поэтому перед домами то тут, то там высились одинаковые заборчики из серых камней, стыдливо прикрытые кляксами плюща.

В общем, до кладбища я добиралась садами и огородами, через «самопальную» дыру в стене. Кованые ворота были гостеприимно раскрыты, дескать, добро пожаловать в наш тихий покойнический уголок.

Я специально подняла магический шар практически на высоту деревьев. Свет озарил кусты, печальные каменные надгробья и выкованную надпись на арке «В добрый вечный путь». Литеры, окруженные завитушками, отбрасывали на землю гротескно растянутую тень.

Склеп, украшенный статуями ангелов и колоннами, среди скромных могил выглядел нелепо помпезным и массивным, как дворец посреди трущоб, но его считали второй достопримечательностью Круэла после мэрского здания. Однажды Дюпри слезно жаловался, что горожане водили впервые приехавших родственников сначала в его приемную, поглазеть на портрет короля и заодно на самого усатого бургомистра, а потом уже демонстрировали склеп. На кладбище.

Расставив руки и прикрыв глаза, я отправила зов. Вокруг за клубились тихие шепотки. По воздуху текли inferнальные голоса: «Приди ко мне! Скорее!»

Сначала все стихло, но неожиданно за спиной раздался страшный хруст. Я резко развернулась. Кусты истерично качались, и из них выпал человек. Видимо, обо что-то запнувшись, он плашмя рухнул на землю. Со стоном перевернулся на спину и затих. В общем-то, если на потусторонний зов и отозвались, то определенно не с той стороны, с которой я ожидала.

– Эй, с тобой все в порядке?

Я быстро добралась до кустов и, уперев ладони в колени, склонилась над пострадавшим. Исчерченное свежими царапинами лицо молодого мужчины оказалось до боли знакомым.

– Господин архивариус?! – не скрывая изумления, воскликнула я.

– Я бежал на свет, – зашевелились его губы. – И умер?

– Не надейтесь, вы живее всех живых. – Я протянула руку: – Хватайтесь.

Он вцепился в мое запястье и начал неловко подниматься. Дернул всем весом, едва не уложив меня рядышком. После неуклюжей возни архивариус выпрямился и пощупал нос:

– У вас есть платочек? Кажется, я сломал нос.

– У вас даже кровь не идет, – сердито заметила я, потеряв как-то нехорошо стрельнувшую поясницу.

– Нет, идет! – заспорил он.

– Подотрите перевязью на руке, – бросила я. – Какого демона вы таскаетесь по ночам на кладбище?

– Я не сам, – прогундосил он, заткнув нос. – Меня сюда загнали.

– Кто? – откровенно напряглась я, подозревая, что Дюк не улегся солдатиком спать, а начал охотиться.

– Мужики с вилами и лопатами. Куда гнали, туда и бежал. Увидел свет и завернул, а тут кусты...

– Финал я наблюдала, – остановила поток жалоб. – Что вы им сделали, если они толпой решили вас прикопать? Тоже угнали коляску из-под ворот библиотеки?

Удивительно, но этот «очень толковый парень» вообще не смутился. Скажу больше, вопрос про угон транспорта он вовсе проигнорировал. А для меня-то он был принципиален.

– Понимаете, я просто шел по улице, а они вдруг набросились. Начали орать что-то о трупе, и я побежал. Совсем народ с ума сошел! Что им там в таверне наливают?

– Стоп! – резко скомандовала я. – Побитый архивариус, что ты там о трупе говорил?

Со стороны городской стены донеслись голоса, а потом появилась толпа мужиков, действительно вооруженных вилами. Завидев нас, кто-то заорал тонким фальцетом:

– Вон он! Мертвяк!

– Господи, опять? – Архивариус не придумал ничего лучше, как запрыгнуть ко мне за спину и завопить, переходя на фальцет, аж уши заложило: – Господа, я вам уже говорил, что я Том! Помните? Том из архива. Я не мертвый, а живой!

Но толпа ничего не слышала, взбешенным табуном она неслась к кладбищу. Удивительно, как из-под их сапог не поднималось облако дорожной пыли.

– Госпожа чародейка! – заорал бородатый мясник, и разом стало ясно, что он действительно провел вечер в таверне. Иначе никогда бы не схватил тяжелый топор и не отправился гонять по улицам тихого города несчастного архивариуса. Страшно представить, что случилось бы, будь у того покороче ноги.

– Вы зачем сюда все прискакали? – в сердцах выругалась я.

Хороша охота на умертвие, право слово! Отправила зов для зомби, а явилась толпа хмельных мужиков. Один с топором. Понятно, что топор меня не пугал, как и всегда, но в беседе явно был лишним.

– Рядом с городской стеной заметили мертвяка! – взял слово мясник. – Кто видел?

Мужики, очевидно перед охотой принявшие для смелости, начали крутить головами. По всему было заметно, они не помнили, кто именно поднял сыр-бор.

– Кто-то видел! Говорят, брел...

Значит, Дюк действительно добрался до города и потянулся в сторону склепа. С беспокойством я огляделась вокруг. Кладбище оставалось тихим, кусты не шевелились.

– А на меня зачем набросились? – завопил архивариус.

– Так ты же худой, как мертвяк. – Народ смущенно переглянулся. – И бегаешь споро. Мы и перепутали. Госпожа чародейка, чего он в темноте шарахается, когда все нормальные люди спят?

– Нормальные спят, а вы чего не спите? – спросила я.

– У нас активная гражданская позиция! – сумничал незнакомый пьянчуга, который и языком шевелил с трудом, и на ногах держался нетвердо. Нет-нет, да и вспахнет носом пыль, уронив себя вместе с принципами.

– И вообще, где хочу, там хожу! – кичливо взвизгнул архивариус, ободренный чародейской поддержкой. – У нас в королевстве, между

прочим, свобода передвижения!

– Господи, да ты уж помолчи, свободный угонщик чужих колясок, – бросила я над плечом и напряглась, внезапно увидев, как между могил на полных парусах несется Дюк.

Понятия не имею, почему он только откликнулся на зов. Возможно, ковылял с другого конца кладбища, но заметил табун непуганой еды и бросился во весь опор.

– В сторону! – резко приказала Тому.

– Зачем? – с несвоевременной педантичностью, когда надо молчком подчиняться, а не уточнять, спросил он.

– Смотрите, мертвяк! – в страшной панике заорали сзади. – Вилы! Где вилы, мужики?

– У меня топор! – вскрикнул мясник.

И вот кого, скажите мне, люди добрые, спасти? Несчастливого Дюка или толпу идиотов от этого Дюка?

Как говорится, хотите, чтобы птицы замолчали – потушите свет. Я погасила магический шар. Мир мгновенно погрузился в темноту. Перед глазами поплыли световые круги, и на пару секунд я сама оказалась ослепленной.

Вокруг разносились испуганные крики отчаянных королевских подданных активной гражданской позиции с вилами и прочим оружием в руках. Кто-то требовал запалить потушенный факел, а ему отвечали, что факел потерян безвозвратно. Другой орал, чтобы мясник перестал размахивать топором, пока все еще живы.

Сквозь непроницаемый мрак ко мне неслась стремительная тень. Было четко слышно рычание. Я выбросила руку вперед, готовая огреть Дюка очередной печатью... и из ладошки вылетел бодренький дымок.

Пришло время для импровизации, и, стыдно сказать, я пожалела, что не прихватила из дома лопату. По ходу разобралась бы, кого ею бить.

– Да чтоб вас всех сожрали! – рявкнула в сердцах и оттолкнула архивариуса, практически станцевавшего на моей ноге. На меня-то Дюк не кинется.

Том падать почему-то не пожелал, устоял и еще обиженно бухнул:

– Зачем же толкаться?

Секундой позже его сбил с ног Дюк.

– Нельзя! – рыкнула я. – Замри!

Глаза постепенно привыкали в темноте. Оцепенелый Том валялся на земле, Дюк сидел на корточках, готовый прыгнуть, как огромный зверь, и вцепиться жертве в горло. В общем, замерли все. И даже мужики за спиной перестали голосить.

– Фу! – скомандовала я.

Дюк утробно и недовольно зарычал.

– Ко мне!

Кровожадный монстр опять огрызнулся.

– Кому я сказала?!

Он тихонечко разогнулся и потрусил в мою сторону.

– Он меня едва не сожрал! – истерично завопил архивариус. – Я чуть не стал кормом!

Умертвие резко повернуло голову и рыкнуло, заставив стонущего парня прикусить язык. Понятия не имею, почему из толпы народа он выбрал именно худого, как оглобля, архивариуса. Может, стоял ближе или пах вкуснее других. А может, просто чем-то не понравился.

Я от души шлепнула Дюка ладонью по лбу, и в разные стороны вырвался дымок темной магии:

– Да прекрати ты пугать народ!

В тишине кто-то тихо и очень испуганно проговорил:

– Госпожа чародейка, он что, ручной?!

Полагаю, сегодня случится ночь таверщика. Лихие охотники на умертвий устроят поминки по прошлой жизни, неожиданно разделенной на «до» и «после» страшной минуты, когда все узнали, что умертвия можно дрессировать. Как бы в Круэле не началось поветрие и юные дамы вместо собачек не стали заводить кровожадных Дюков.

С Фентоном мы встретились на развилке торгового тракта. Широкий и накатанный путь уходил в сторону соседнего Веспока, а узкая одноколейка тянулась между полей и расходилась тонкими лучами к фермерским жилищам. Один такой, разбитый и перекрытый кустами, вел к чародейскому участку.

– Где нашла? – спросил ведьмак, оглядывая Дюка с кляпом в пасти. Я вела умертвие за веревку, замотанную на связанных лапах.

– На кладбище, – буркнула я.

– Как прошло?

– Не заставляй меня вспоминать этот круэльский позор, – вздохнула я. – За Дюком гналась толпа мужиков.

– Да у тебя случилось целое приключение! – как-то очень несвоевременно развеселился ведьмак.

– С топорами и вилами, – добавила я. – И на них чуть не насадили мэрского архивариуса. Приняли его за наше умертвие.

– Звучит интересно. У меня было все печальнее.

– Да? – скептически протянула я и продемонстрировала дымящиеся от темной магии пальцы: – Насколько печальнее?

– Погост, стая собак, разрытая могила, сидящий в засаде фермер, которому было интересно, кто именно разрыл могилу в его владениях, – перечислил Фентон. – В общем, ничего интересного.

– Да, но магией мы обменялись, – напомнила я. – И в самый неподходящий момент.

– Извини, я не ожидал, что у фермера окажется арбалет, – развел руками ведьмак.

– Что теперь будем делать? – спросила я. – Без магии нечего соваться в тоннели.

– Когда-то же мы поменяемся обратно, – беспечно ответил Фентон. – Учитывая, сколько раз на дню ты выходишь из себя...

Я резко подалась вперед, встала на цыпочки и прижалась приоткрытыми губами к его рту. Щетина кололась. Ошеломленный ведьмак ни из приличий, ни ради сохранения капельки гордости у дамы не прикрыл глаза.

– Что ты делаешь? – промычал он мне в губы.

В возникшей тишине неожиданно издевательски заблеял Дюк, подчеркнув нелепость происходящего.

Я отодвинулась и щелкнула пальцами, выбив в воздух искры светлой магии.

– Смотри-ка, это работает в обе стороны.

Фентон подавился на вдохе.

– Слушай, верховный, я думала у тебя покрепче нервишки.

Насмешка, призванная подправить мне самооценку, так и осталась без ответа, а я предпочла не замечать, как сильно колотилось мое собственное сердце. Как у девчонки, право слово.

Глава 11

Драконовы няньки

Вряд ли Танита с Нильсом догадывались, что в погребе их голоса не просто слышны, а как будто звучат из колодца, подхваченные и усиленные эхом.

Пока мы с Фентоном носились по округе, разыскивая сбежавшее умертвие, они отмывали дом и как-то неожиданно спелись. Видать, совместный труд не только облагораживает, но и чудесно примиряет.

– Как ты вообще к ней пошел в ученики? – удивлялась девчонка. – Не баба, а кошмар любого колдуна. Я слова не успела пикнуть, как сделалась немой! До сих пор горло болит.

Прикрыв на секунду глаза, я тяжело вздохнула и выдвинула с полки плетеный ящичек. Под крышкой прятались деревянные шкатулки со всевозможными мелочами для создания амулетов.

С рассвета мы собирались в тоннели. Если нам повезет найти яйцо сегодня, тогда без амулетов светлая магия исчезнет. Не хотелось бы поменяться с Фентоном даром и внезапно оказаться единственной, у кого осталась магия, а воспользоваться ею невозможно. По крайней мере, Нильс сумеет изобразить световой шар, чтобы мы не заблудились в потемках, понуро труся в обратную сторону.

– Это что! Меня тут умертвие цапнуло за палец. Думал, ноги протяну! – принялся в ответ делиться бедульками школяр. – Мало что не пожалела, так оставила спать под кустом в огороде. Представляешь? Просыпаюсь – башка трещит, а на меня табуретка смотрит!

– Йося не может смотреть, – усомнилась девчонка. – Он умный песик. Скорее всего, тебя охранял и отпугивал Дюка.

– Дюка он, может, отпугнул, но комары-то все равно покусали.

Вытащив нужную шкатулку и достав с полки личный гримуар, по каменным ступенькам я поднялась из погреба. Парочка заговорщиков, сидящая за столом над тарелками с пшеничной кашей, тут же примолкла и принялась с большим энтузиазмом доедать скромный завтрак.

– Я смотрю, у вас тут тайный клуб обиженных и угнетенных? – с сарказмом спросила у них и, подойдя, поставила на стол шкатулку. –

Сделайте заготовки для амулетов.

Следом аккуратно положила потрепанный, прошедший огонь и воду (в прямом смысле слов) гримуар. Один уголок у светлого переплета был оплавлен, а на срезе темнело пятно от ядреного зелья, помнится, едва не разьевшего бумагу.

– Здесь написано, как именно делать, – объяснила я школяру.

У Нильса из рук выпала ложка и шмякнулась в тарелку. В разные стороны разлетелись брызги каши. Пара капель попала на гримуар, но я даже глазом не моргнула. Колдовская книга видела вещи и похуже.

– Это ваш личный гримуар? – Поменявшись в лице, Нильс взволнованно вытер краем манжеты кляксы.

– Он самый. Ты же в своем еще ничего не записал, – напомнила я об удручающей пустоте в главной книге чародея Нильса Баека. – Времени час. Действуйте, господа лучшие друзья.

– Мне тоже, что ли, делать? – буркнула Танита. – Я же не чародейка.

– А ты в детстве браслетки не плела? – усмехнулась я. – Как закончите, будем выдвигаться.

И ведь даже из кухни не успела выйти, а участники клуба «обиженных и угнетенных» снова принялись перемывать мне косточки.

– Она сейчас светлая или темная? – шептала Танита.

– Темная, – авторитетно ответил школяр.

– Откуда ты знаешь?

– Настроение больно гнусное.

– Ошибаешься! – нараспев отозвалась я.

– Вот демоны! Снова не угадал, – с печалью в голосе прокомментировал Нильс.

Три года наряд боевого мага, кожаные штаны, жилет и удобная рубаха лежали на дне сундука. Я даже подумывала их выбросить, чтобы место не занимали. Хорошо, что оставила из сентиментальных чувств. Вон как сейчас пригодились! Постирать один раз успела.

Я передела домашнее платье и, заплетая волосы в длинную косу, подошла к окну. Внизу Фентон собирал вещи для похода по тоннелям. Смотал веревки, проверил фонарь, вытащил из ножен тот самый охочий нож и протер лезвие о штанину. Простые обыденные действия.

Неожиданно он поднял голову и посмотрел в окно прямым, пронзительным взглядом. Чувствуя себя по-дурацки, я отошла вглубь комнаты.

Пока мы готовились – ведьмак в принципе, а я все больше морально, – парочка идейных друзей в четыре руки справилась с браслетами. Три кожаных шнурка с необработанными черными агатами, аккуратно распрямленные, насколько позволяла кривизна самой полоски, лежали один к одному на крышке стола.

Камни были вплетены особым образом. Вернее, мне хотелось верить, что особым, подробно расписанным в гримуаре, а не как бог на душу положил.

– Ну как? – тихо спросил Нильс, словно на экзамене.

– Артефакторику сам сдал? – Я покосилась на него.

– Удовлетворительно, – покаялся тот. – Зато у меня «отлично» по зельеварению.

– Только продемонстрировать не получилось, – хмыкнула я и закатала рукава. – Смотри, ученик. Второй раз тебе точно не увидать, как заряжаются такие амулеты.

– Почему? – не поняла Танита, топтавшаяся за нашими спинами.

– Я искренне верю, что мне больше никогда не придется выводить драконов.

Только я занесла ладонь над амулетами и призвала магию, как Танита опять спросила:

– А откуда ты знаешь, как их делать?

Я бросила на нее раздраженный взгляд.

– Книжки очень любила читать.

– Не зли колдунью, когда она работает, – цыкнул на подружку Нильс.

Заклятие изменило агат. Острые кромки сгладились, камни приняли форму аккуратного овала, а внутри, в самой глубине, замерцало крошечное сердечко светлой магии.

Я специально проверила браслет, повернув его к свету. Огонек пульсировал: увеличивался и уменьшался.

Понятно, что надолго заклятия не хватит, но никто и не собирался держать дракона в светлом доме в качестве питомца. Ведьмак отчалит к себе в темную башню, как только мы окончательно поменяемся

магией. И снова наступит тишина. Только Йосик будет скакать по кухне, да Нильс храпеть над учебниками. Если раньше не сбежит.

Почему эта мысль показалась такой тревожной? Ведь мне хотелось тишины и спокойствия. Кажется.

– Держи. – Я протянула школяру готовый амулет.

– Спасибо, – прошептал он и с таким благоговением огладил камень большим пальцем, что я даже заволновалась.

– Школяр, ты в порядке?

– Ага.

– Тогда подвязывай, – скомандовала я и начала завязывать концы кожаного шнура так, чтобы сунуть руку и быстро затянуть, пока они не расползлись в разные стороны.

– Танита, помоги ему, – прозвучал голос Фентона.

Я удивленно обернулась. Похоже, ведьмак следил за нехитрым чародейством из кухонных дверей.

Браслет, конечно, немедленно распутался. Пришлось начинать заново.

– Давай завяжу, – подойдя, предложил ведьмак.

– Он будет кусаться магией.

– Переживу, – хмыкнул он, забирая из моих рук шнурок.

– Ладно. – Я протянула запястье.

Светлая магия действительно взерошилась ежистыми острыми искрами, но быстро опала. Случайно и невесомо касаясь кончиками пальцев моей кожи, отчего по руке бежали мурашки, он связал тонкие полоски.

– Фея, тебе идет светлая магия, – вдруг произнес Фентон со странной полуулыбкой.

– Ты только сейчас это осознал? – хмыкнула я.

Он одарил меня странным задумчивым взглядом и скомандовал:

– Если все готовы, то выдвигаемся. Надо успеть вернуться до темноты.

Отряд у нас был что надо! Впереди шел нагруженный ведьмак. Рядом, стараясь не отставать, частил школяр с плетеной корзиной. Следом я тащила на веревке-поводке умертвие, как козу, которая все время пыталась отвлечься то на бабочку, то на воробышка, то просто замирала посреди дороги... А за нами, бодро выцокивая табуреточными ножками, переваливался Йосик.

– Ну-ка, домой! – попыталась я шугануть призрачного пса.

Тот замер, подняв одну ножку, но стоило отвернуться, как он мелкой перебежкой сократил расстояние и снова засеменял за всеми.

– Танита! – крикнула я девушке, провожающей нас у калитки. – Забери табуретку!

Рысцой доскавав до Йосика, а потом поскакав за Йосиком, она опасно обежала по дуге умертвие, в общем-то, не проявляющее никаких признаков жизни, кроме умения передвигаться. Но после ночной прогулки даже это давалось ему с большим трудом.

– Иди ко мне, песик. – Девушка ловко подхватила табурет под мышку и вдруг выпалила: – Госпожа светлая чародейка!

– А? – искренне изумилась я, очередной вспышке вежливости.

– Я тут это... – Она смущенно махнула рукой в сторону дома. – Видела, как вы колдовали. Или как там у вас, светлых, называется? Во! Чаровали! И что подумала... Возьмите меня в ученицы!

– Ты же темная прислужница.

Она что-то прикинула в уме. Видимо, считала, сколько еще времени обязана прибавлять седины ведьмаку и потом, разделавшись с прежним магическим долгом, прийти и заставить сесть меня.

– Тогда через пять лет, – сделала она вывод, – когда договор закончится.

– Я не о том. У тебя же магии нет.

– Наплевать! – заявила она. – Буду носить вам чай!

– Кхм...

– Ну вы там подумайте, пока дракона ищите, – предложила она. – Удачи!

И, оставив меня в большом недоумении, поскакала обратно к дому.

Сама от себя не ожидая, полдороги я раздумывала, зачем мне нужна ученица из бывших темных прислужниц. Да еще без капли магии. И даже умудрилась найти логические доводы в ее пользу!

Путь шел через лес, по давно заросшей, почти незаметной тропинке, а дальше по берегу реки. После дождей воды в ней заметно прибавилось. Возможно, и городской потоп поспособствовал. Но если еще пару седмиц назад по дну между спекшимися на солнце валунами тек издыхающий ручеек, то теперь на поверхность выглядывали только верхушки этих камней-гигантов.

С приближением к нужному месту пологий берег становился рваным и крутым, появлялись обрывы. Течение стало бурным и шумным. Потоки воды бились о камни, разлетаясь искрящими на солнце брызгами.

Спустя два часа лазания по валунам, корням деревьев и крутыми тропкам мы все-таки добрались до нужного места.

– Здесь, – выдохнула я, чувствуя, как ноют ноги.

И руки. От необходимости все время тащить за собой Дюка. Иногда он вставал столбом и таращился на воду, словно хотел сигануть вниз и превратиться из умертвия в утопленника. Этаким круговорот неживых зомби в живой природе.

Узкий лаз в тоннель был высотой с человеческий рост. На входе лежали мшистые камни, валялась деревянная табличка «Вход воспрещен». Видимо, последнее предупреждение от бургомистра Дюпри, слезно умолявшего местных и неместных не подходить к бывшему драконьему гнезду.

Фентон раскрыл карту и внимательно изучил маршрут, который наметил еще накануне.

– Послушайте, – не сводя пристального взгляда с прохода, проговорил Нильс, – я постеснялся сказать раньше, но вы должны знать. Я боюсь узких замкнутых пространств.

– Не дрейфь, школяр, – похлопал его по плечу ведьмак. – Оно не замкнутое, у него есть вход.

– И предположительно выход, – добавила я.

– Но там темно.

– Ты же не боишься темноты, – напомнила я.

Намедни он вполне нормально скакал в потемках по огороду, даже в нем ночевал, и ничего – никакой тревожности.

– Да, но это узкое замкнутое пространство, где не видно ни зги.

– Мы зажжем свет, – приободрила я.

– Не поможет. – Он сглотнул и посмотрел на нас взглядом полной безотчетной паники, мол, родненькие, оставьте парня в покое. – Можно я вас подожду здесь? С корзиночкой.

– Нет! – в два голоса рявкнули мы с ведьмаком.

Если мы поменяемся магией, то нам нужен чародей, способный зажечь магический огонь, отправить зов, укрепить стену. Да что

угодно! Однако Нильсу в панике очевидные вещи очевидными не казались.

– Вдруг там будет мертвые? – жалобно проскулил он.

– Конечно, оно там будет! – начал раздражаться Фентон. – Мы его с собой привели.

– Другое мертвые, – прошептал он. – А я даже лопату не взял! Как импровизировать без лопаты?

– У тебя есть корзина, – кивнула я на судорожно прижатую к животу школяра люльку для будущего дракона.

– Но как она мне поможет?

– Наденешь на голову и притворишься, что ты в домике, – предложила я. – Или вспомнишь, что ты светлый чародей, от которого, заметь, не убегает магия к верховному, и все-таки создашь заклятие.

Нильс посмотрел на меня потемневшими от паники глазами и кивнул:

– Учитель, если я не выйду обратно, то передайте маме...

– Что ты ее любишь?

– Нет, чтобы она к демонам снесла фонтан перед домом! – неожиданно сильным голосом рявкнул он, выплескивая во Вселенную накопленное за многие годы раздражение на архитектурную особенность маминого дома. Видать, совсем задрала его красота.

У ведьмака вырвался ехидный смешок. Мы с Нильсом одарили его укоряющим взглядом. Как можно издеваться над человеком, когда он дает последнее наставление?

– То есть вы вполне серьезно... – Он покачал головой, всем видом давая понять, что искренне удивлен, как попал в нашу странную компанию.

– Обещаю, школяр. – Я погладила его по ледяной, как у мертвца, руке. – И даже сама его разрушу.

– Тогда лучше ночью, – серьезно посоветовал он. – Иначе вас поймут и сдадут в магический застенки. Вы просто еще не знакомы с моей мамой.

– Спасибо, всевышний, – едва слышно пробормотала я.

В общем, на этой оптимистичной ноте мы по очереди вошли в один из тех драконьих лазов, куда бургомистр Круэла отчаянно просил горожан не соваться.

Внутри сильно сквозило и пахло влажной землей. Ведьмак зажег на ладони магический огонь. Алые языки пламени раскрасили земляные стены рыжими тенями. В самом начале свода лаза были укреплены. Видимо, на здравый смысл любителей острых ощущений не надеялись и как-то попытались их обезопасить от завалов. Ровно до первого поворота, когда узкий тоннель раздвоился. Досюда, судя по всему, доходили только отчаянные. Собственно, именно их меня и просили искать.

Один, помнится, добрался до самого гнезда, пещеры с низким каменным сводом. Искали его всем городом почти трое суток. Думаю, что после задорного приключения этот поклонник драконов до конца жизни заработал страх перед «темными узкими замкнутыми пространствами».

– Нильс, ты никогда не застревал в драконьем гнезде? – вырвалось у меня.

– Нет, – деревянным голосом отозвался тот. – И не планирую.

Попав в темноту, умертвие словно ожило и пошлепало по тоннелю весьма резво, всего-то один разочек уткнувшись носом в стену. До того самого гнезда мы добрались без задержек. В первое мгновение меня ослепило. Из дыры в своде пещеры падал столп яркого солнечного света и отражался в мутной глинистой воде... Гнездо было затоплено. И если последний Хэдлей при жизни не соврал потомкам, ларь с драконьим яйцом надежно скрывало озеро.

В тишине разносился тонкий звон падающих капель. На стенах от воды плыли блики и белесые тени. Плеск, шорохи и шаги отражались эхом.

– Скажите, я когда-нибудь упоминал, что не умею плавать? – медленно проговорил Нильс, осматриваясь вокруг.

Между тем Фентон внимательно изучил стены, потрогал потемневшие от влажности скользкие камни. Пещера сама походила на колдовской круг, а тайник, если верить записям, последний Хэдлей соорудил несложный.

– Уберем воду, – решил ведьмак и отряхнул ладони.

– Своды не выдержат порталного заклятия. Нас завалит, – уверенно ответила я. – Слишком сильная магия.

– Мы не будем ее перемещать, а просто поднимем.

Перед мысленным взором вдруг нарисовался огромный водяной пузырь, дрейфующий под самым сводом. Неожиданно в дыру сверху упал камень, оболочка лопнула, и мы оказались погребенными под толщей воды. Я даже головой тряхнула от страшного видения.

– Кажется, сейчас я вообще разучилась плавать, – пробормотала себе под нос.

Фентон зашел по колени в мутную воду и призвал магию. От его ладоней заструился дым и туманом окутал покрытую рябью поверхность. Так влажными рассветами утренний туман затягивает тихие речные заводи.

Дым растаял, а вода вздрогнула. На поверхности прочертилась полоса. Постепенно, дрожа и сопротивляясь, бурлящая толща начала расходиться, образуя длинный проход. Стены росли, поднимаясь выше моего роста. Обнажалось черное илистое дно.

От напряжения на шее у ведьмака вздулись жилы. Глаза потемнели, расставленные руки дрожали от тяжести. Он не давал этим самым стенам сомкнуться. Совсем не женская магия! Выдержать вес заклятия был способен только сильный мужчина.

– Иди, – скомандовал он сквозь сжатые зубы.

Я схватила умертвие за поводок и легонько дернула, увлекая в водный коридор. Дюк по-кошачьи шипел, утробно рычал. Идти и так было жутко, а вместе с нервным умертвием, прямо сказать, совсем напряженно. Рядом в водной толще плавали камни и ветки, какой-то мусор, поднятый со дна.

Присев в центре пещеры, я приложила к глинистой жиже ладонь. Пальцы засветились от светлой магии. Короткий приказ, и от моих ног до влажной стены прочертилась глубокая трещина. Земля под ногами зашла нервнoй дрожью, водный коридор сузился и искривился.

Медленно из-под слоя грязи и ила начал появляться ларец. Едва крышка появилась на поверхности, я погасила магию. Пространство стихло, но гудение воды нарастало.

– Верховный, только не потопите, – раздался жалобный клич Нильса.

– Да уж, верховный, – пробормотала я, кое-как открывая скользкую застежку. – Тонуть очень не хочется. Я тут выяснила, что забыла, как надо плавать.

На дне ларя слегка подтопленный лежал экзотический фрукт! Иначе не скажешь. Не то чтобы я когда-нибудь видела драконье яйцо, однако в воображении оно походило на гигантское куриное. Мраморного цвета. Но точно не на круглую дыню, покрытую плотными зелеными чешуйками. На поверку будущий дракон оказался легким и теплым на ощупь.

– Забрала! – крикнула я.

Секундой позже Дюк с рычанием бросился вперед и опрокинул меня на спину. Перед лицом лязгнули зубы. Похоже, даже вожак стаи не имел права покушаться на тайники, сделанные еще при жизни воскрешенного мертвеца.

В голове мелькнула странная мысль, что стоило его обездвигнуть, а потом притащить в пещеру на закорках. Сорванная спина ведьмака, вообще-то, малая плата за чужое наследие, пусть оно и было когда-то своровано.

Рефлекторно, как много раз прежде, я выбросила вперед руку и ударила умертвие печатью упокоения. Яркая вспышка разрежала сумрачное пространство и озарила влажные каменные своды. Никаких пышных проводов, слезливых фраз и прощаний. Увы. На меня навалилось неподвижное тело, которое стремительно превращалось в прах.

Сначала в испуганной тишине раздался протяжный крик Нильса, а потом вокруг сомкнулись стены. Сминая меня, сверху обрушилась ледяная вода.

Говорили, что тонуть надо по правилам, даже если, как я, плаваешь паршиво, все больше «по-собачьи». Надо не рыпаться, задержать дыхание и тихо-мирно опуститься на дно. А там уже оттолкнуться и всплыть, как хвостатая русалка, на поверхность воды, поразив изумленный небосвод железными нервами. Хочу авторитетно заявить, что эти умные люди никогда не тонули!

Я барахталась в воде, не понимая, где верх, а где низ. Вообще, есть ли где-то дно, а если и есть, то почему меня швыряет туда-сюда как щепку. Задерживать дыхание стало поздно практически сразу. Кажется, я нахлебалась воды мгновенно. Перед глазами темнело, тело наливалось свинцовой тяжестью. Внезапно что-то дернуло меня за руку, увлекая к свету и воздуху.

И если вы думаете, что ведьмак меня вытащил на поверхность, красиво обняв, то сильно ошибаетесь. Он схватил меня поперек груди и хорошенько встряхнул, чтобы еще и его не потопила. Очень предусмотрительный мужчина!

А когда я прокашлялась, пытаюсь глотнуть воздуха, он милостиво прижал меня к себе. Сама от себя не ожидая, я обхватила его за пояс ногами, притиснулась крепко-крепко. Пусть так и выносит на сушу. Не отпущу, даже если начнет кочевряжиться.

– Все хорошо, – прохрипел он мне в ухо, придерживая за то самое место, за какое было удобно держаться, когда на тебе висит едва не утопшая девица. – Тут глубина небольшая. Я стою.

– На цыпочках?

– На цыпочках, – очевидно, пощадил он мою гордость.

– Чудесно, – зачарованно пробормотала я, глядя ему в глаза. – Обидно утонуть в лягушатнике.

– Учитель, вы как там? – орал Нильс, мечась перед кромкой воды. – Нахлебались, да? Намокли?

С чего бы мне, прости господи, промокнуть? Я же в непромокаемых сапогах!

Своим воплем он напрочь испортил момент. В голове словно щелкнуло.

– Фентон, какого демона ты не удержал магию? – рыкнула я, хотела еще ударить ведьмака, но тогда пришлось бы расцепить руки. – Чуть не потопил, сволочь! Яйцо это... драконье из рук выпустила.

– Он на тебя набросился, – мягко произнес ведьмак, не обращая внимания на запоздалую вспышку ярости.

– Если ты не в курсе, то я вообще-то специалист по защите от темных чар! Ты видел звезды на спине? Так вот я их рисовала, чтобы помнить, сколько умертвий упокоила, а потом не захотела ходить раскрашенная до макушки.

– Все так, – согласился он и тихо повторил: – Но он ведь набросился...

Неожиданно перед берегом булькнуло, и из воды, как поплавок, вынырнула зеленая дыня, покрытая плотными чешуйками.

– Слушайте, господа чародеи, тут какой-то фрукт всплыл, – в большом недоумении указал на него пальцем Нильс.

– Хватай его! – заорала я. – Бери, пока не уплыло.

– А если оно кусается? – охнул он.

– Он еще не вылупился, чтобы кусаться!

– Так это и есть дракон?! – изумленно воскликнул Нильс. – Почему он похож на дыню в чешуе?

Я резко забыла, что вообще-то тонула всего минуту назад, выпустила Фентона из объятий и моментально окунулась с головой в воду. На поверхность меня вернули за шкуру, как щенка.

– Учитель, я заберу дракона! Вы лучше держитесь покрепче за верховного! – посоветовал школяр и действительно зашел в воду, чтобы выловить яйцо. – Ой, оно горяченькое! Ох, не яйцо, а браслет кусается!

С одежды традиционно стекало, в обуви хлюпало, и я чувствовала себя мокрой курицей. Подозреваю, что выглядела где-то близко, и почти была готова закудахтать от холода. По закону подлости я всегда вымокала в какой-нибудь неприглядной дыре с адскими сквозняками, а не на жарком солнце, когда мокрые портки скорее приносят радость, чем неудобство.

Фентон скинул рубашку и с удовольствием ее выжал. Мне раздеваться при мужиках было совсем не с руки, разве что забраться обратно в лаз и попытаться из промокшей насквозь одежды сделать одежду просто мокрой. По-моему, быстрее сама стечет. Оставалось только разуться и вылить воду из сапог.

– Я бы дал тебе свою рубашку и в этот раз, но, как понимаешь... – с неожиданно искренним сожалением вымолвил ведьмак и встряхнул мокрой тряпкой.

Повисла странная пауза. Одновременно мы повернулись к Нильсу, тот выразительно попятился.

– А давайте я просушу одежду чарами? Клянусь, с бытовой магией у меня полный порядок...

Домой мы вернулись в глубоких сумерках. Я все время поправляла сползающую с плеча рубашку школяра. Фентон шагал одетый в его жилет на голое тело. Раздетый по пояс Нильс, не произнесший ни слова за время обратного пути, тащил корзину с драконом. За ним тянулся шлейф из зловонного запаха паленой ткани... Сверху яйцо прикрывали чудесно, просто до готовности, прожаренные вещи.

Танита вскочила из-за стола, едва мы ввалились в кухню. Брови у нее поползли на лоб.

– Здоровяк, за что тебя раздели?

Насупленный Нильс, не глядя в ее сторону, с чувством тюкнул корзину на стол.

– За то, что не умеет пользоваться бытовыми чарами, – ответила я за школяра.

Он шмыгнул носом и, почесывая покусанный комарами бок, пересек кухню. От его нарочито тяжелых шагов содрогнулась деревянная лестница.

– Хозяин, одежду сожгли, Нильса раздели... А дракона нашли? – шепотом, словно боялась спрашивать громко, уточнила прислужница.

– Нашли, – согласился он и кивнул на корзину.

Запястье просветлевшего ведьмака пересекал амулет, а мой браслет пришлось сунуть в карман мокрых порток. Три раза проверила – не потеряла ли по дороге, и постоянно магия злобно била по пальцам.

Пронзительный визг огласил маленькую кухоньку. Радостно скачущий возле нас Йосик скакать мигом прекратил и со всех табуреточных ножек рванул под стол.

– А Дюк? – вдруг встрепелась Танита.

– Вернулся в вечный сон, – произнес Фентон и добавил: – Он заслужил покой.

Никто понятия не имел, как выводить дракона. Память предков Варлоков, конечно, была крепка, но и она ничем не помогла в этом щепетильном вопросе. Вчетвером мы смотрели на корзину, где в одеяле возлежало яйцо, и не понимали, что с ним делать. Сходились только в одном: будущего дракона следовало согреть.

– Положим в кипяток? – потирая подбородок, протянул Нильс.

– А если мы его сварим? – всполошилась Танита. – Может, это последний дракон на земле, а из него сделают яйцо всмятку.

– Здесь написано, – указала я пальцем в темный гримуар, – что драконы рождались в огне. Очевидно, что нужен огонь. Желательно целый пожар.

Неожиданно школяр с прислужницей повернулись к окну.

– И нет, мы не станем поджигать старый дом, – сдержанно добавила я.

– Давайте разведем в огороде костер и положим его на решетку? – выдвинул новое предположение Нильс. – Что скажете, верховный? Это ваш дракон, вам и решать, как его приготовить... В смысле, вывести...

– Ага, и будет у нас жареный дракон, а если сверху поперчим, то целый стейк из дракона, – пробурчала прислужница и вздохнула: – Что-то есть сразу захотелось.

– Положим его на угли в очаге, – решил за всех Фентон. – Там проще всего поддерживать жар.

Одновременно мы повернулись к очагу, обложенному изразцовыми плитками. На нем стоял пустой котелок, сверху висели поварешки. Чугунная дверца жаровни была плотно закрыта на резной засов. Откровенно сказать, даже в страшном сне я не могла представить, что мой очаг превратится в колыбель для огнедышащей твари.

Фентон лично разжег огонь, с первого раза справившись с кресалом. Постепенно пламя разгорелось, и драконье яйцо было аккуратно засунуто в жаровню. Прозрачно-оранжевые обжигающие языки облизывали его бока, не причиняя вреда. Неожиданно показалось, будто чешуйки вздрогнули, а по плотному панцирю прошла едва заметная судорога.

– Чует мое сердце, что мы не выведем дракона, а запечем, – покачала головой Танита, когда заслонка была закрыта.

– Да что же ты все каркаешь? – рассердился Нильс. Кажется, он был готов подкладывать яйцо себе под бок и усердно выводить. А может, под бок верховного. В конце концов, именно он нас всех втянул в историю с драконами.

В кухне раздался громкий переливчатый сигнал, словно кто-то пару раз ударил молоточком по стеклянному бокалу.

– Мама написала? – насторожился Нильс.

Но крышка на малахитовой шкатулке, спрятанной за геранью на подоконнике, оставалась закрытой.

Нахмурившись, я подошла к посудному шкафу и постучала по стеклу:

– Петунья, покажи шкатулку.

Тетушка отперла дверцу и позволила мне залезть на полку. Вообще-то, шкатулка простояла в самом углу последние три года. Письма я отправляла только отцу лично в руки. Почтовый артефакт

оказался без надобности. Признаться, уже подзабыла, какой сигнал он подает.

– Так у вас все-таки есть почтовая шкатулка? – не без ехидства протянул школяр.

– Думал, что я застряла в темных временах магических войн? – хмыкнула я.

Крышка действительно оказалась откинутой. Внутри лежало свернутое трубочкой и скрепленное печатью клана Истванов послание. Под ним отыскались два порталных амулета. Чувствуя, как в груди зарождается неприятное чувство, я взломала печать и пробежалась глазами по тексту.

– Кто написал? – спросил Фентон с беспокойством в голосе.

– Ковен прислал официальное приглашение, – вздохнула я, с досадой понимая, как не вовремя родичи решили постучать кулаком по столу. – Завтра утром я должна явиться в замок.

– Зачем? – Нильс округлил глаза и испуганно переглянулся с прислужницей.

– Думаешь, только тебе устраивают выволочки? – усмехнулась я и без особого пиетета сложила письмо вчетверо. – У меня под носом мертвые напало на человека. Странно, что дотерпели до вечера.

– А как они узнали? – забеспокоилась Танита.

– Ты удивишься, как быстро по королевству разлетаются новости, – ответил вместо меня Фентон, внимательно слушавший разговор. – Школяр должен явиться с тобой?

Я согласно кивнула.

– А от меня-то им что нужно? – всполошился тот.

– Ученик всегда сопровождает учителя, – пояснила я и выпустила из кулака амулеты; темные кристаллы закачались на длинных цепочках, как маятники. – Надеюсь, ты хорошо переносишь порталные перемещения.

– Понятия не имею, – побледнев, прошептал на выдохе Нильс. – Никогда не пробовал.

К ночи дом успокоился и затих. От раскаленного очага в кухне было нечем дышать, и пришлось раскрыть окна и двери. В спальнях тоже царил духота. Если драконы рождались в огне, то нам в нем грозило свариться. Признаться, идея поджечь дом ведьмы Матильды и

бросить в пламя яйцо – пусть само себя выводит, – уже не казалась отчаянно дурацкой.

Фентон спускался со второго этажа, как раз в тот момент, когда я проверила будущего крылатого монстра и собиралась лечь в кровать. Мы встретились под лестницей. Вообще, очень удачно, учитывая, что через открытую заднюю дверь проникал свежий воздух.

– Все будет хорошо? – вдруг спросил он.

– Ты про визит к пресветлому? – усмехнулась я. – Думаю, он пройдет лучше, чем в прошлый раз. У меня нет магии, я не смогу еще раз взорвать учебную башню.

– Зачем ты взорвала башню? – стараясь сдержать улыбку, спросил ведьмак.

– Никогда не поверю, что до Варлоков не доходила история, как старшая дочь пресветлого Иствана свихнулась и начала громить замок.

– Может быть, что-то и говорили, – нехотя признался Фентон. – И я был удивлен, когда понял, какая именно из Истванов живет у меня по соседству.

– Ну, строго говоря, это ты жил со мной по соседству, а потом вообще под бок перебрался.

– Ты въедливая, да?

– Ага, – улыбнулась я и, сама от себя не ожидая, призналась: – Ковен обвинил меня в воровстве. Это было немыслимо, и я вызвала на дуэль настоящего вора. Кое-какие постройки не устояли. Башня оказалась ближе всех.

– Ты доказала, что невиновна?

– Да, – согласилась я. – Тот человек сознался пресветлому.

– Тогда почему ты уехала из дома?

– Потому что отец ни секунды не сомневался, что это сделала я... Конечно, справедливо говоря, подростком мне не стоило взламывать двери его сокровищницы.

– Все-таки ты была оторвой, – больше не сдерживая смех, покачал головой Фентон.

– Прошу заметить, мне было четырнадцать. Я только освоила защитную магию и хотела приложить к чему-нибудь знания. Понятно, я взломала защиту самой недоступной комнаты в замке! – С чувством развела руками. – Не надо хохотать, Фентон, ты перебудуешь весь дом...

Внезапно он склонил голову и мягко поцеловал меня.

– Ты решил на ночь глядя меняться магией? – ошарашенно спросила я, когда он чуточку отстранился. – Чтобы я еще разок замок порушила?

– Нет, я просто хочу целовать тебя, Агата Истван, – прошептал он мне в губы.

Беру свои слова обратно! Фентон Варлок умел целоваться. И делал это со вкусом. Так, что кружилась голова, ноги подкашивались, и становилось обидно, что в моей кровати уже спала его темная прислужница.

Увлекательное занятие прервал недовольный голос школяра:

– Вы чего там возитесь?

Мы замерли, словно подростки, застигнутые врасплох строгой гувернанткой. Рука Фентона, лежащая на моей груди, осторожно спустилась на талию. Я уткнулась лбом в его грудь, стараясь перевести дыхание. В голове стоял сладкий туман. Некоторое время мы не шевелились.

Оказывается, так сложно предаться взрослым утехам, если в маленьком доме живет много народу.

– Кажется, мне пора спать, – пробормотала я.

– Да, – хриплым голосом согласился он. – Спокойной ночи.

– И тебе.

Не глядя друг на друга, мы разошлись в разные стороны.

С открытыми глазами я лежала в кровати и дожидалась, когда же успокоится безумный стук сердца в груди. Внутри пекло. Пальцы все еще ощущали каждое прикосновение к крепкому мужскому телу. Кожа горела в тех местах, где касались его горячие губы...

Неожиданно в тишине со стороны улицы донеслись непонятные звуки. Что-то хрустело, ломалось, стучало и падало. Поднявшись, я украдкой выглянула в открытое окно и обнаружила, что внизу Фентон с остервенением рубит дрова.

И знаете? Я тоже не отказалась бы порубить дрова или просто принять холодную ванну.

Глава 12

Темный ковен

Иногда я себе представляла, как вернусь в родовой замок. В фантазиях погода в этот день была паршивая. Шел дождь, шпиль главной башни протыкал брюхо огромной тучи. По брусчатке барабанило, и от этой яростной дробы мигом намокал и тяжелел подол платья. В реальности мы перенеслись в замок светлого ковена в середине погожего солнечного дня.

Стесняться не стала, выбрала место поближе к парадному входу, распугав внезапным появлением, поднявшим взъерошенную волну воздуха, людей на въездной площади. Хорошо, что перенеслась, подхватив школяра под локоть. Как тут же выяснилось, он плохо переносил порталные переходы. У меня еще плащ не успел опасть, как Нильс согнулся пополам, уперся ладонями в колени и простонал:

– Учитель, идите, а я просто здесь издохну.

– Тебя мертвие укусило – и то выжил, – отозвалась я, оглядывая отчий дом. – После такого тебя не прикончить ни одним порталным переходом.

– Один я еще переживу, но нам-то возвращаться, – пробормотал Нильс и попытался выпрямиться, однако снова согнулся от дурноты. – Можно, обратно я ногами? Глядишь, доберусь до Круэла к следующему году.

Пока он стонал, я осмотрелась. Замок Истван, безмятежного гиганта, озаряло солнце. Тянулись в синюю высь длинные шпили, летели к стягам пенные облака, вокруг самой высокой башни, где жил пресветлый, летали белые голуби. Птиц специально держали в замковой голубятне и каждый день в ясную погоду гоняли в небо.

– Вперед, школяр! Экскурсию по замку не обещаю, но тронный зал, уверена, посмотришь.

– Экскурсию мне устроили, когда мы с мамой приезжали, – признался он, ковыляя позади.

– Понравился замок?

– Да. Замок хорош, и комнаты для учеников такие просторные... – Его лицо выражало печаль всего студенческого народа, вынужденного

мириться с произволом наставников.

– Зачем ты приехал ко мне в провинцию? – сдержанно спросила я. – Другие братья не захотели?

– Да мне и не предложили.

В общем, школяр попал под горячую руку пресветлого, из последних сил желающего осадить норовистую старшую дочь.

Мы поднялись по ступеням к раскрытым дверям парадного входа. Внутри был виден огромный холл с колоннами, широкой лестницей, ведущей к библиотечному этажу, лекториям и к переходу в учебную башню.

Как и всегда, толпились просители. Иногда аудиенции приходилось дожидаться по несколько дней. Люди оставались в комнатах для постоя и каждое утро собирались в этом холле, где даже в жаркую погоду царил неприятный холод. Те, кто пошустрее, успевали занять места на диванчиках перед огромным камином.

Напротив парадного входа висел огромный портрет пресветлого, видимо, чтобы посетители сразу понимали, что хозяин замка за ними наблюдает.

Портрет этот написали лет двадцать назад, и он менялся вместе отцом. Но за три года, судя по изображению, папа вообще не постарел. Тот же суровый чародей, моложавый и крепкий, с властительским посохом в руке. Даже седины не прибавилось.

– Пойдем, Нильс, – позвала я и обернулась.

Школяр рассматривал учебную башню. Ее почти полностью восстановили. Не хватало только нормальных окон вместо провалов, и крыша пока представляла собой деревянный остроконечный остов, на который предстояло нарастить черепицу.

– Да уж, лучше мы к ним, чем они к нам, – пробормотал он. – У нас верховный, прислужница и нечисть.

– А дракон в печке тебя не волнует? – тихо спросила я.

– А что с ним?

– Его не спрячешь в погреб, как остальных.

– Истину говорите! – понятливо кивнул Нильс.

Мы перешагнули через порог, и впервые за три года я оказалась дома. Откровенно говоря, ничем, кроме раздражения, что вызвали в столь неудачный момент, это знаменательное событие во мне не отозвалось.

– Госпожа чародейка, – заступил мне дорогу незнакомый чародей, по виду вчерашний выпускник, видимо, из недавно принятых в ковен. – Пресветлый просил вас встретить и проводить в тронный зал.

– Благодарю, – кивнула я, хотя знала замок как свои пять пальцев. Но традиции есть традиции.

Мы быстро шли по широким светлым коридорам. Капюшон плаща я не надевала, так что встречные люди мгновенно меня узнавали, и нам в спины неслись удивленные шепотки.

В галерее с портретами Истванов Нильс нагнал меня и тихо спросил:

– Сколько у вас родственников-то?

– Я не считала.

Замок всегда был людным и шумным, как огромный улей. Здесь жила толпа разношерстного народа: родственники Истваны, входящие в ковен чародеи, принятые в обучение школяры, прислуга и просители.

– Ой! А это вы! – с детским восторгом произнес Нильс.

Портрет действительно висел.

– Надо же, думала, в чулан убрали, – хмыкнула я, но тут почувствовала, как начинаю меняться в лице.

Рядом с изображением Карины, моей младшей сестры, висел портрет *того* человека. Светловолосый мужчина с выразительным лицом и едва заметной ямочкой на щеке. Он не был красавцем в том понимании, какое в это слово вкладывали юные девушки, но обладал мужской привлекательностью. И очаровать он тоже умел.

Я прочитала имя, выбитое четкими литерами на латунной табличке под портретом: «Эвер Истван». Когда-то его фамилия была Брайт, но ему позволили войти в семью...

– Учитель... – Нильс осторожно тронул меня за плечо.

– Что?

Словно выйдя из-под гипноза, я вдруг осознала, что встала как вкопанная перед портретом.

Школяр кашлянул и неопределенно кивнул. Нахмурившись, я посмотрела на сжатый кулак и вдруг осознала, что светлая магия исчезла, а вместо нее вновь вернулся дар верховного ведьмака. На вопросительный взгляд Нильс едва заметно покачал головой, мол, никто не заметил.

– Госпожа чародейка? – позвал меня сопровождающий.

И мы снова двинулись по коридору к тронному залу поворотами, знакомыми мне с самого детства, мимо открытых гостиных, где я выросла, шалила и причиняла... творила... помогала добром жителям замка. Даже если они этого совсем не жаждали.

Эвер Брайт. Мы были знакомы с первого курса академии. Никакой влюбленности, но он был моим лучшим другом, верным соратником и первым мужчиной. Иногда я думала, что мы заключим брачный союз, просто потому что знали все друг о друге. Но я ошибалась, кое-что об Эвере Брайте мне было неизвестно. Он умел предавать.

И когда я нашла в своем дорожном сундуке вытащенный из отцовской сокровищницы артефакт, то напрямик спросила у Эвера:

– Ты?

Магический кристалл, умеющий поворачивать время вспять, ненадолго, всего на пару минут, но все равно запрещенный, тускло блеснул в свете лампы.

– Агата... – Эвер мог соврать, но выглядел испуганным.

– Ты скажешь, зачем он тебе? Хотел продать? Тебе нужны деньги? Он замялся.

– Просто верни его обратно. Я сделаю вид, что ничего не видела.

Артефакт он, по всей видимости, не вернул. По возвращении в замок Истван меня обвинили в воровстве.

До сих пор помню тот морозно-ясный день, когда брусчатка заледенела и поблескивала на солнце, а горящие от гнева щеки даже не чувствовали холода. Мы не объявляли дуэль. Я ударила первой. Сейчас-то понятно, что вышло глупо.

В какой-то момент он перестал защищаться и напал в полную силу. Ровно настолько, насколько меня в действительности ненавидел. Башня разлетелась, не выдержав силы светлых чар, которыми мы, как проклятиями, друг друга осыпали.

Вор признался пресветлому, что оговорил его дочь. Когда Эвера простили и оставили в колене, я собрала дорожный сундук, прихватила будущего Йосика и гордо ушла, напоследок громыхнув створками замковых ворот. Их теперь тоже сменили.

В конце концов, все меняется, и даже фамилия Эвера. Только я застряла где-то между замком и неизвестностью, в маленьком доме с нечистью... А еще с верховным колдуном, прислужницей, драконовым яйцом и школяром. Полный сумасшедший дом!

Вообще-то, я думала, что нас тут же проводят к пресветлому, но пришлось простоять с четверть часа в маленьком зале для ожидания среди других чародеев. И с каменным лицом не замечать удивленные шепотки.

Наконец двустворчатые двери распахнулись, открыв взгляду огромный светлый зал со знаком ковена Истванов, выложенным на мраморном полу. На сводах перетекали фрески, отчего казалось, будто потолок над головой отъезжает. Бабка Розалинда утверждала, что художник изобразил сцены из летописей рода, но, по-моему, он намалевал что бог на душу положил.

Отец восседал на широкой деревянной скамье с высокой резной спинкой и сиденьем алого цвета. В общем, исключительно пафосно, как и должно пресветлому. По обе стороны, образуя коридор, который не иначе как «коридором слез и позора» я никогда не называла, стояли столы. Их занимали помощники, зрители и даже замковый счетовод. Когда-то один из этих столов принадлежал мне. Самый первый в ряду, справа от отца. Сейчас это почетное место отдали кузену Вардену.

Мимо нас прошагал расстроенный проситель. Видимо, не добился того, чего хотел. Полагаю, сегодня пресветлый мучился дурным настроением.

– Светлая чародейка Агата Истван! – призвали меня.

– Помогите нам боже, – пробормотал Нильс и только из-за моего выразительного взгляда не стал осенять себя божественным знаком, хотя уже занес руку.

Мы вошли. Дверь захлопнулась.

Я встала в центре зала. Школяр, крутивший головой, едва на меня не наскочил и с виноватым оханьем пристроился плечом к плечу.

– Назад, – тихо процедила я.

– Чего? – растерянно хлопнул он глазами.

– На шаг назад, – едва слышно объяснила ему тонкости замкового этикета.

– Ох, извините! – вспыхнувший от конфуза Нильс попятился и снова повторил, обращаясь уже к зрительному залу: – Простите, пожалуйста.

Наконец мы преодолели расстановку.

– Приветствую пресветлого, – спокойно произнесла я. В общем-то, эффектное появление мы уже смазали, можно не кичиться.

Некоторое время мы с отцом разглядывали друг друга. И знаете? Портрет в холле врал! Демоны дери, пресветлый подретушировал собственный портрет, потому что за три года у него действительно появилась седина и в волосах, и в бороде, а от носа к уголкам рта прочертились глубокие складки.

Его помощник поднялся из-за стола и начал зачитывать по дрожащей бумажке, что меня обвиняют в халатном служении ковену. Конечно, монеты, утекающие мимо казны, были совсем ни при чем. Ни капельки! Но умертвие, напавшее на человека посреди бела дня, возмутило даже бывалых магов, и все требовали наказания.

– Вам есть что добавить? – спросил помощник, дочитав до конца.

– Ночью.

– А? – сбился он.

– Ради исторической точности в летописях ковена, монстр ходил по кладбищу ночью.

Мужчина нервно покосился на пресветлого, прочистил горло и произнес сакраментальную фразу:

– Вам есть что сказать в свое оправдание?

– Умертвие упокоено, – только и ответила я.

Потом на весь зал громко объявили, что меня на год выставляют из ковена, лишают защиты, поддержки и всех прочих благ. Я не имею права творить добро и сеять благодать от его имени.

– По прошествии года вы можете подать прошение на возвращение, – проговорил все тот же помощник. – Ученик Нильс Баек!

Школяр испуганно вздрогнул и выпрямился:

– Здесь!

Народ с трудом сдержал улыбку. Признаться, я сама закусила губу, чтобы не фыркнуть в столь драматичный момент.

– Ваше обучение продолжится в замке Истван. Вас готов взять в ученики преемник пресветлого чародей Варден Истван. После защиты диплома по желанию вы имеете право вступить в ковен.

Я посмотрела на двоюродного брата. Он едва заметно мне кивнул, мол, сделаем из твоего чудак... чудненького ученика нормального чародея.

– Чародейка Агата Истван, вы обязаны вернуть плащ со знаком ковена.

Не споря, я начала распутывать завязки плаща. Удивительно, что у самого светлого ковена в королевстве плащи были черного цвета, как у верховных колдунов.

– Учитель, что же это? – в панике бормотал Нильс. – И что мне делать?

– Школяр, знаешь, что в жизни хуже всего? – тихонечко проговорила я. – Профукать хорошую возможность. Варден – отличный чародей. Лучше наставника тебе точно не дадут. Держи.

Я вложила плащ в его трясущиеся руки, а потом без колебаний сняла с шеи висящий на длинной цепочке родовой знак. Тяжелая подвеска, переданная мне в тот день, когда вспыхнул светлый дар, три года пролежала в шкатулке, а сегодня я ее надела, чтобы продемонстрировать свое уважение – нет, даже не к отцу, – к замковым стенам, в которых выросла.

По залу пробежали изумленные шепотки.

– Неси, – вручила Нильсу.

Конечно, красивее было бы бросить украшение на пол, но мы же, право слово, с отцом взрослые люди. Такие вещи нужно швырять в лицо, а нас разделяло не меньше двадцати шагов.

Нильс двинул в сторону пресветлого.

– Агата, ты в своем уме? – Тот подскочил с этого своего трона, и взбешенный голос разнесся по залу, взъерошив бумаги на столах.

– Ты знаешь, что я способна простить все. – Мы встретились глазами. – Кроме предательства. Он предал меня один раз, а ты – дважды.

Лицо отца окаменело, на скулах ходили желваки. Уверена, он понял, о ком именно шла речь. Немыслимо оставаться одной семьей с тем человеком.

Нильс застрял на середине пути, в самом эпицентре ссоры, точно между молотом и наковальней, не зная, что ему делать. Клянусь, сейчас мне *действительно* его было жалко.

– Неси, – мягко махнула я рукой. – Здоровья вам, пресветлый.

Я развернулась к выходу. Двери начали торжественно раскрываться, демонстрируя возбужденный зал ожиданий. И вдруг в воцарившейся тишине зазвенел отчаянный голос школяра:

– А знаете, что?

Все примолкли, неожиданно заинтересовавшись, что им сейчас скажут.

– В гробу я видел ваш замок!

С изумлением я оглянулась на Нильса и процедила:

– Ты что делаешь?

– Не нужен мне другой наставник! Учитель, я уже говорил и повторяю еще раз: просто так вы от меня не избавитесь!

Нильс шустро подскочил к столу и бросил плащ поверх бумаг отцовского помощника. Родовой знак со звоном соскользнул на пол, так что школяру пришлось нагнуться и поднять его, а потом еще разок. Мы с замиранием сердца следили за возней, гадая, сумеет ли он победить. Победил.

– И вот еще что! – Красный как вареный рак школяр шумно сглотнул. – Пресветлый Вацлав! Верните деньги, которые я заплатил за обучение! На год вперед за полный пансион с питанием и проживанием! Иначе нам придется постоянно варить зелье от мигрени, а я пока от него только свою мигрень заработал.

Клянусь, на отца в этот момент было больно смотреть. Он потерял дар речи. Я даже и не знала, что с ним может произойти подобный конфуз.

– И я подам жалобу в магический совет! – тонким голосом добавил школяр.

Он развернулся и в гробовой тишине вприпрыжку рванул на выход.

– Что вы замерли? – пробегая мимо, тихо проскулил он. – Уходим уже!

В замке происходили разные события, но наш короткий и яркий визит точно запомнят надолго.

– Агата! – крикнул отец, заставив меня обернуться.

И ведь хотела уйти тихо и мирно, не поднимая скандалов. Поругаться же можно потом, написав друг другу десятков гневных писем. Но папа не захотел разрывать поводок на шее у дочери без напутственного фейерверка.

– Из родовой книги мое имя тоже убери, – спокойно велела я. – Сделай милость. Не имею никакого желания быть в одной семье с Эвером Брайтом. Или он же сейчас Истван?

– Он раскаялся в содеянном, отказался от своего рода и захотел войти в семью.

– А ты ему позволил.

– Эвер женился на твоей младшей сестре.

– Интересный выбор зятя, – издевательски протянула я. – Передай моей сестре поздравления. И прими добрый совет: получше запирай свою сокровищницу. Варден...

Кузен изогнул брови, давая понять, что он весь внимание.

– Надумаешь жениться, пришли приглашение на брачный обряд.

В ответ он потер ладонью лоб, как в детстве, когда хотел тонко намекнуть, что оторва Агата Истван совсем чокнутая.

Мы с Нильсом покинули тронный зал. Уже в коридоре, даже от дверей далеко не успели отойти, его нагнало раскаяние.

– Мама меня убьет, да? – простонал он.

– Ну о маме надо было думать прежде, чем устраивать истерику перед пресветлым, – вздохнула я. – Давай возвращаться, пока темные нам дом не спалили. Иначе тебе на полном пансионе не только есть будет нечего, но и жить будет негде.

На въездной площади дежурил целый отряд стражей, как бы тонко намекающий, что вообще-то порталные перемещения внутри замка и на площадях запрещены. Мы направились к въездным воротам, и меньше всего я ожидала увидеть за ними знакомую фигуру.

Фентон Варлок стоял, сунув руки в карманы, и терпеливо ждал нашего возвращения. Оказывается, он все-таки имел кое-какие представления о манерах и со свойственным ему нахальством не вошел на территорию светлых без приглашения.

Я почувствовала, как губы невольно дернулись в улыбке, ведь он наконец побрился! Без рыжеватой щетины Фентон выглядел моложе. И у него был мужественный подбородок. Прятать такой под неопрятной бородкой – преступление против женщин всего королевства.

Величественные створки начали медленно раскрываться. Направляясь к ведьмаку, я ни на мгновение не разорвала зрительный контакт. Кажется, даже не моргала.

– У меня вдруг пальцы засветились, и я подумал, что тебе понадобится дружеская поддержка, – проговорил он. Его глаза смеялись.

– И ты взял наш единственный порталный амулет, – прокомментировала я. – А я-то хотела приберечь для важного случая.

– Где твой чародейский плащ? – спросил он.

– У меня больше нет чародейского плаща с гербом Истванов. Придется купить новый, без герба.

– А красивое украшение, которое ты сегодня с озабоченным видом вешала на шею? – Он едва заметно кивнул, намекая на родовой знак.

– И украшения.

– Смотрю, визит прошел плодотворно, – иронично протянул он. – Хочешь отметить или устроить поминки?

– Давай просто домой. У нас дракон не дожарен, огород не убран...

– В общем, нет времени предаваться сожалениям, – хмыкнул Фентон.

– Эй, господа чародеи! – вдруг позвал нас Нильс. – Очень извиняюсь, но я тут слегка застрял.

Мы удивленно оглянулись, и стало ясно, что я вышла, а школяр не успел. Он остался за воротами и теперь, держась за прутья, напоминал каторжника, не знающего, как выбраться из застенка.

– Они вдруг резко захлопнулись. Я не успел выскочить. Что мне делать-то?

– Отойти подальше, – распорядилась я. – Ворота должны реагировать на движение.

Нильс действительно отошел на десяток шагов и торжественно двинул к створкам, едва ли не чеканя шаг, но те не дрогнули.

– Попробуй еще раз, – посоветовала я. – Помашаи руками, они наверняка раскроются.

Пританцовывая для пущего эффекта, он принялся размахивать руками, но только испугал усевшихся на брусчатку голубей, и вызвал издевательское хихиканье двух молоденьких служанок, проходивших мимо.

Нильс затравленно покосился на девушек через плечо и начал активно краснеть.

– Ладно... – Я вытащила из кармана порталный амулет и сунула ему через прутья. – Перемещайся прямо из замка.

– Один? – ужаснулся он, разглядывая кристалл.

– Но мы же не можем перенестись вместе с воротами. Их только восстановили.

– Учитель, а если я улечу куда-нибудь не туда?

– Куда ты собрался лететь? – начала раздражаться я.

– Школяр, представляй конечную остановку и перемещайся, – пояснил Фентон.

– Главное, не думай о мамином фонтане, – вставила я.

– Господи, да зачем же вы напомнили мне об этом дурацком фонтане? – искренне расстроился он. – Он у меня теперь из головы не выходит!

Полагаю, школяр еще раз пожалел, что отказался от выгодного предложения Истванов, когда мы от души пожелали ему удачи и, взявшись за руки, ушли в закат. В смысле, спокойно переместились с крепостного моста напрямиком к дому.

Мы оказались перед калиткой. От резкой воздушной волны истерично зазвенел колокольчик, а с земли поднялся вихрь облетевших розовых лепестков.

Фентон открыл скрипнувшую калитку и пропустил меня вперед. Я ступила на дорожку и почувствовала, как сердце остановилось. Возле крыльца валялась разломанная табуретка. В груди вдруг свело, а сердце закололо.

Казалось, что кто-то в бешеной ярости шарахнул ею по земле. Вокруг рассыпались щепки, отлетели резные ножки, из вспоротой подкладки, давным-давно потерявшей любой приличный вид, торчали сваленные комья волосяного наполнителя...

Я не испытывала ровным счетом никаких эмоций, возвращая плащ с гербом ковена, не почувствовала особого трепета, когда снимала тяжелый родовой знак. Лишиться того, что давно перестало приносить душевную боль и тревожить, несложно.

От вида уничтоженной нечисти я не могла дышать. Его вовсе не отправили в вечный сон, как требовали правила чародеев, да и здравого смысла. Моего глупого, суетливого и преданного пса убили.

При виде разломанной табуретки ведьмак длинно, витиевато выругался и рванул в дом. Оставалось броситься следом.

Через открытую дверь было видно, что кухня перевернута вверх дном. Пол засыпан черепками посуды и стеклянным крошевом, вешалка валялась, один стул сломали. Уронили герань, и земля из

разбитого цветочного горшка рассыпалась по подоконнику и столу. Дверца потухшего и медленно остывающего очага была открытой...

Драконье яйцо исчезло.

– Где Танита? – резко спросил Фентон. – Танита!

Он двинулся к лестнице, под ногами захрустели стекла. Я слышала, как на втором этаже ведьмак звал прислужницу, но, судя по всему, в спальне ее тоже не было.

И только посудный шкаф остался нетронутым. С него так и забыли стереть меловую линию. Он стоял спокойно, таращился витражными витринами, поделенный пополам.

– Петунья, открой, – ледяным голосом приказала я.

Мы убрали гримуары в нижнюю полку, уверенные, что вредная старушка точно их никому не выдаст. Она терпеть не могла возвращать даже чашки, а тут целых две колдовские книги. И дурное предчувствие мне подсказывало, что этих самых гримуаров нет.

– Открывай! – рявкнула я и с раздражением стукнула шкаф носом туфли. К слову, пальцам было больно.

Как ни странно, подействовало. Дверца приоткрылась со скрипом, нехотя. Полка оказалась пуста.

– На втором этаже Таниты нет. – Фентон спустился по лестнице и быстро вышел в распахнутую настежь заднюю дверь. – Танита!

Я отправилась следом. В реальность происходящего верилось с трудом. Если девчонка сбежала, то за каким демоном разгромила кухню?

– Быть не может... – словно озвучил мои собственные мысли ведьмак, оглядывая тихий цветущий огород.

Бросив взгляд на старый дом, я сначала не поверила собственным глазам и даже присмотрелась получше. Из окон шел дым.

– Посмотри, мне же не кажется, что там дым? – Я тихонечко похлопала ведьмака по плечу. – Дом горит?

Договорить не успела, как Фентон сорвался с места. Я старалась не отставать, но изображать красивый галоп в юбке, надетой для встречи с отцом, было жуть как неудобно. Особенно по огороду, перетерпевшему две грозы, выгул умертвия и ночевку Нильса Баека под кустом.

Но я честно подхватила повыше подол, демонстрируя всему огороду белые чулки, и попыталась перепрыгнуть плантацию ревеня.

Приземлилась аккуратно в середине. Йосика прикончила бы за вопиющий вандализм. Но моего пса уже кто-то убил. По-настоящему.

Штурмовать дом со стороны разломанной стены было глупо. И опасно. Мы цивилизованно проникли через кухню, в которой плавал сизый дым. На полных парусах ворвались в соседнюю комнату и... влетели в невидимую преграду.

Никогда в жизни не билась в подобные заклятия, но было больно, как будто случайно не заметила и вошла в настоящую стену.

– Уже вернулись. Она сказала, что вас не будет до вечера... – проговорил смутно знакомый голос, пока я пыталась разогнать звездочки, от сильного удара закружившиеся перед глазами. Их было много, считать не пересчитать.

Посреди комнаты горел костер, и на поленьях лежало драконье яйцо. Танита без сознания валялась у стены. Руки у нее оказались связаны, а во рту торчал кляп. Но самое странное, что происходило в комнате: дровишки в огонь подбрасывал мэрский архивариус. На мгновение я даже решила, что от удара поймала чудесную галлюцинацию.

– Ты кто такой? – изумленно проговорил Фентон.

– Мэрский архивариус, – подсказала я.

– Которого на вилы чуть не насадили?

– Ага.

– От меня просто убежало ваше умертвие! – вдруг возмутился он, словно пытаюсь доказать, что не совсем неудачник. Хотя упустить умертвие, будем честны, тоже такое себе приключение.

– Архивариус, ты бессмертный? Воровать у двух магов! – возмутилась я.

– Но колдовать вы сейчас все равно не можете, иначе бы давно сыпали заклятиями. Тетушка мне сегодня сказала, – как-то излишне безумно протянул он.

– Какая тетушка? – не поняла я.

– Из шкафа. Она моя бабушка.

– Я запутался: она бабушка или тетушка? – тихо спросил у меня Фентон. Видимо, худой высокий парень, похожий на оглоблю и кузнечика одновременно, не ассоциировался у него с серьезным противником. Между тем, этот кузнечик использовал чары. А мы нет.

– Призрак в шкафу – моя бабка, понятно?! – взвизгнул он. – И, кстати, ее зовут не Петунья.

– Да я догадываюсь, – зачем-то бросила я.

Имя-то нечисти дала первое, какое пришло в голову. Чистое совпадение, что Петуньей звали четвертую жену отца. Она все равно уже бывшая.

– Знаете, какое чудо она попросила, когда пошла в услужение? – со злостью выплюнул Том. – Чтобы в нашем роду появился магический дар. Но Хэдлеи были слишком слабыми, и чудо не вышло. Я едва-едва могу читать заклятия.

– Но стену ты сделал, – заметила я.

– Амулет, поглощающий магию. От любого заклятия он становится мощнее. Отличная штука. Уже не раз испытывал. Когда вы дрались в огороде, он столько магии поглотил!

– Мы что же, поменялись из-за этой его дурацкой штуки? – охнула я, даже несколько оскорбившись, что в обмене не было божественного предзнаменования. Просто какой-то, прости господи, внук темной прислужницы, не особо удачно выбравшей хозяйку-ведьму, подсунул нам невнятный чернокнижный амулет.

– Драконы подчиняются только сильным магам, – проговорил он. – И я стану демонски сильным, когда он родится. Жертва светлой магии, жертва темной магии, человеческая жертва, новорожденный дракон. Темное к темному, светлое к светлому. А мне достанется все!

– Я поняла, ты просто сумасшедший, – сухо заключила я. – Только злодейского смеха не хватает.

Тут-то он вытащил из сумки оба наших родовых гримуара, а Танита зашевелилась, начиная приходить в себя. По-моему, ситуация выходила из-под контроля. Не то чтобы до этого мы ее хоть как-то контролировали.

– Он сейчас сожжет наши колдовские книги, – запричитала я, толкнув замершего ведьмака локтем. – Давай целоваться, пока не все потеряно.

– Нам надо, чтобы книги сгорели, и все закончится, – убежденно проговорил Фентон, неотрывно следя за парнем.

– Конечно, закончится. Он лишит нас памяти предков. Я сегодня как бы из семьи ушла, – бубнила я, – не хотелось бы еще остаться без бабкиного подарка.

– Сначала светлый гримуар! – торжественно объявил злодей.

– Нет! – страшным голосом рявкнула я, прислонив руку к невидимой перегородке.

– А? – изумленно повернулся он.

– Давай сначала черный гримуар верховного! Ему наплевать, а мой очень жалко.

– Как скажешь, чародейка, – странно улыбнулся Том и, не сводя с меня насмешливого взгляда, как будто случайно выронил бабкину книгу в огонь. – Ой, упала!

В разные стороны брызнул сноп искр, столб огня практически достал до потолка.

– Кретин, – пробормотала я на выдохе.

Следующей в костер полетела черная книга, но ведьмак даже бровью не повел.

Огонь совершенно сошел с ума, по полу прыгали горящие головешки. От дыма слезились глаза. И, в общем-то, совсем скоро костер обещался перерасти в большой пожар, а старый дом грозил обернуться огромным горящим факелом. Не хотелось бы в нем поджариться.

– И человеческая жертва, – торжественно воскликнул кровожадный архивариус, вытаскивая из сумки мой родненький ритуальный кинжал.

– Верховный, самое время что-то делать, – теперь действительно встревожилась я, – пока твою прислужницу не прикончили.

– Фея, – не глядя, позвал он.

– Да что?!

– Я влюблен в тебя.

На мгновение возникла странная пауза. Учитывая, что у нас тут собирались принести в жертву Таниту, признание, мягко говоря, было несвоевременным.

– Сработало? – тихо спросил он и щелкнул пальцами. – Нет, не помогло.

– Может, потому что не время глупости говорить?

– А я серьезно. – Фентон бросил на меня пронизывающий взгляд, как-то странно пробравший до самого нутра. И стало ясно, что он по-настоящему серьезен.

Секундой позже невидимая стена разлетелась под действием мощного темного заклятия, созданного верховным колдуном. Сумасшедшего архивариуса-злодея впечатало в стену. Я ошарашенно смотрела на свои светящиеся пальцы. Секундой позже они потухли...

Вокруг нас исчезла вся магия. Дракон родился.

Время словно замедлило бег. В странном оцепенении я следила, как Том пытается всадить в ведьмака кинжал, но получает мощный удар в челюсть.

Из огня брызнули искры, столбом ударил в потолок черный дым. Магия, словно поприветствовав нового дракона, вернулась в мир.

В костре расправило перепончатые крохотные крылья пугающее существо на коротких лапках и с мягкими шипами на спинке, меньше всего напоминающее огнедышащую тварь. Неожиданно оно шагнуло и сорвалось с поленьев. Свернувшись шариком-дыней, дракон проскакал по полу к моим ногам.

И пусть магия расцвела, но рядом с зеленоватым комком, испачканным в саже, я не чувствовала ни одного отголоска дара. Скорее рефлекторно, нежели из большого желания, подхватила детеныша на руки. Он был легким, горячим и вертким. А еще цапнул меня за палец.

– Вот же зараза! – охнула я.

Дракон вспыхнул. Вертикальные зрачки превратились в круглые монетки, но снова сузились в щелочки.

– Фентон, что с ним происходит? Слышишь, ведьмак? Он засветился! – позвала я ведьмака, одним щелчком пальцев скрутившего горе-похитителя.

– Ты что, дала имя моему дракону? – Верховный даже забыл, что хотел вытащить кляп изо рта мычащей Таниты, окончательно вернувшей сознание. – Взяла в руки и дала имя?

– Не называла я его! – принялась отпираться и тут как-то разом догадалась, что единственного рожденного дракона (может, не в мире, но точно в семи окрестных королевствах) зовут Зараза. Надеюсь, что без «вот же».

– Какое? – потребовал Фентон.

– Верховный, ты знаешь... – Я помахала рукой: – Лучше потуши огонь, пока пожар не начался.

Заразу... Новорожденного дракона оставили в старом доме. Над ним ворковала Танита. Древнее существо она воспринимала как котенка, еще не открывшего глазенки. Я сидела одна в разгромленной кухне и рассматривала посудный шкаф.

Вспоминались следы от чужих сапог, принадлежащие внуку Петунии. Он частенько бродил по моему дому, следил за приездом ведьмака, наблюдал за нашими распрями. Видел, как сорвался ритуал, а тайник оказался пустым.

Том, приехавший в городок только ради чужого наследия, всегда был рядом, а мы его не замечали.

Своровал лекарское снадобье, когда его укусило умертвие. Пробрался в дом, чтобы перерыть дневники. Уехал в архив, где мы и столкнулись, чтобы найти карты и отыскать вожака наследия Хэдлеев, способное превратить даже слабого чародея в верховного колдуна.

Он украл в ту ночь Дюка, но справиться с ним не смог. Должно быть, умертвию оказалась не по нраву свежая могилка, вырытая на старом погосте. Возможно, не вмешайся толпа хмельных мужиков, Том догнал бы последнего Хэдлея и сам открыл бы подземный тайник, но они схватили вилы и пошли охотиться на умертвие.

И он дождался, когда мы найдем яйцо. Заявился в дом, где осталась одна слабая девочка, неспособная противостоять магии. Петуния его впустила. Она подсказала, что время есть. Странная чародейка, поселившаяся в ее доме, скоро не вернется...

– Петуния, я могу простить все, кроме предательства, – проговорила я, поднялась и приложила ладонь к стеклянной дверце.

Витраж под рукой задрожал. Призрачная тетушка попыталась оторвать нижние створки, чтобы ударить меня по ногам.

– Не буду желать покоиться с миром, – проговорила я. – Но крепкого вечного сна тебе, Петуния.

Из-под пальцев брызнула голубоватая вспышка. Шкаф омертвел. Давным-давно сломанный замок не держал дверцы, и стоило убрать руку, как они со скрипом открылись, демонстрируя старые фарфоровые чашки, блюда, тарелки с золотыми каемками.

– Учитель! – раздался заполошный крик Нильса.

Грохоча сапогами, он взобрался по ступенькам и резко затормозил в кухне.

– Что у вас тут произошло?

– Дракон родился, – пояснила я.

– И разгромил дом?

– Короче, школяр, ты все пропустил, – устало произнесла я. – Спроси Таниту, она расскажет... Хотя Танита валялась без сознания. Поговори вон с верховным, когда он вернется из города.

– Зачем он ушел в город?!

– Потацил нашего злодея сдавать лекарю по душевным болезням. Как придет, все расскажет, если настроение подправит. Он сейчас не в духе, потому что я случайно дала его дракону имя.

– Какое? – моргнул Нильс и по всему было видно, что он ничего не понял из моих объяснений.

– Неблагозвучное, – вздохнула я, вытаскивая из шкафа посуду.

– Вы решили полочки, что ли, протереть? – тихо спросил он, видимо, начиная подозревать, что учителю тоже не мешало бы показаться лекарю по душевным хворям.

– Все равно развалится, – едва слышно вымолвила я и почему-то опять вспомнила Йосика, хотя уже убрала все щепки с ножками. И похоронила в компостной яме, вырытой Фентоном.

В тот день мы сдали Тома, окончательно утерявшего магию, лекарю. Ведь нормальный человек не может доказывать, будто в огороде у светлой чародейки, прости господи, вылупился дракон!

Посудный шкаф со страшным треском рассыпался в середине ночи. Мы все скатились на первый этаж, где тихо в корзинке посапывал детеныш дракона... с перевязанными челюстями. Мало ли, вдруг икнет огнем? Не хотелось бы сгореть или остаться бездомной. У меня, между прочим, теперь ученик на полном пансионе.

– Я починю шкаф, и мы с Танитой уйдем, – решил Фентон.

Через пару дней сколоченный заново посудный шкаф без стекол в дверцах стоял в кухне. Выглядел он жутковато.

– Приведу в порядок огород, и мы уйдем, – заявил ведьмак.

И четыре дня кряду занимался тем, что превращал мой огород в перекопанное поле. Клянусь, грядок стало больше, чем мне хотелось бы. К вечеру Зараза спалила красную бузину. Я смотрела на полыхающий куст, переживший абсолютно все катаклизмы, и понимала, что должна быть здравомыслящей.

– Дракону здесь мало места. В конце концов он сожжет дом.

– Закажу порталный амулет, и мы уйдем, – наблюдая за тем, как Нильс пытается с помощью магии потушить бузинный факел, а Танита на чем свет стоит ругает крошечного пузатого монстра, задумчиво протянул Фентон.

– Конечно, – сухо отозвалась я.

Через седмицу мы проснулись от воплей Таниты. По кухне, переваливаясь с ноги на ногу, пошел стул. Весь день занимались тем, что пытались переселить вернувшегося пса в новую табуретку. Получилось только к ночи.

– Завтра порталный амулет будет готов, и мы уйдем, – как мантру произнес ведьмак.

– Естественно.

На следующий день во время завтрака истерично затрещал колокольчик перед калиткой. Мы замерли, единодушно понимая, что приехал вовсе не артефактор с порталным амулетом, и во внешнем мире случился очередной потоп.

– Нильс, посмотри, кто там, – отправила я школяра. – Если Дюпри пришел жаловаться на потоп или вставшего мертвеца, сразу называй цену.

– А если на жизнь пожаловаться? – уточнил он.

– Тем более называй цену, – хмыкнул Фентон.

Школяр с невозмутимым видом повернулся к Таните и кивнул:

– Давай на камень-ножницы-бумага.

– Сейчас твоя очередь, – отказалась она поднимать зад от стула и выходить на улицу, где капал мелкий отвратительный дождь.

Страшно недовольный школяр потащился открывать, но буквально через несколько секунд ворвался обратно в кухню, прижался спиной к двери и выдохнул:

– Учитель, пожар!

– Где? – изумилась я и глянула на дракона, сладко дрыхнувшего пузом вверх в корзине.

– Мама приехала!

Я дернула подбородком.

– Избавься от нее.

– Нет, учитель, – покачал он головой. – Давайте вы! У вас точно получится.

– А как же «не трогайте маму, она хорошая и очень меня любит»? – безжалостно напомнил Фентон о той ночи и нервном бормотании школяра, когда мы дружно вызывали молнии и очень хотели поменяться обратно магией.

– Я так говорил? – Нильс сглотнул. – Нет, она, конечно, меня очень любит и вообще-то заботливая. Но знаете, чрезмерно. Удушающе! В общем, учитель, спасайте, я ни за что не вернусь в дом к этой страшной женщине и ее уродливому фонтану.

Мадам Баек оказалась выдающейся во всех отношениях. Абсолютно все, начиная от тяжелых духов и заканчивая перьями на широкополой шляпе, как-то ловко защищающей ее от дождя, говорило, что она пришла с боем.

На дороге стояла дорогушая карета, запряженная парой лошадей. Кучер в форменной ливрее терпеливо мок под дождем, не проявляя ни капли беспокойства.

– Госпожа Истван? – буркнула она, забыв поздороваться.

– Чародейка, – источая ровно столько высокомерия, сколько удавалось изобразить в дурнейшую погоду, поправила я. – Как понимаю, госпожа Баек?

– Я хочу видеть сына.

Переживать скандал от мамы школяра под дождем желания не возникало, тем более что из кухни убрались все, кто в ней был лишний. Дракон в корзине в том числе.

– Добро пожаловать, – согласилась я, пошире открывая калитку.

Придерживая бархатную юбку, она сердито застучала каблуками дорогих башмаков по каменной дорожке. Не дожидаясь приглашения, поднялась по ступенькам и вошла в кухню.

Красный как помидор Нильс встал навытяжку и с широкой фальшивой улыбкой протянул:

– Дорогая мама, какими судьбами? Мы еще чай не успели допить, а вы уже здесь.

Беру свои слова обратно: его никогда не возьмут в королевский театр. Актерского таланта в нем все-таки не имелось.

Презрительно поджав губы, мадам Баек оглядела скромную обстановку, скривилась при виде кое-как сколоченного посудного шкафа, сузила глаза, когда обнаружила на столе четыре тарелки вместо двух. В общем, соседи убрали все, а про посуду-то забыли.

– Могу я присесть? – спросила она и, не дожидаясь разрешения, плюхнулась на стул.

– Не стесняйтесь, – с иронией отозвалась я.

– Не буду ходить вокруг да около, – резковато вымолвила она. – Я знаю, что вас выгнали из ковена.

– Так и есть.

Со стороны Нильса прозвучал очень странный звук, нечто среднее между жалобным писком и истеричным стоном.

– Я не желаю, чтобы мой сын проходил учение у чародейки без ковена.

Хорошо, что не сказала «без рода и племени». Уже четвертый день в почтовой шкатулке лежал родовой знак Истванов. Мы отцом отправляли его туда-сюда. Сначала он мне, потом я ему. Сегодня утром кулон снова вернулся. Пока не успела выслать обратно.

– Нильс, ты едешь домой! – категоричным тоном, дескать, «мы подумали, и я решила» объявила госпожа Баек. – Мы найдем тебе другого наставника. Собирай вещи. Ты не останешься в этом убогом месте.

Он окончательно покраснел, надул щеки и сжал губы. Я ждала, когда школяра прорвет.

– Нет! – выпалил он. – Я останусь.

– Чего? – Мадам Баек нешуточно изумилась и, резко крутанувшись, едва не свалилась со стула. Тот ей, буду откровенной, был несколько маловат. – Ты немедленно соберешь вещи, и мы вернемся домой! Больше я не собираюсь обсуждать это твое... обучение. А вы что молчите, госпожа Истван? Не согласны, что с вашим наставничеством у моего сына не будет будущего? Он и так не наделен ни умом, ни талантом. Ему нужны правильные люди...

– Ваш сын, мадам Баек, взрослый и умный молодой человек, – перебила я бесконтрольный поток слов, видно же, что мадам начало заносить на поворотах. – Он способен отвечать за свои слова и принимать решения. Еще Нильс превосходный... неплохой чародей. И чудесно готовит.

– Хотите сказать, он кладезь талантов? – скривила губы мадам.

– Всем этим я хочу сказать, чтобы вы перестали оскорблять моего ученика и шли бы отсюда с миром.

Нильс подавился на вдохе. Его мама тоже, наверное, подавилась бы, но от возмущения она, похоже, не дышала. Откуда-то из огорода донесся издевательский смешок ведьмака. В общем, обстановка накалялась.

– Ч-ч-что? – мадам начала заикаться.

– Сумочка, карета, дом, – отправила я по прямому маршруту. – Счастливого пути.

Я толкнула входную дверь, предлагая гостье пройти на выход.

– У меня нет сумочки, – проговорила она.

– Чудесно. Тогда чувство гордости, карета, дом, – кивнула я. – Счастливого пути я вам уже пожелала.

Гостья медленно поднялась, поправила шляпу, которую так и не сподобилась снять, и тихо, но грозно спросила у Нильса:

– Ты уверен, что здесь тебе место?

– Да.

– Прекрасно. – Она подняла брови. – Оставайся, но я требую вернуть все деньги, которые заплатила за обучение этого неблагодарного паршивца. Отдайте мне деньги, госпожа Истван!

– Слушайте, звучит так, будто я должна выкупить вашего сына, – протянула я и пожала плечами: – Ладно, забирайте.

– Сына?! – тонким голосом воскликнул Нильс.

– Да деньги же! – с трудом сдержав ругательства, рявкнула я и кивнула мадам: – Забирайте свои деньги у пресветлого. Я их так и не получила. Так что ваш сын на полном пансионе за свой счет.

Госпожа Баек наконец покинула дом и от души шарахнула дверью, отчего табуретопес, стоящий под столом, испуганно подпрыгнул.

– Проводи ее, – кивнула я Нильсу. – И скажи, что на ковен Истванов надо пожаловаться в магический совет.

– А если она запихнет меня в карету? – испугался тот.

Я измерила здоровяка задумчивым взглядом и покачала головой:

– Вряд ли. Если только у нее пара стражей в карете сидит. А с одним кучером они не справятся.

Вечером ведьмаку с прислужницей все-таки доставили порталный амулет.

– Мы уйдем завтра утром, – проговорил он, бросив на меня странный взгляд.

Вещи они собрали быстро. Танита запихнула в сумку мое домашнее платье, а я не захотела указывать на эту ошибку. Пусть носит, если нравится.

Они забрали дракона и на рассвете вышли из дома, без лишнего шума, чтобы не разбудить даже Йосю. Я не пропустила их отъезд, просто потому что не сомкнула за ночь глаз.

Дверь закрылась, в доме стало совсем тихо. И пусто. На меня навалилось странное ощущение всепоглощающего одиночества. Не спасал даже привычный храп школяра, несущийся из-за стены.

Я спустилась в кухню и никак не ожидала, что входная дверь резко откроется, и ведьмак хмуро и решительно переступит через порог. Напрочь затоптав чистый, вымытый Нильсом накануне пол.

– Что-то забыл? – спросила я, стараясь не замечать, как сжалось сердце. Специально же не хотела выходить из комнаты, пока они с Танитой не уедут. Никогда не любила прощания. Особенно с людьми, которые не собирались возвращаться.

Он швырнул заплечную сумку на пол и резковато произнес:

– Я был серьезен.

– Ты насчет чего? – недоуменно нахмурилась я.

Тремя шагами Фентон пересек расстояние между нами. От него пахло дождем, особенным августовским холодом и чистым мужским ароматом.

– Ты говорила, что я волен создать собственный клан.

– Верно.

– Будь моим кланом, Агата, – не сводя с меня пронзительного взгляда, произнес Фентон. – В башне Варлоков много места и совершенно нет темных чародеев. Сможешь разбить оранжерею с репейником и завести сколько угодно нечисти. Тебе там понравится.

– Подожди, ты что же, предлагаешь светлой чародейке вступить в шабаш? – Я вопросительно изогнула брови.

– Тогда будь моим ковеном.

– Но ты же верховный колдун, а не пресветлый маг...

– Господи, Агата, ты можешь хоть раз промолчать и согласно кивнуть?

Сама от себя не ожидая, я прикусила язык и кивнула.

– Какая послушная добрая колдунья...

– Зачарую!

– Ты уже зачаровала меня, фея. Даже без светлой магии.

– И ты меня... зачаровал, верховный ведьмак Варлоков, – неожиданно даже для себя – впрочем, зачем врать? – ожидаемо призналась я.

С улыбкой он обнял мои щеки прохладными ладонями и накрыл губы глубоким поцелуем.

И знаете? Надо было сразу послушать старые гримуары и провести пару ритуалов по их научению. Понятно, что поменяться магией раз и навсегда нам не удалось бы, зато как бы мы чудесно расслабились!

Ей-богу, мудрые предки плохого не посоветуют.

Думаю, не стоит рассказывать о скандале, устроенном школяром и прислужницей в тот момент, когда они ворвались в спальню, а мы с Фентоном, пресыщенные и усталые, дремали в одной кровати. После переезда в башню Варлоков, спрятанную в горах, мы не сразу им сказали, где находится наша спальня.

Замок оказался просторным и совершенно пустым. Но в нем очень быстро появлялись чародеи. Темные, светлые – абсолютно разные. Все, кто не боялся древней магии, не страшился защитных амулетов и хотел вступить в разношерстный ковен, владеющий последним в королевстве драконом Заразой.

В смысле, Зарой. К счастью, без «вот же».

Если бы наша крылатая девочка (а детеныш оказался самкой) отзывалась только на полное имя, Фентон, должно быть, не простил бы мне этот конфуз до самой старости.

Драконы и их чародеи

В задумчивости я стояла в лечебном крыле башни Варлок и мрачно прикидывала, куда направить стопы. Налево пойдешь – к темному знахарю попадешь. Направо пойдешь – к светлому лекарю забредешь. Темный не умеет держать язык за зубами, светлый страдает тревожностью.

За один осмотр он способен обнаружить в человеке разом все хвори, перечисленные в лекарском гримуаре. Кроме разве что родовой горячки. В моем случае родовую горячку просто предречет.

Я наверняка взбешусь и захочу кого-нибудь скормить дракону. Хотя почему «кого-нибудь»? Эскулапа и захочу. Мы поцапаемся, как было много раз прежде, и он начнет показательно собирать дорожный сундук. Но в замке, где соседствуют чародеи и ведьмаки, одним темным знахарем не обойдешься, без светлого лекаря нельзя. Сплошная суета!

Получалось, что ради всеобщего блага лучше всего сходить к замковому алхимику. Он, конечно, чудаковат, но не болтлив, и с нервной системой у него полный порядок. А чтобы разрешить возникшее у меня смутное подозрение, особых знаний не требуется. Намешать нужный состав и проверить: нам с Фентоном пора думать о колыбели или повременить? Все просто...

Но почему так сложно?!

Никогда не подозревала, что растеряюсь перед возможными переменами. Особенно если вспомнить, сколько раз я начинала жизнь заново.

– Учитель, спасайте! – зазвенел на лестнице голос Тэмри, моего нового ученика пятнадцати лет отроду.

Нильс по старой памяти его уговаривал выбрать другого наставника, недвусмысленно намекая на себя, разве что пальцем не тыкал в грудь, но мальчишка упрямо таскался за мной, ныл и канючил. Буквально брал измором! Потом сделал ход конем: заночевал под дверью нашей с Фентоном спальни. Хорошо, не спел под балконом какую-нибудь скабресную песенку из тех, что знал.

Верховный с утречка едва не наступил на этого окоченевшего на сквозняках отрока и насильно всучил мне его на обучение. Дескать, возрасти нормального чародея и объясни, что негоже спать под дверьми чужих покоев.

Я давно поняла, что главный секрет спокойной семейной жизни – соглашаться с мужем в непринципиальных вопросах, а в принципиальных использовать хитрость. Так и обзавелась новым школяром. То, что он жил в другом конце замка, добавляло ему шарма, а мне – терпения. Но не всегда.

Тэмри заскочил в лекарское крыло и, опершись ладонью о стену, попытался перевести дыхание. Кудрявый, худой и высокий не по возрасту, похожий на кузнечика с переспелым одуванчиком на башке. Думаю, лет через пять он превратится в красавца.

– Господи, оббежал весь замок, пока вас нашел... – Он махнул рукой, видимо, намекая на расстояние, преодоленное во время галопа по коридорам. – Вы нужны в загонах! Там верховный беснуется и готов всех проклясть. Просто рвет и мечет!

– Кто подпортил ему настроение? – удивилась я.

– Зара! – выпрямившись, просипел мальчишка.

Огнедышащий питомец, рожденный в пламени двух магических гримуаров, оказался самкой. Чаще всего ее называли «заразой» в сердцах, даже не догадываясь, что величали по имени, данном при рождении. К счастью, без «вот же».

– Что теперь она сотворила?

– Погрызла жениха!

Я почувствовала, как меняюсь в лице.

В начале весны, когда с гор начал сходить снег, хмурое зимнее небо очистилось и налилось прозрачной синевой, а на склонах появились темные проталины, Зара сбежала. Впервые за три года обитания в башне Варлок она не ответила на зов верховного, приказывающего ей вернуться.

От злости Фентон заявил, что мы совместными усилиями всем темным ковенном превратили умную хищницу в неуправляемую, разбалованную дуру, элементарно неспособную вернуться из прогулочного полета. Как будто сам не сюсюкал и не приносил ей отборные стейки, пока та была размером с Йосика.

Зара пожелала отозваться только через два дня. Она успела сожрать отару овец, перепугать жителей Вайлдстоуна в шести часах езды от замка и спалить у них склеп с воскрешенным мертвецом.

Уверена, местный бургомистр, тот еще прощельга, каждый вечер отправлял восхваления богам за то, что наша зараза удачно налетела на его городок. За упокоенное умертвие Вайлдстоун ей, конечно, был очень благодарен, но мы до сих пор расплачивались за переполох чарами и разнообразной благодатью.

Старые гримуары между тем подсказали, что крылатая девица сбегала не из вредности, а по тривиальным надобностям. Зара вошла в брачный возраст. Если мы не хотели нести бесплатное добро на все окрестные провинции в радиусе драконьего полета, то ей стоило найти жениха.

Тут случилась большая печаль: единственный известный всем самец из зверинца магических тварей давно потерял клыки и плотские желания. Он вкусно кушал и сладко спал, а потомство видел только в кошмарах.

О клане Торстенов, живущем у демонов на куличках (в смысле, через семь королевств от нас) и владеющем драконом, рассказал один из новеньких в темном ковене чародеев. Седмицу назад те самые Торстены привезли в башню Варлок красавца Кейрана. Мощного, с широким размахом крыла, клыкастого и рогатого. Его имя переводилось на наш язык, как «бушующее пламя». Сразу видно: люди знали, как правильно давать имена драконам.

При виде Зары он яростно выпустил из ноздрей пар и взъерошил костяные наросты на загривке. Просто драконий властелин! Мы дружно потирали руки, представляя крылатый приплод, половину из которого ожидали Торстены. Дождались, называется.

Видимо, властелин наконец начал подбивать клинья, и девочка взбесилась. Чисто по-женски я ее даже понимала, но ведь... зараза! Не зря умные люди говорят: как дракона назовешь, так он и полетит.

– Как сильно она его подрала? – тихо спросила я.

– Полный... – Тэмри замялся и выпалил: – Учитель, приличного слова не могу подобрать. Только неприличное, но очень емкое!

В самом начале за портовую брань я лишила его голоса. Урок хороших манер Тэмри усвоил мгновенно и с тех пор тщательно следил за языком. По крайней мере, при мне.

Если подумать, сметливый парень. И когда-нибудь непременно станет отличным специалистом по защите от темных чар. В нашем разношерстном темном ковене это вопрос выживания.

– Так... – Я потеряла переносицу.

– Вот и я говорю: полный звездеч! – согласился мальчишка, ловко облачив бранное словцо в такую культурную форму, что не придерешься. – Народ просит, чтобы вы отвлекли верховного, пока они попрячутся.

– То есть взяла проклятия на себя?

– Ну вас-то он побоится проклинать, – рассудил он.

Навык обращаться ко мне уважительно мы тоже разучивали с помощью магии. В воспитании подрастающего поколения правильные заклятия творят чудеса.

Мы с Тэмри бодро зашагали по гулкому замку к выходу во внутренний двор. Широкие коридоры расчерчивали полосы солнечного света, струящегося в узкие стрельчатые окна. На лестницах и в залах гуляло эхо. Замок был монументальным и огромным, такой переживет любую бурю и сход лавины.

В нем постоянно появлялись новые жители: светлые чародеи и слуги из обычных людей, ведьмаки с прислужниками. Еще пара лет – и нам точно придется открывать крыло, запертое за ненадобностью после переезда.

Видимо, Фентон действительно был сильно зол, раз по дороге я ни с кем не столкнулась. Даже нечисть не встретила! Та вообще всегда пряталась первой. Похоже, все, кому повезло этим солнечным утром остаться в замке, предпочли пережить бурю за запертой дверью. Не удивлюсь, если где-то там они устроили веселые поминки за упокой бедняг, попавших под горячую руку хозяина замка. В гневе темнейший был страшен и не выбирал выражений.

Впрочем, он и в хорошем настроении иногда такое скажет, что хочется ему залепить рот заклятием. Оставить только крошечную дырочку, чтобы через деревянную трубочку мог втягивать жидкую кашку. Питаться-то надо.

Мощный двор встретил нас солнечным светом, теплым ветром и слабым запахом гари. Вообще, если рядом жил дракон, то пожарищем пахло практически постоянно, словно вокруг высокой замковой стены с бойницами палили костры.

Из-за колеса от телеги, прислоненного к стене, выбрался перемазанный Йосик. Следом за ним вытянулась парочка табуреток помельче. Размахивая хвостами-кантами, они бросились со всех ножек к нам.

Понятия не имею, отчего рядом со мной всегда селилась нечисть, но внезапно оживающая в замке мебель уже никого не шокировала. Все давно привыкли, что по гостиной внезапно начинали ходить то стулья, то табуретки. А козетка, одержимая духом чьей-то родственницы – мы не вычислили, чьей именно, – недвусмысленно вонзала в филей пружины, возмущенная тем, что на нее посмели пристроиться. Еще она начинала скрипеть-ворчать, стоило кому-нибудь в комнате рассказать скабресный анекдот. Точно аристократическая леди, безвременно почившая в непонятно каком году!

Первыми в калитку драконьего загона, огороженного каменной стеной, ворвались призрачные песики, но энергично попятились назад. Видимо, Фентон еще изволил злиться, а нечисть неприятности чувствовала издалека.

В проходе едва не началась свалка чародеев и живых табуреток. Я по привычке успела отодвинуться с дороги гордого табуна, а Тэмри оказался не столь ловок. Ему по ногам протанцевали.

– Да чтоб вас! – скривился он. – Собаки паршивые...

– Зачарую, – тихо напомнила я о запрете на крепкие выражения.

– Простите, учитель.

Оказалось, что Фентон учинил разбор полетов как раз посередине загона, не дав никому сбежать. Перед ним стояла неразлучная компания из восьми чародеев разных мастей – инкуб успел слинять, – и одной темной прислужницы. Она тоже считала себя чародейкой. Только без магии.

Не спрашивайте, где логика. Танита Эльба, как показала жизнь, этим дивным качеством не страдала. До сих пор просилась ко мне в учение и регулярно приносила приторно сладкий травяной чай.

Народ смотрел в разные стороны, стараясь не встречаться с верховным глазами и не схлопотать какое-нибудь заковыристое проклятие. Только Нильс с прислужницей пристыженно тарацились себе под ноги и, как опытные ребята, смиренно ждали, когда Фентон устанет буйствовать или сорвет голос.

Завидев меня, чародеи немедленно расслабились. Почувствовав резкую перемену в настроении трепещущей от страха аудитории, верховный Варлок круто развернулся и сощурился.

– А вот и защитница подросла! Пришла спасать свою банду, госпожа Варлок?

В руках он держал измятый лист, и им же погрозил в мою сторону.

– Господин верховный, что ты в солнечный день угнетаешь и обижаешь хороших чародеев? – приблизившись, немедленно пошла я в наступление.

Пока он отвернулся, хорошие (а главное – сметливые!) чародеи начали тихонечко расходиться. Куда они, правда, собирались бежать, большая загадка. Слева стояло окутанное огнеупорными заклятиями строение с драконьими стойлами, а справа высились кованые ворота, перекрывающие площадку над скальным обрывом, откуда на выгул слетала Зара.

Обычно она падала в ущелье камнем, словно хотела нырнуть в ревущую на дне узкую речушку. Сердце замирало! Но перед бурлящей пенистой водой Зара расправляла крылья и, поднимая снопы брызг, взмывала в небо.

– Из-за твоих хороших чародеев... – верховный указал пальцем в ребят. Все замерли на тех местах, куда успели отползти, и немедленно принялись стягиваться в тесную кучку. – Из-за этих подлецов зараза чуть не сожрала торстентского самца!

– Почему из-за них? – делано возмутилась я. – Им что, нужно было держать свечку, а потом разнимать в случае чего?

– Вот именно! – рявкнул Фентон. – Полезли ночью в стойла к драконам! Факел им подержать понадобилось.

– Кхм... – только и промычала я, окинув кучку укоряющим взглядом.

Выходит, они с ночи знали о конфузе, но за завтраком молчали, как шпионы на допросе в королевской канцелярии. Я не могла взять в толк, что за странная атмосфера царилась с утрачка в столовой и почему неразлучная десятка подозрительно тихая? А как они бросились в загон, едва верховный объявил, что хочет выгулять Кейрана! В жизни к дракону их не затащишь, но вдруг решили по собственному желанию и без животворящего пинка навести порядок.

– Ты тоже был в курсе? – Я глянула на Тэмри, и мальчишка, густо краснея, опустил голову.

Подлецы как есть!

– Мы хотели проконтролировать, – зачем-то подал голос Нильс, но тут же едва не поперхнулся собственным языком, когда верховный гневно покосился в его сторону.

– Видишь, они просто хотели проконтролировать. – Я развела руками, ловко переобувшись в полете. – В стойлах по ночам глаз выколи. Без света драконы вообще друг друга не нашли бы.

Ей-богу, не будь Фентон на мне женат, точно шарахнул бы каким-нибудь темным заклятием, и перед жителями замка развернулась бы забористая магическая дуэль в духе борьбы добра со злом в пригороде Круэла. Но мы уже заключили нерасторгаемый магический брак, поэтому он просто попытался укокошить меня уничижительным взглядом и невпопад рявкнул:

– Школяр!

– Да, верховный! – одновременно воскликнули в ответ мой бывший ученик и нынешний, потерявший надежду слиться с воздухом, ведь других укрытий рядышком не имелось.

Фентон, по всей видимости, не ожидал хора голосов, поэтому, сбавив громкость, приказал:

– Мелкий школяр, приведи знахаря!

Тэмри испуганно покосился в мою сторону.

– Ты кого врачевать собрался? – вклинилась я, смутно подозревая, что верховный решил не просто отчитать взрослых мужиков и одну энергичную девицу за любопытство, но и применить зубодробильную магию.

– Дракона, дорогая жена, врачевать будем! Мелкий, галопом! – скомандовал он.

Ученик рванул к выходу так, словно пятки ему облизывали языки драконьего пламени. Нет, пожалуй, когда Зара дыхнула Тэмри в спину, так споро он ногами не частил.

– Так знахарь только людей лечить умеет, – напомнила я.

– Значит, научится в темпе драконьего вальса! – отрезал он. – За мной!

– Зарываешься...

– Будьте любезны, уважаемая чародейка Варлок, – издевательски протянул Фентон и сделал приглашающий жест рукой, – проследовать за мной в драконьи стойла, чтобы узреть, до чего твоя банда довела царя зверей.

Он развернулся на пятках и широким шагом направился к стойлам. Я цыкнула притихшей компашке, мол, разбегайтесь, демоны, пока свободен путь.

– Ты идешь? – муж посмотрел через плечо.

Народ, было дунувший из загона, с деятельным видом начал крутить головами, словно прикидывая, как облагородить вытоптанную землю и прилично подкопченную стену.

После драки драконью пару рассадили по разным углам. Вернее, мелкую оттащили от завидного жениха и закрыли воротца ее стойла на засов, чтобы не выбралась и не откусила будущему отцу своих детей что-нибудь очень важное. Хотя... глядя на свернувшегося клубочком крупного самца, напоминающего не царя зверей, а подранного кота, становилось очевидным, что самое важное ему сберечь не удалось. В смысле, гордость пострадала и восстановлению не подлежала.

В задумчивом молчании мы рассматривали потрепанного Кейрана. Кончик хвоста откушен, на крыле четкий отпечаток клыков, чешуя на боку стесана, один замечательный рог обломан.

– Есть надежда, что он просто наткнулся на стену и сломал рог? – спросила я.

– И заодно шесть клыков выбил.

– Слушай, – я покосилась на него, – понимаю, что сломанный рог заметно, но ты клыки-то у него в пасти перечитывал, что ли?

– Твои товарищи в корзинку собрали и предъявили.

– Молодцы.

– Находишь?

– Они даже ничего не своровали, хотя могли бы, – заметила я. – А драконы быстро восстанавливаются. Поспит и встанет как новенький. Хвост, опять-таки, отрастет. Возможно. Но он же ящер.

– Клыки и рог тоже отрастут? – любезно уточнил Фентон, словно хотел узнать, способна ли моя фантазия представить волшебное возвращение недостающих частей Кейрана.

Фантазия была, бесспорно, способна, но факты – вещь упрямая.

– Нет, клыки и рог – потеря невозполнимая, – признала я. – Он останется безрогим и беззубым. Зато теперь будет шипеть с шепелявым присвистом и дым пойдет, как из печной трубы.

– Смотрю, ты излучаешь позитив. – Он снова начал злиться, хотя, казалось, только-только успокоился.

– Ну что ты бесишься, дорогой муж, как мертвые перед некромантом? – Я ласково погладила его по плечу. – У нас в запасе еще две седмицы до возвращения Торстенов. К этому времени их дракон будет краше прежнего.

– Безрогий и беззубый, – издевательски поддакнул Фентон.

– Зато с зажившим боком.

Он молча сунул мне в руки окончательно измятую бумаженцию. Нахмурившись, я разгладила плотный сероватый лист и обнаружила, что это не просто какая-то случайно истерзанная писулька, а официальное письмо от Торстенов. За каким-то демоном они возжелали проведать драгоценного Кейрана и планировали сегодня после обеда всей делегацией заявиться в башню Варлок. Другими словами, часа через три. За это время, как ни крути, у дракона хвост не отрастет и бок чешуей не покроется.

– Звездец, – неожиданно даже для себя, процитировала Тэмри.

– Смотрю, ты оценила, защитница обиженных и угнетенных, – с фальшивой мягкостью протянул Фентон. – Чуешь, да?

– Что? – не поняла я и, втянув носом воздух, покрутила головой.

Драконье жилище, просторное и светлое, как любят крылатые монстры, тривиально пахло конюшней. Может, они и занимали вершину звериной пищевой цепочки, но источали не запахи роз. Увы! Особенно, если пять дней кряду во имя продолжения рода не выпускались поплескаться в горной реке.

– Запах неприятностей!

– Вообще, я чувствую только запах конюшни, – призналась я. – Не надо нервничать раньше времени. Вернем им части Кейрана. С него столько всего ссыпалось, что им хватит весь клан амулетами обвешать. Пусть будут благодарны.

– За что?

– Откуда бы они еще столько драконьих клыков достали? Да мы почти как зубные феи! Они нам еще приплатить должны, – увлекшись, заявила я.

Фентон подавился на вдохе.

– Что ж, зубная фея... В этот раз будешь встречать Торстенов со мной, как и положено верной супруге. Лично отдашь им выбитые клыки, а заодно объяснишь, почему мы возвращаем их Кейрана по частям.

Тоже мне! Напугал светлую чародейку кучкой ведь-маков.

– Как скажете, любезный супруг, – скрестив руки на груди, хмыкнула я.

– Прекрасно!

– Но потом не жалуйся.

Между тем, появился знахарь. Хмурый ведьмак в неизменном черном плаще с недовольной – читай, помятой со сна – миной вошел в раскрытые ворота. С большим апломбом он заявил, что в драконьих хворях разбирается приблизительно так же, как в светлых заклятиях. В общем, никак.

Удивительно, как верховного не разорвало на клочки от возмущения. Пока они спорили, я предусмотрительно отошла к стойлу Зары.

В финале всех принципиальных споров ведьмаки всегда назначали виноватыми чародеев. Накинутся на меня, отгребут добра и благодати полной ложкой, захотят собрать вещички по примеру светлого лекаря. Верховному из собственного замка отчаливать некуда, а знахарь-то попытается. Наверное, даже до ворот доберется и лишь потом повернет обратно. Еще ни один темный, покидая башню навсегда, не уходил дальше замкового моста. Светлые, впрочем, тоже.

Пока они пытались договориться, я проверила широкую корзину, стоящую на колоде. Внутри лежали желтоватые острые клыки длиной в две ладони. Ровно шесть штук. Драконьего рога не было.

Нахмурившись, я открыла смотровое оконце на створке ворот и заглянула внутрь стойла Зары. Она вытянулась на боку и сладко дрыхла, под крылом пряча морду от солнечного света.

Девицей Зараза, как и положено самке, выросла изящной. По гребню шла характерная алая полоска, на перепонках крыльев цвели замысловатые золотистые узоры. Просто образчик беззаботной красоты. С первого взгляда не догадаешься, что смотришь на сосредоточие мирового зла, вселенского коварства и яростной силы, способной излиться на голову несчастного самца.

Пока я изучала засыпанный соломой пол в поисках отломанного жениховского рога, исчадие ада пошевелилось. Отодвинуло крыло и недовольно покосилось на меня одним глазом, дескать, долго будешь тарашиться на королеву, когда та изволит почивать?

– Ты чем думала, когда ему клыки выбивала? – ткнув в ее сторону указательным пальцем, забранилась я. – Полагаешь, у нас тут ярмарка женихов, чтобы морду кривить? Бери, какого дали. Иначе останешься старой девой.

Над крылом за клубился сизый дымок. Видать, выпустила из ноздрей в ответ на справедливый упрек.

– Еще и огрызаться смеет! – Я захлопнула оконце и повернулась к ведьмакам. – Верховный, а где рог?

Перебитый на полуслове Фентон не сразу сообразил, чего от него хотят:

– Чей?

– Лошадиный, демоны дери!

– Позвольте заметить, госпожа Варлок, у лошадей нет рогов, – зачем-то сумничал знахарь, но под тяжелым взглядом стушевался и пробормотал: – Так это была ирония...

– В стойле еще раз посмотри, – проворчал муж.

– Там нет, – покачала я головой. – Клыки в корзине, а рог куда-то из стойла сбежал.

– Как?

– Очевидно, не своими ногами.

Фентон набрал в грудь побольше воздуха, видимо, пыжась сдержат поток брани, но не сдержал и на выдохе выдал витиеватую фразу. Приличными в ней были только междометия, но общий смысл угадывался. Он подробно объяснил, что сделает с негодьями, посмевшими стащить бесценный кусок Кейрана.

– Знаете, господин верховный, – задумчиво проговорил знахарь, очевидно впечатленный его словарным запасом, – пожалуй, попробую подлатать дракона. Анатомически-то он всяко проще, чем человек...

Чувствуя, что готова пускать из ноздрей дым и рычать не хуже крылатой твари, я решительным шагом направилась к выходу. Очень хотелось вытрясти из паршивой банды коллективную душу, а заодно и сворованный драконий рог.

– Ты куда? – спросил Фентон.

– Причиню кое-кому добра и посею благодать, – объявила я, проходя мимо. – А то совсем страх потеряли...

– Только не разрушь замок, – в голосе верховного прозвучало плохо замаскированное злое торжество.

– Как пойдет.

– Тогда рушь северную башню, мы ее все равно думали сносить! – крикнул он.

Тэмри мялся на солнцепеке в окружении живых табуреток и одного старого пса, доставшегося нам в наследство от покинувших замок Варлоков. К слову, этот лохматый пес – хороший воспитатель! Зараза его искренне побаивалась – помнила, как старик бодро гонял ее по загону, когда она еще не встала на крыло.

– Школяр!

Весь табун во главе с мальчишкой понуро потрусил ко мне.

– Дуй к Нильсу и передай ему, что, пока я иду в замок, в тронном зале должно появиться то, что они стащили из стойла. И если только там ничего не окажется...

– Вы правда разрушите северную башню? – искренне ужаснулся он.

– И заставлю их разбирать завалы. Физический труд облагораживает. – Я одарила его выразительным взглядом. – И даже нерасторопных, любопытных школяров.

– Уже бегу! Вы, главное, не торопитесь, учитель! Идите медленно!

Он рванул с места с такой прытью, что табуретопсы не сразу бросились следом, а живой пес и вовсе остался стоять, вероятно мысленно решив, что слишком стар для галопа. Йосик с товарищами быстренько Тэмри нагнали. Дальше они неслись наперегонки, пока не скрылись в воротах.

Неторопливо я вернулась в замок. Кивком поздоровалась со старым Арни Варлоком, ковыляющим в сторону оранжереи. Хромоногий старик был одним из немногих, кто сразу преклонил колени перед верховным и пожелал остаться в замке.

Темный ковен он принял целиком, учил молодняк уму-разуму и с остервенением гонял нечисть тростью. Меня искренне считал ведьмой и не понимал, отчего матушка-природа ошиблась с цветом дара.

Доводы, что у пресветлого Иствана дочь-ведьма могла родиться только в страшном кошмаре, не принимались.

– Слышал, девица-то жениха подрала, – пробормотал Арни.

– Случилась неприятность, – согласилась я.

Он неодобрительно покачал косматой головой и, опираясь на трость, побрел дальше, к оранжерее со стеклянным куполом. Очень старик любил ковыряться в земле. Правда, вид растений и их названия забывал. Недавно мандрагору выдрал. С корнем.

Дверь в тронный зал открылась с неприятным скрипом. Просторное помещение с витражными окнами наполняли мозаичные тени. На возвышении стоял деревянный трон, а на нем лежали три драконьих клыка. Один к одному.

– Да вы, должно быть, шутите, – пробормотала я с удивленным смешком.

За спиной снова раздался скрип. Из дверного проема выглядывал Нильс. Вроде взрослые чародеи, а ведут себя как малые дети!

Осознав, что сбежать на сей раз не выйдет и придется держать ответ, банда начала гуськом втягиваться в тронный зал. Девять человек разного роста, телосложения и цвета магии выстроились длинной шеренгой. Инкуба опять не хватало.

– Не стыдно? – кивнула я, намекая, что рог не вернули.

– Учитель, нам очень стыдно, – прогудел Нильс.

– Отдайте остальное, пока я добрая!

Танита мгновенно вытащила из-за спины заткнутый за пояс сверток. Она аккуратно развернула ткань и в гробовом молчании протянула очередной драконий зуб. И того выходило, что наша зараза выбила жениху десять клыков! Бедняге Кейрану хоть осталось чем жевать?

– А тебе на кой драконий зуб?

– Я что, хуже остальных? – фыркнула девчонка. – Все брали, и я взяла.

– А где рог? – спросила я у вороватой компаньонки.

Приятельки принялись переглядываться, словно вопрошая друг у друга, куда делся рог и нужно ли эту бесценную информацию доносить до светлой хозяйки замка. Пришлось выразительно сложить руки на груди.

– Бес забрал! – заметив говорящий жест, как на духу выдал лучшего друга Нильс. Видимо, под угрозой светлых заклятий своя рубашка становилась ближе к телу. – Потащил в свою спальню!

С инкубом Бессарием впервые мы встретились три года назад в таверне маленького городка Веспок. Каково же было мое удивление, когда он бесцеремонно вломился в двери замка и заявил с порога, что желает вступить в клан с драконом! И ему наплевать, что клан зовется ковенем. С тех пор он чувствовал себя как дома и, поверьте, ни в чем себе не отказывал.

– Значит, спрятал его в своем логове, – процедила я.

– Мы ему говорили, что лучше спустить в подземелье! – неожиданно выпалил молоденький чародей, вступивший в ковен весной, после окончания светлой академии. – Оттуда потом легче незаметно вынести...

Сосед украдкой ткнул ему в бок светящимся пальцем, намекая, что пора заткнуться. Парень взвыл от острого магического укола и прикусил язык.

– Ладно, демоны... живите, – вздохнула я и тут же отрезала, пока они не расслабились: – Но жить хорошо теперь не получится! На следующей седмице отправляйтесь всем коллективом в Вайлдстоун. Бургомистр писал, что у них там нашествие саранчи.

– Что мне там делать? – буркнула Танита.

– Будешь походной кухаркой, – осадила девчонку. – Или тебя отправить к нашему повару?

Идти в кухню ей не хотелось. С поваром у темной прислужницы отношения не сложились. Он заявил, что ей следует похудеть, и не докладывал порции. Поесть Танита любила, так что громко, не скрываясь, замкового кормильца ненавидела. Как сядет за стол, так и начинает люто ненавидеть.

– Учитель, если вы забыли, я седмицу назад оттуда вернулся! – возмутился Нильс.

– А вы, господин Баек, лучше бы готовились к экзамену в магистериуме, а не держали свечку драконам! – рявкнула я и решительно зашагала к дверям. Удивительно, как у меня из-под каблуков не рассыпались искры.

Народ мгновенно дунул в разные стороны, освобождая дорогу.

– Госпожа чародейка, а клыки-то куда запихнуть?

– Тебе подсказать варианты? – бросила я мрачный взгляд на светлого чародея. – В корзину! Нам их Торстенам сегодня возвращать.

Новость о том, что хозяева Кейрана придут уже сегодня, вызвала в рядах старых приятелей переполох. Стоило выйти из тронного зала, как выжидательная тишина за спиной взорвалась громкими, по большей части сочными, восклицаниями. За такие Тэмри лишился бы голоса как минимум на седмицу.

Бессарий единолично владел северной башней, и через его покои проходила большая часть хорошеньких служанок. Не очень хорошенькие туда тоже наведывались. Говорили, что инкубы – эстеты, но наш особой разборчивостью не страдал. Ни в женщинах, ни в еде. Как говорится, с удовольствием ел все, что положили.

Подозреваю, верховный решил снести северную башню исключительно из желания прикрыть этот непотребный притон – на «злачное место» уже начинал с интересом поглядывать Тэмри. Мы были обязаны заботиться о моральном облике школяров. Достаточно, что мой прежний ученик вел с инкубом близкую дружбу и все лето развлекался, а не готовился к экзамену в магистериум.

Один раз он уже провалился. Неуч! А ведь после окончания академии хотел стать магистром магических наук и защищать перед советом интересы смешанных ковенов. Пока одного на семь королевств ковена Варлоков, но, не сомневаюсь, не за горами те времена, когда темные и светлые чародеи научатся сосуществовать в мире. Хотя бы относительно! Даже в нашей тихой гавани тоже изредка случались штормы.

Я поднялась по винтовой лестнице и требовательно постучалась в закрытую облезлую дверь.

– Инкуб, открывай! Чародейка пришла.

Изнутри не донеслось ни звука.

– Иначе сама войду! – пригрозила засевшему, как в засаде, жильцу. – Обещаю, тебе не понравится.

Дверная ручка опустилась, дверь отворилась. С ленивой улыбкой на пунцовых губах Бессон перекрыл собой проем.

Как и все инкубы, темный был кричаще красив. Бирюзовые глаза, идеальные черты лица, ровная кожа без намека на щетину. Из-под расстегнутой рубашки выглядывал поджарый торс. Штаны держались

не на ремне, а на честном слове, и так низко спускались на бедрах, что хотелось схватить их за пояс и подтянуть. До груди.

Яркая внешность намекала, что он не божий одуванчик – хищный экзотический цветок, пожирающий глупых бабочек. Но девицам очевидный факт, что такими мужики не рождались, а становились после ритуала призыва демона, очевидным не был.

– Ты не вовремя, хозяйка замка, – растягивая слова и поблескивая глазами, промурлыкал он.

– Я всегда вовремя! – отрезала я и, отодвинув его с дороги, вломила в покой.

В просторной круглой комнате с лучшим в замке видом на живописные окрестности царил страшный бардак. Высокая широкая кровать с балдахинном, который, должно быть, выбивали еще при прежних хозяевах, была перевернута, но пуста. Радовало, что не придется гонять по лестнице какую-нибудь горничную в исподнем.

– Где он? – резко спросила я.

– Он? – протянул Бессон. – Ты меня оскорбить хочешь, чародейка? У меня бывают только «она» или «они», но все исключительно по собственному...

– Да не заговаривай мне зубы! – перебила я, начиная раздражаться, и указала на него пальцем: – И придержи инстинкты!

Бирюзовые глаза мигом перестали блестеть, в них появилась знакомая скука. Когда инкуб не пытался никого соблазнить, используя древний зов, то как-то мигом окунался в депрессию.

– Зачем пришла? – спросил он по-простому и направился к столику с графином вина.

– Где рог? – уперев руки в бока, требовательно спросила я.

– Чей? – с фальшиво недоуменным видом уточнил он.

– Как понимаешь, не верховного Варлока.

– У него есть рога? Ветвистые? Он их прячет в кабинете?

– Ты, смотрю, давно голоса не лишался, – процедила я, складывая руки на груди, – и в сторону замковых ворот с котомкой тоже давно не брел. Так, инкуб?

– Что у тебя за привычка начинать разговор с угроз? – фыркнул он.

– Где драконий рог? Мне сказали, что ты его к себе утащил.

– Хорошего ты обо мне мнения, хозяйка замка, – посмел изобразить тот возмущение.

– В гардеробной спрятал? – кивнула я на закрытую дверь.

– Да.

– Давай обратно, – потребовала я. – У нас тут международный скандал намечается.

– С этого места, пожалуйста, поподробнее, – теперь по-настоящему заинтересовался Бессон и даже опустил графин с вином, поднесенный к губам.

– Торстены сейчас приедут, а вы, подлецы, растащили их дракона по частям.

– Клыки вернули?

– Сомневаешься? – презрительно фыркнула я.

– Чем пригрозила? – злорадно улыбнулся он.

– Тем, что разрушу северную башню, а их заставлю разбирать.

– Ах, вот оно что... – Бес запахнул рубашку, пряча гладкий торс, точно приличный, а не разобраный, вид заставит меня передумать и не трогать местный вертеп. – Забирай, конечно.

– Нет, кто в башню принес, тот и тащит верховному, – отрезала я. – Отдает лично в руки!

– Чародейка, у тебя жалость есть? – охнул он. Видимо, понимая, что связываться с верховным себе дороже.

– А у тебя совесть?

– Откуда такая роскошь? – удивился инкуб. – Эта штука тяжелая, как конь.

– Совесть? Поэтому ты ей не обременен?

– Совесть я на себе не таскал, в отличие от драконьего рога. Не знаю, сколько весит она, но рог неподъемный.

– Так что ты его не оставил, где валялся? – возмутилась я.

– Денег захотелось.

Что мне всегда нравилось в инкубе: он чистосердечно признавал пороки и искренне ими наслаждался. Не стыдился любви к деньгам, женщинам и вообще ко всему, что вызывало в нем вкус к жизни. Перед обезоруживающей честностью исчезало даже желание скандалить.

– Ладно, потащили, – кивнула я и, не дождавшись хозяина комнаты, сама открыла гардеробную.

Рог, длинный и острый, с неровно отломленным краем, возлежал на полу пустой комнатухи. В уголке, прижимая к полуобнаженным пышным телесам платье, пряталась кухарка из новеньких. Никто еще ее имя не успел запомнить, а она уже в северной башне отметилась. У меня вырвался смешок.

– Ну вы и сволочи! – протянула удивленно. – Вам тут всем медом, что ли, намазано?

– Без излишней скромности: я хорош, – промурлыкал из спальни Бессарий, не торопящийся ни спастись от позора очередное завоевание, ни вытаскивать из закрома драконий рог.

– Да уж скромностью ты точно не страдаешь, – огрызнулась я и спросила у остолбенелой кухарки: – Ладно, что ты не шевелилась, я поняла по разобранному виду. Но ты хоть дышишь?

– Доброго денечка, – пропищала она.

– Ага, добрейшего.

– Госпожа светлая чародейка, не гневайтесь! – испугалась стряпуха. – Я просто поесть принесла из кухни, а потом – как в тумане. Не выгоняйте из замка! Бес попутал!

Насколько понимаю: в прямом и переносном значении этих слов.

– Да выгонишь вас, пожалуй, – проворчала я. – Дергай отсюда!

– Можно платье натянуть? – жалобно попросила она.

– В коридоре, – нравоучительно велела я, хотя хотела бы выпустить девицу в том, в чем была. В смысле, практически в чем она на свет появилась.

С пунцовыми щеками, стараясь не встречаться со мной взглядом и точно не смотреть на инкуба, она на цыпочках выскочила из комнаты. Я выглянула из гардеробной и заметила, как Бессарий успел ей подмигнуть.

– Что? – Он развел руками, едва дверь тихонечко закрылась. – Законы магической природы не перепишешь. Я люблю женщин, женщины любят меня.

– Еще раз кого-нибудь зачаруешь: дорожный сундук, ворота, неизвестное направление.

– Ты всегда так тонко грозишь меня выставить.

– Пинком под зад! – пообещала я, на что инкуб неожиданно почесал худой филей, словно уже ощущал, как по нему вмазали, чтобы

придать ускорение в сторону замковых ворот. – А пока я добрая и вменяемая, хватай рог и понесли в тронный зал.

Бессарий, как Йосик, всегда тонко чувствовал, когда хозяйка замка была готова сыпать заклятиями. Не ерепенясь, с подозрительной легкостью он поднял рог и положил его на плечо, как весло. Выглядел он бодреньким, даже появились сомнения, а настолько ли обломленная драконья гордость весома, как инкуб жаловался?

Правда, задора и стойкости темному хватило ненадолго. К середине лестницы его подозрительно перекосило, а бравый шаг резко сменялся осторожным ковылянием. Ступенька за ступенькой, словно ноги едва передвигались.

– У тебя поясницу, что ли, прихватило? – с подозрением спросила я, спускаясь следом.

– Он тяжелый, как мое прошлое, – простонал инкуб.

– Так не надо было к драконам лезть, сейчас бы все оказались довольны и счастливы. Даже твоя кухарка.

– Будем честными, хозяйка замка, она твоя кухарка, – процедил Бес. Разговор ему явно давался с трудом и очень хотелось сжать зубы, чтобы выдержать вес сворованного сокровища. – Готовит, к слову, отлично. Остальным оскоромиться не успел.

– Остальное в этой кухарке меня не интересует, – фыркнула я. – Вы зачем в стойла потащились ночью?

– Пospорили, как оно все у драконов происходит.

– Ну, кто-нибудь выиграл, драконовы знатоки?

– Разве прилично чародейке так громко злорадствовать? – пробормотал Бессарий. – Ты родилась, чтобы стать темной. Не понимаю, почему у тебя все еще светятся пальцы?

– Однажды задымились, – хмыкнула я. – Не понравилось.

– Нильс не соврал?!

Инкуб так круто повернулся, заставив меня шарахнуться назад, что его повело. Лицо сделалось недоуменным, и он начал заваливаться, безнадежно теряя равновесие. Рефлекторно я выбросила заклятие и резко остановила падение. Он дернулся, от рубашки живописно оторвался лоскут и запорхал в воздухе, а из рук выскользнул злосчастный рог.

С непотребным грохотом невосполнимая часть Кейрана поскакала по ступенькам, вмазалась в стену и снова полетела, повторяя плавные

повороты винтовой лестницы. Эхо возвращало грохот ударов.

Мы прижались к перилам и одновременно свесились вниз, следя за стремительным спуском ценного, но очень тяжелого груза. Соскочив с последней ступени рог шмякнулся о каменные плиты и раскололся на две разновеликие части.

– Зато будет легче тащить, – натянув рубашку и разглядывая неровную дыру, заключил Бессарий.

– С чего бы?

– На двоих поделим.

– Смотрю на тебя: и вроде инкуб, но что ж такой наивный? – фыркнула я и начала спускаться.

Следить за тем, с каким страданием соблазнитель всея замка тащил две половины рога, было забавно. Он морщился, ворчал и жаловался на боль во всем теле. Но едва мы вышли к оживленным коридорам и столкнулись с двумя хорошенькими горничными, как он приосанился. В лице не осталось ни мазка от смертельного страдания, спина выпрямилась, на руках напряглись мышцы.

– Дамы, – любезно протянул он этим своим кошачьим мяуканьем и даже подвинулся, уступая дорогу.

– Госпожа чародейка. – Стараясь не коситься на красавца-ведьмака, видимо, чтобы тоже бес не попутал, они сделали быстрые книксены и, перешептываясь, прошмыгнули дальше.

Едва девушки зашли за поворот, а мы остались одни, как Бессарий охнул и простонал со страданием в голосе:

– Подожди, хозяйка, у меня тут шею защемило.

– А нечего танцевать перед бабами, – без особенной жалости отозвалась я. – Давай пошустрее, пока Торстены не явились.

Но, по всей видимости, инкуба уже посетила идея переложить ношу на чьи-нибудь плечи, и отказываться от нее он не собирался. Даже ходу прибавил, похоже, надеясь после пустой галереи, откуда мы сняли все портреты Варлоков, встретить какого-нибудь темного прислужника. Желательно покрепче, но помельче тоже сойдет.

Жертву он долго не искал. Властным голосом призвал первого темного прислужника, встреченного нами на пути:

– Эй, человек!

Тот притормозил и приготовился внимать.

– Нет, – уронила я, давая понять, что помощников ждать не стоит.

– Ты хороший человек, – процедил сквозь зубы инкуб, проходя мимо, и добавил с предсмертным хрипом: – Живи по совести, а не как я.

У меня вырвался издевательский смешок.

Пока он ковылял, громко страдая, я ушла вперед и меньше всего ожидала обнаружить, что Торстены в комплекте четырех чародеев во главе с верховным ведьмаком уже прибыли в замок. Вместе с Фентоном они важно поднимались по лестнице. Следом тянулись особенно отчаянные представители нашего ковена, среди которых неведомым образом затесался Нильс. Никак банда вредителей отравила его в качестве парламентаря и, что уж греха таить, козла отпущения, если придется держать ответ за попорченную мужскую честь истерзанного Кейрана.

Не остановиться, столкнувшись с гостями нос к носу, было негостеприимно и недальновидно. Я встала, чинно сложив руки в замок, и дождалась, когда эта, с позволения сказать, толпа преодолет ступенчатый подъем.

– Добро пожаловать в башню Варлок, господа темные чародеи, – поприветствовала их.

Фентон немедленно одарил меня предупреждающим взглядом. Дипломатичности мне, конечно, не доставало, но только отчаянный оптимист с порога начнет вываливать неприятные новости. Сначала гостей следует встретить, напоить чем-нибудь... покрепче, а когда они будут готовенькие, дарить подарки: десять драконьих клыков и рог двумя разновеликими частями. Но после клыков, полагаю, расколотый рог будет наименьшей из проблем.

– Госпожа чародейка, приятно снова свидеться, – с акцентом прогудел верховный Айрик, мужчина во всех отношениях выдающийся: и ростом, и телосложением, и темной магией. – Мы тут к вам нагрязнули.

– Мы заметили, – распевно протянула я, и муж выразительно кашлянул.

В прошлый приезд дружественного клана он настойчиво попросил меня не отсвечивать и не вставлять ценных замечаний. Даже если что-то окажется не по нутру, то все равно молчать. Не улыбаясь! Дескать, сразу видно, что под дурное настроение чародейка добро не

приносит, а причиняет и благодать не дарит, а насильно втюхивает. Торстены меня приняли за нежную фею, что устроило абсолютно всех.

Они вообще были занятым кланом. В родовой книге Торстенов, если верить слухам, значились такие любопытные персонажи, что у любого светлого шевелились на затылке волосы и пробуждались чародейские инстинкты. У меня тоже. Рядом с Айриком пальцы вспыхивали магическим мерцанием, но я складывала руки и помалкивала. Ради всеобщего блага и будущего драконьего потомства.

– Что ж, господа, идемте в тронный зал, – с самым деловым видом предложил Фентон и даже по-свойски похлопал Айрика по плечу.

Внезапно по коридору разнесся грохот, подхваченный эхом. Всей компанией мы развернулись. На каменном полу валялись осколки разломленного рога, а над ними с дурацким видом стоял взмыленный инкуб в драной рубашке.

– Не донес я ваш рог, господа. – Он развел руками, дескать, не обессудьте, сделал все, что в моих силах, но эти же силы меня и подвели. – Но на амулеты и так ведь пойдет?

Тишина воцарилась как в склепе. Один из Торстенов что-то быстро сказал верховному Айрику.

– О чем говорит инкуб? – обманчиво любезным тоном спросил он.

Обстановка моментально стала тревожной. По-моему, всем стало очевидным, что идти в тронный зал не имеет никакого смысла, и гостям дурные новости придется переваривать на ясную голову.

– Господа темные, коль вы приехали без приглашения и мы вас сегодня, мягко говоря, не ждали, то традиционно начну с плохой новости, – деловитым тоном проговорила я, вызвав в этих самых господах недоумение. Они искренне считали, что жена верховного Варлока умеет только блять. – Драконьего приплода пока не будет, но Кейран выжил, и его части мы уже по замку собрали.

По лицу Фентона прошла судорога. Торстены онемели от удивления.

– А какая хорошая новость? – тихо спросил Нильс, посмевающий подать голос. От переживаний у него всегда почему-то исчезал инстинкт самосохранения.

– Все хорошие новости я уже озвучила, – прямо объявила я.

– Варлок, что случилось с нашим драконом? – Глаза Айрика вдруг вспыхнули, а зрачки то ли налились кровью, то ли просто окрасились

красным цветом.

Он начал походить на демона. И мне пришлось спрятать руки за спину, потому как негоже трещать магическими разрядами, когда развязывается не просто международный скандал, но родовая вражда.

– Пройдем в загоны, – пронзив меня красноречивым взглядом, миролюбиво предложил Фентон. Видимо, надеялся решить дело миром.

– Твоя жена сказала, что Кейран выжил, – не унимался Айрик.

– У моей супруги проблемы с дипломатичностью.

– Особенно, когда дело касается темных, – издевательски прошептал кто-то из ковена.

Искать, кто именно ляпнул такую чудовищную неуместность, было бесполезно. Все тут же опускали головы и отводили глаза.

– Так что с драконьим рогом делать? – спросил инкуб, когда понял, что толпа коллективно развернулась словно неповоротливый змеиный хвост и потянулась к парадным дверям.

– Собрать! – рявкнул Фентон, глянув на него через плечо, и бросил мне: – Проследить, уважаемая супруга, чтобы все принесли.

Нильс остался на лестнице. В загоны ему, одному из главных виновников торжества, идти явно не хотелось. Он прижался спиной к перилам и пропустил остальных.

– Демоны! – искренне обругала я лучших друзей. – Метнулись за корзиной, и все собрали, пока мы не передрались с Торстенами.

– Нас больше, – неожиданно пробормотал школяр.

– Да, но виноваты тоже мы! – цыкнула я. – Соскребайте с пола все, вплоть до мелких осколков.

Искренне хотелось верить, что честность и открытость помогут нам избежать и скандала, и вражды. Однако когда я добралась до загона, сразу стало ясно, что конструктивная беседа у верховных не сложилась. Они цапались возле драконовых стоек, а вход прикрывали плечистые ведьмаки из клана Торстенов. Наши не желали магической драки и скромненько топтались снаружи.

Я решительно направилась к раскрытым воротам.

– Госпожа чародейка, – попытался загородить дорогу один из стражей, но тут у него, видимо, закончился словарный запас, и он что-то еще пробасил. Тарабарщину, в общем, какую-то.

Я не знала ни слова из их витиеватого наречия, поэтому использовала международный язык боевой магии, понятный абсолютно всем вменяемым чародеям. Даже темным из чужого клана. Подняла руку и на ходу продемонстрировала трещащие мелкими разрядами пальцы. Как ни странно, парни мигом признали ослепляющее заклятие и разошлись в разные стороны. Сказочное взаимопонимание между светлыми и темными. Любо-дорого посмотреть!

Грызня шла полным холодом, и ведьмаки не замечали, что в воздухе уже плыл туман. Зара металась в стойле и выпускала клубы дыма. Зато Кейран был глух и неподвижен. Свернувшись клубком, как кот, он уложил однорогую башку на хвост и следил за хозяином одним желтым глазом.

А верховный Айрик успел распалиться и едва сам не пускал дым из трепещущих ноздрей. К красным глазам у него побагровела физиономия. Он безбожно путался в языках. Не знаю, понимал ли Фентон, что именно рычал взбешенный противник, размахивающий мощным руками, или улавливал только общий смысл из его запальчивой тирады, но вид муж имел хмурый.

– Господа верховные, – позвала я, заставив обоих повернуть головы, – не хочу вмешиваться, но вы же цивилизованные ведьмаки, а орете, как дикари.

От неожиданности Айрик подавился на вздохе и кашлянул.

– Агата, моя дорогая жена, – начал Фентон, – давай-ка ты выйдешь.

– Чтобы вы тут передрались? – выразительно складывая руки на груди, уточнила я и обратилась к Торстену: – Очень не люблю, знаешь ли, господин верховный, когда в моем доме не могут договориться ведьмаки.

– Твоя жена назвала нас ведьмаками? – натуральным образом возмутился Айрик.

– Я сказала «ведьмаки»? – встrepенулась я, честно говоря, не очень понимая, как оконфузилась. – В смысле, господа темные чародеи. Но я тут все равно постою и послушаю, чем закончится беседа. Тихая и конструктивная беседа. Иначе наша девочка окончательно взбесится и сожжет к демонским бабушкам половину замка вместе со своим женихом. Но мы ведь все еще хотим потомства?

Судя по тому, какими взглядами окатили меня верховные, потомства они не желали, а хотели драки и намылить шею нахальной светлой чародейке, посмевшей вмешаться в мужской разговор.

– Давай решим миром, верховный Торстен, – примирительно предложил Фентон.

– Давай решать, верховный Варлок, – слегка поостыв после моего коронного выступления, согласился Айрик.

– Я готов возместить ущерб клану Торстенов.

– И чем? Судя по всему, наш дракон не проживет больше седмицы. Летать не может, питаться не может. Обезглавлен...

– Обезрожен, – вклинилась я с маленькой поправкой.

– Но обескровлен! – рыкнул в мою сторону Айрик.

– Не нагнетай, – не удержалась я. – Все ящерицы рано или поздно наращивают хвосты.

Мужчины вновь одарили меня хмурыми взглядами.

– Дракона мы выходим, а компенсацию оплатим артефактами, – предложил муж.

На его лице не дрогнул ни единый мускул, но мне ли не знать, как он дорожил крохами, оставшимися от наследия Варлоков, которые по чистой случайности не успели растащить ведьмаки из прежнего клана.

Еще у нас была собственная родовая книга. Мы сами заговорили фолиант темной и светлой магией, положив начало новому колдовскому роду. Под плотной кожаной обложкой с золотым драконом хранились только две пергаментные страницы с нашими портретами, больше ни одного листа книга не нарастила. Три года чародеи вступали в темный ковен, присягали на верность верховному, некоторые даже брали фамилию, но гадская книга никого не признала Варлоком. При виде нее Фентон всегда болезненно морщился.

– Так не пойдет, – покачал головой Айрик.

– Тогда что ты хочешь?

– Пусть калека подышает в твоём стойле. Я хочу здорового дракона, способного летать.

На улице стихли даже шепотки. Все ждали ответа Фентона. Мы с мужем быстро переглянулись.

– Ты уверен? – прямо спросил он у верховного Торстена. – Точно не хочешь артефактов? Может, просто заберешь клыки и рог, а Кейрана

мы доставим сами, когда оклемается? Глядишь, повезет и еще детенышей получишь.

– Драконово приданое мы заберем вместе с невестой, – не пожелал изменить решение Айрик.

– Забирай, – согласился Фентон. – Но ты дашь магическую клятву, верховный Торстен.

– И что ты хочешь, Варлок?

– Чтобы ты признал Кейрана собственностью нашего ковена и поклялся, что не попытаешься забрать его силой.

– А ты, смотрю, не прост, – ухмыльнулся Айрик.

– Жизнь со светлой чародейкой учит подстилать соломки, – хмуро отозвался Фентон.

Торстен решил, будто он сально пошутил, и громко расхохотался, а муж-то был серьезен.

Ведьмаки ударили по рукам. В разные стороны разлетелись клоки черного дыма, и я остро осознала, что молодой ковен Варлоков, не успев толком обрасти друзьями, уже обзавелся врагом. И Торстены пока об этом не догадывались.

– Кстати, верховный Айрик, раз ты всерьез вознамерился ее забрать. – Я кивнула в сторону загона, где за запертыми воротами продолжала злиться капризная крылатая принцесса. – Дракона зовут не Зара, а Зараза. Она отзывается только на это имя.

Возникла странная пауза.

– Кто назвал вашего дракона? – наконец изумленно прогудел Айрик.

И я пожала плечами, дескать, кто знал, что, взяв новорожденного дракона в руки, надо до крови прикусить язык, чтобы не выдать какое-нибудь паршивое ругательство.

– У моей супруги проблема не только с дипломатичностью, но и с чувством юмора, – выразив глубинную боль, которую носил в себе целых три года, проворчал Фентон.

Вероломных гостей мы провожали большой толпой. В клетку для перевозок Зара заходила неохотно, а внутри подозрительно притихла. Недобро щурила желтые глаза, недовольно выпускала из ноздрей тонкие струйки дыма и ерошила наросты на загривке. Она словно примерялась, кого сожрет первым. Лошади, впряженные в повозку,

нервно стригли ушами. Видимо, чуяли, что их уже присмотрели для обеда и мысленно прикинули, с какого копыта начать лопать.

Торстены ухмылялись и тихо злорадствовали, видя, что их провожают похоронным молчанием. Не знаю, как остальные – я вообще не склонна переживать о душевных терзаниях жителей замка, – но мы с Фентоном понимали, что кровной вражды не избежать и действительно сожалели. Они уступили нам выдрессированного благородного дракона, пусть он был чуток не форме, а забирали крылатую заразу, главный источник растрат, как магических, так и материальных.

Прощание было исключительно коротким. Караван, увозящий Зару, минул крепостные ворота и выкатился на длинный мост. Воздух содрогнулся, в разные стороны прыснули тающие клоки черного дыма, и повозки поглотил портал. Когда воронка схлопнулась, поднялось густое облако пыли.

– Чтобы ни один светлый не заходил в стойла, пока дракон не очухается! – резко произнес Фентон на весь двор. – Все услышали? Передайте тем, кто не услышал.

С самой серьезной миной он кивнул знахарю. Они вместе отправились в стойла, прихватив с собой алхимика. Я видела, как этот неразговорчивый худой человек с лицом, обожженным от постоянной топки атанора, направился следом за верховным.

Пришлось планы отложить и заняться делами насущными. Забот в замке всегда было много, пусть его жители и поскучнели. Присутствие духа сохранял только инкуб. Он даже попытался организовать тотализатор, как скоро Торстены появятся снова и захотят устроить обмен. Поставил кусок драконьего рога. Никто не захотел спорить.

В середине дня по кухне зашагал стол. Главный повар орал как потерпевший. Ворвался в библиотеку, где я отвечала на многочисленные письма светлых и темных академий, и начал трясти длинной поварешкой. Пришлось снарядить ему помощников. Целый час талантливые, а главное, энергичные и шумные чародеи с криками гоняли дух по коридорам, пытаясь его усадить в бутылку.

– Ни на что не годные светлые, – ворчливо объявил старый Арни, войдя в библиотеку. – Собрали в замке разный сброд! Девицу-то, слышал, увезли?

– Стребовали, но скоро вернут. Сейчас поймут, под чем подписались, и привезут обратно. – Я скрепила очередное письмо личной печатью со знаком рода Варлоков. – Все-таки темные на редкость дурные.

В коридоре раздался болезненный вопль и страшный грохот. Очевидные светлые в горячке ловки очередной раз перевернули ржавые доспехи, стоявшие в углу, и тонко доказали, что дурость от цвета магии вообще не зависит.

– Варлок-младший взял клятву, чтобы жениха потом не забрали? – Придирчивый старик сощурил выцветшие от возраста глаза.

– Обижает.

– Всегда знал, что хороший из него выйдет верховный. – Он довольно цокнул языком и постучал по полу тростью, словно насылал проклятия, а не расточал похвалы. – Хитрый, как дракон. Истинный Варлок! Пусть и приبلудыш.

В общем, отсутствием дипломатичности в нашем замке страдала не только я.

Арни вышел в коридор и устроил головомойку светлым чародеям, как будто они были школярами темной академии, а не профессиональными магами с вполне приличным образованием. Старик никак не понимал, что для них ловля духа была отчасти подвижной игрой, в которой нечисть так загоняли, что она сама с радостью лезла в бутылку.

К вечеру, когда за стрельчатыми окнами замка медленно сгущалась темнота, я вспомнила про алхимика и заглянула в его пристройку. В просторном помещении, озаренном обычными свечами, в любое время года царил духота и витали едкие алхимические пары. На подоконнике в горшках стояли хищная мухоловка и ярко-оранжевая герань. Первая разрослась от эликсиров и, кажется, становилась разумной. Вторая, по-моему, сделалась бессмертной и была способна выжить в любом катаклизме. По крайней мере, за те два года, что у нас обитал алхимик, герань ни разу не переставала цвести и меняла на погоду колер.

– Что хотела, хозяйка? – спросил алхимик, когда я вошла, натянув на нос платок, чтобы не угореть от едкого зловония.

– Есть личное дело. Очень деликатное.

Через полчаса мы вместе разглядывали склянку с эликсиром, который от капли крови окрасился в синий цвет.

– Поздравляю, – задумчиво протянул алхимик.

– Спасибо, – не менее задумчиво отозвалась я и выплеснула жидкость в горшок с мухоловкой.

На радостях хищный цветок ощерил десяток игольчатых ловушек, словно требуя съестного. Дескать, попить дали, теперь и закусить неплохо.

– Ты пока помалкивай, – попросила я. – Не хочу, чтобы все узнали раньше мужа.

– Нем как могила, – уверил алхимик. – Но ты отчалила бы отсюда, светлая чародейка. Нечего тебе дышать дымом атанора.

От «ароматов» алхимической лаборатории пришлось отмыться. На ходу запахивая халат, я вышла из ванной комнаты. Фентон вытянулся на кровати и под ярким светляком хмуро читал какое-то послание.

С переменным успехом он разыскивал по королевству наследие Варлоков. Поиск шел туго. Пару уникальных артефактов удалось обнаружить на легендарном ночном рынке и выкупить за немалые деньги. Остальное точно растворилось в неизвестности.

– Нашли что-нибудь? – спросила я, вставая перед зеркалом в полный рост, и посмотрела на него через отражение.

– Никаких новостей, – отозвался он, потушив светляк.

Комната, озаренная лишь парой ночников, утонула в тенях. В открытое окно струилась ночная свежесть. Днем оконные створки старались не отворять. Кое-как обходились заклятиями, по большей части просто гоняющими застоялый воздух по коридорам и помещениям. Иначе вещи, занавески, скатерти – абсолютно все пропитывалось запахом пожарища, и приходилось устраивать большие постирушки. Дня не проходило, чтобы крылатая зараза не плюнула во что-нибудь пламенем!

Фентон поднялся с кровати и, приблизившись, обнял меня за талию.

– Думаешь, Торстены до конца лета продержатся?

– Вряд ли, – я покачала головой. – Седмицы через три сломаются. Если очень повезет, то протянут месяц. Больше отдохнуть не

получится. Но о драконьих внуках, верховный Варлок, однозначно придется забыть.

– Может, подумаем о детях? – промурлыкал он, целуя чувствительную точку у меня на шее.

– В начале весны, – пробормотала я.

– Весна – особенное время?

– Обычное, но в начале весны родовая книга Варлоков нарастит еще одну страницу.

– Тебе Провидение подсказало, что в замке появится новый чародей?

– Быть точнее – наш алхимик. Если он правильно смешал эликсир и тот не соврал, то в марте нас ждет пополнение.

– Светлый чародей или темный?

– Лет через пять узнаем.

Фентон резко поднял голову и посмотрел на меня через зеркало.

– Фея, ты хочешь сказать...

– Ведьмак, ты иногда такой непонятливый, – хмыкнула я.

Всегда считала, что мужчины сдержанно реагируют на новость о пополнении в семействе, но Фентон едва не взорвался от радости. Он подхватил меня на руки и закружил по комнате, едва не доведя до морской болезни. Хорошо, не врезался в кровать – пару раз мои туфли проходили в опасной близости к кроватным столбикам.

– Кстати... – Он резко остановился. – Почему ты пошла к алхимику, а не к лекарю?

– Он неболтливый. Не хочу, чтобы завтра ковен делал ставки, кто родится. Мальчик или девочка.

На следующее утро под дверьми спальни, как в старые добрые времена осады, меня ждал Тэмри. Грешным делом, я решила, будто пообещала устроить магический урок и запомняла, но школяр замахал руками:

– Учитель, просто решил проводить вас в столовую залу. Вдруг на лестнице голова закружится.

– С чего бы? – буркнула я.

– И это... – Он вытащил из оттопыренного кармана большое зеленое яблоко, протер о жилет и протянул мне. – Кушайте на здоровье.

– Тэмри, ты что-то сломал? – нахмурилась я. – Или тебя кто-то пригрозил проклясть?

– Ничего такого, учитель! – поспешно уверил он.

– Мне нужна правда. – Я демонстративно уперла руки в бока. – Обещаю, тебе ничего не будет.

– Я разбил в большой гостиной черный горшок, а оттуда посыпался прах! – на одном дыхании выпалил он.

– Может, потому что это был не горшок, а погребальная урна предпоследнего верховного Варлока? – намекнула я, что школяр и впрямь в неприятностях.

– Но я ее честно попытался склеить!

– С помощью магии?

– Пока с помощью клея, сбегал к нашему алхимику. Но выкинул один кусочек вместе с прахом...

– Ты выбросил прах верховного? – Я едва не поперхнулась на вдохе.

– Но на нем же не написано, что это именно верховный, – глядя в сторону и отчаянно краснея, буркнул Тэмри. – Вы не скажете господину Фентону? Я туда потом наскребу пепла из камина...

– Лучше сделаю вид, что ничего не слышала, – вздохнула я. – После завтрака будем учиться восстанавливать предметы с помощью магии. Самое время, а то ты ползамка уже разнес.

– А сказала, что ничего не будет, – тихонечко пробубнил под нос Тэмри, следом за мной спускаясь по лестнице.

Учиться магии он не то чтобы не любил, а побаивался. Слышала, как однажды жаловался Нильсу, что учиться у меня очень страшно. Бывший школяр ему искренне сочувствовал.

– Что ты там бормочешь? – обернулась я.

– Яблочко возьмите! – С широкой улыбкой он моментально протянул яблоко. – Молодому растущему организму полезны свежие фрукты.

– Сгрызи сам, молодой растущий организм.

Замок наполняли сквозняк и свежесть. В галерее я не удержалась и подошла к открытому окну, глянула на залитые солнечным светом горы. Прикрыв глаза, вдохнула сладкий аромат лета полной грудью.

– Чувствуешь школяр?

– Что, учитель? – Тэмри встал рядышком и из вежливости приняхался.

– Пахнет свежестью, и никакого пожара!

Школяр приоткрыл рот и вдохнул всей грудью. Проглотил муху, обиженно скривился и всю дорогу до столовой залы жаловался, что стало горько. В конечном итоге он хрустнул зеленым яблоком и скукожился от кислого вкуса. В общем, с завтраком у Тэмри сегодня что-то не складывалось.

А когда я уселась на свое обычное место по правую руку от Фентона, то догадалась, что с завтраком, похоже, у меня тоже не сложится. Передо мной стояла тарелка с очищенной морковкой, миска с ягодами и лежали аккуратно вымытые стебли сельдерея.

Последний я лично сажала в углу оранжереи всего две седмицы назад. Специально выбирала место неприметнее, чтобы алхимик не попытался проверить какую-нибудь подкормку, а старый Арни не выкорчевал с корнем. В итоге сельдерей обнаружили и помогли подрасти с помощью магии. Что ни говори, а все-таки ведьмаки – парази... паразитические люди. Все равно найдут, где подгадить.

– Уважаемый муж, это что за набор голодного кролика? – вкрадчиво спросила я у Фентона, спокойно жующего густую кашу.

– Вам, госпожа чародейка, надо теперь за здоровьем следить, – вклинилась Танита, сидящая рядышком. – Больше свежих овощей и фруктов. Фрукты пока не вызрели, но хозяин попросил принести овощи.

– Да неужели? – сощурилась я, и за столом на секунду перестали жевать.

Фентон подавился кашей и сделал кому-то жест рукой, призванный быть незаметным, но абсолютно всем явный.

Служанка с подносом, на котором лежал порезанный крупными кусками кочан свежей капусты, сделала резкий разворот и, путаясь в юбке, унеслась обратно на кухню.

– Пойду, – поспешно поднялся «уважаемый муж». – Дела зовут.

– Хозяин сегодня по секрету сказал Нильсу, что у нас... у вас будет пополнение, – на голубом глазу заложила верховного Танита, и он, мой дражайший супруг, заметно прибавил ходу, становясь таким же проворным, как служанка с завтраком для козы. – Мы никому не рассказали! Ни единой душе!

– Вообще никому, – поддакнул Нильс, перегнувшись через темную прислужницу. – Поверьте мне, учитель.

– А что инкуб уже собирает ставки, кто родится: мальчик или девочка – так он просто очень азартный, – уверила меня Танита. – Я решила не рисковать.

– Неужели я слышу голос разума?

– Ага, – охотно согласилась она, – поставила сразу на обоих, чтобы наверняка выиграть.

Через пару дней ажиотаж от новости, перекрывшей даже варварский отъем крылатой заразы, прошел. Жители замка уверились, что будущее материнство никак не смягчило характер хозяйки Варлок, и начали кланяться мне при встрече любезней прежнего.

Кейран через седмицу пришел в себя: отрастил хвост и неожиданно по собственному желанию вышел из стойла в загон. У всех чуть не случилась остановка сердца! А воспитанный дракон просто размял конечности и вернулся в домик. Досыпать. Еще через пару седмиц обнаружилось, что он стал зубаст, как до драки. Потом окончательно очухался, вновь встал на крыло и совершил первый полет с обрыва.

Торстены появились без предупреждения. Месяца не выдюжили. Слабаки! В тот день погода стояла паршивая. Единственный длинный шпиль башни Варлок протыкал пузо серой тучи. Казалось, именно из-за этого беспрерывно шел дождь: то лил стеной, то переходил в мелкую морось, рисующую в лужах на въездной площади большие круги. Горы утопали во влажной белесой завесе. По стеклам на окнах змеились тонкие ручейки, проникали сквозь рамы и собирались влажными кляксами на каменных подоконниках.

Фентон еще на рассвете отправился в центр королевства, где в антикварной лавке якобы выставили на продажу живой гримуар, похожий на тот, который сжег полубезумный архивариус Том из Круэла. Разговаривать с гостями мне предстояло лично.

Сложив руки на груди, из окна мужниного кабинета я следила за тем, как верховный ведьмак Айрик Торстен, кутаясь в черный плащ, уверенно выходит из экипажа... и встает в самую глубокую лужу на въездной площади, утонув в ней по щиколотку. Следом за ним в ту же лужу окунулись остальные. Как нежные девицы, придерживая плащи, они на цыпочках скакали до главной лестницы. Дождь огибал

ведьмачьи фигуры, не затрагивая, но лужи-то под ногами заколдовать было невозможно.

– Учитель! – без стука ворвался в кабинет паникующий Тэмри.

– Выйди и постучись, – не оборачиваясь, приказала я.

Он засопел, громко постучал по двери кулаком и объявил:

– Учитель, можно войти? Торстены снова приехали.

– Вижу, – согласилась я, следя за тем, как на мокрых ступенях их встречает лакей, и бросила: – Пусть проводят гостей сюда.

– А как же тронный зал? – растерялся школяр.

– Чтобы светлая чародейка встречала ведьмаков со всеми почестями? – хмыкнула я. – Моего уважения они еще не заслужили.

Торстены входили в кабинет друг за другом, оставляя на каменном полу следы от мокрых сапог.

– Госпожа Варлок, как удивительно! Какой у вас свежий воздух и совсем не пахнет гарью! – вместо приветствия проговорил Айрик.

– Сами надыхаться не можем, – согласилась я.

– Нам сказали, что верховного нет в замке, но ты с нами непременно встретишься.

Улыбка верховного была насквозь фальшивой, глаза поблескивали от радости.

– Присаживайтесь, господа темные, – предложила я, нарочно пропустив ритуальное «добро пожаловать». – Вы бы письма изредка писали, мы бы вас ждали.

– Мы проездом и ненадолго, – пропыхтел Айрик, плюхаясь в единственное свободное кресло, отчего кожаная обивка неприятно заскрипела.

– Даже мужа не дождетесь? – делано удивилась я, проходя за стол и занимая место верховного.

Двоим спутникам Айрика пришлось стоять, словно на приеме у королевской особы. Пресветлый Истван, мой отец, не к месту упомянутый, очень любил этот трюк. Усадить одного гостя из десятых, чтобы все себя чувствовали неловко.

– Обсудим кое-что и вернемся домой, – пояснил верховный и быстро облизал губы. – Фентон уверял, что и с тобой поговорить, в случае чего, можно.

– Говорите, – согласилась я, прекрасно понимая, что последует за этими словами.

– Да хотели узнать, как тут наш Кейран, – начал он издалека.

– Наш Кейран, – многозначительно поправила я, – полностью восстановился. Снова летает, клыки нарастил. Как вам Зара?

– Да ваша зараза! – рыкнул Айрик, вкладывая в последнее слово столько невысказанного, что даже больно за бывший дружественный клан сделалось. Так глубоко внутри, что сразу не доскребешься.

– Ваша зараза, – заметила я.

Айрик даже тихо хрюкнул, сощурился и справился:

– Норов у нашей Зары как у демона! Как будто вызвали в магическом круге, а загнать обратно забыли...

Десять минут кряду, входя в раж, он жаловался, как за три жалкие седмицы зараза превратила их жизнь в натуральное чистилище. Четыре пожара, два налета на соседний город. Гоняла гнедого жеребца короля, когда его величество решил навеститься в замок с визитом. Обуглила башню, содрала со шпиля флаг. Три раза терялась, а когда возвращалась, пожелав услышать зов Айрика, обязательно приходили люди и требовали компенсацию.

– Да у нас уже не темный ковен, а светлый клан! Пресветлым Истванам фору дадим, демоны всех раздели! – едва не вопил Торстен. – Ни одного нового темного прислужника. Люди боятся идти в услужение, говорят, что их дракон сожрет. У вас было так же? Она кого-то слушалась?

– Верховного Варлока, – спокойно ответила я. – Он ее вынянчил из яйца.

– Забери ее обратно, – очень тихо и проникновенно попросил Айрик.

– Заберу. Отчего ж не забрать? – согласилась я.

– А нам верни Кейрана, – добавил он.

– Верни? – уточнила я, намекнув на магическую клятву.

– Обменяемся! – вдохновенно поправился он. – Поменяться-то по доброй воле можем.

– Три тысячи золотых.

Я не удержалась и все-таки ухмыльнулась. Чуть-чуть, только уголком рта. Возникла долгая пауза. Подозреваю, что до Торстенов наконец медленно доходило, что фея, сидящая за столом, вообще-то недобрая. Да и вовсе не фея.

– Ты хочешь за нашего дракона три тысячи? – Айрик натуральным образом поменялся в лице.

– За нашего Кейрана я хочу еще две сверху, – медленно, чтобы иностранцы поняли все, до последнего слова, разъяснила я. – Итого пять тысяч. Золотыми монетами.

– Да ты в своем уме, светлая? – рявкнул верховный.

– Хотите дешевле, господа темные, оставляйте Зару себе, а нас Кейран устраивает, – развела я руками.

У верховного Торстена вспыхнули алым пламенем глаза. Казалось, как взбешенный дракон, он выпустит из ноздрей дым, а заодно из ушей. Из приоткрытого рта, скорее всего, выплюнет пламя.

– Вы же, господа, не собираетесь устроить в моем замке магическую потасовку? – вкрадчиво уточнила я, постукивая светящимися пальцами по крышке стола, и от каждого касания по столешнице рассыпались голубоватые искры. – Я, знаете ли, дала зарок жить по закону о пиетете между чародеями, но готова передумать. Мне не в первый раз крушить замковые башни, а мы все равно собирались одну снести.

Возникла странная пауза.

– Старшая дочь пресветлого Иствана? – вдруг произнес Айрик. – Агата Истван?

– В девичестве, – согласилась я. – Похоже, ты обо мне, верховный ведьмак, что-то слышал.

Судя по тому, что магической драки не случилось, а Торстены уезжали злые, но тихие, слышали все. И много.

Рано утром следующего дня, когда ветер носил по небу клоки облаков и тревожил рябь на огромных лужах, воздух за воротами замка содрогнулся. В разные стороны брызнули клоки тьмы, и из открытого портала выкатилась повозка с драконьей клеткой. Насупленная и недовольная Зара щурила желтые глаза и, кажется, была готова сожрать Варлоков всем ковенном за то, что отдали ее чужим чародеям.

Пока драконов меняли местами, молчаливый ведьмак выгрузил прямо на брусчатку окованный железом и запечатанный магией сундук.

– Это что? – требовательно спросил Фентон, вернувшийся в башню Варлок всего пару часов назад, а потому раздраженный и усталый.

– Пять тысяч монет, – буркнул посланец от Торстенов. – И еще триста сверху. Верховный просил, чтобы вы больше никогда не смели с ним связываться.

– Какие монеты? – недоуменно нахмурился муж.

– Золотом, – коротко пояснили ему. – Госпожа светлая чародейка сказала, что забесплатно демона не заберет.

– Агата? – Фентон круто развернулся ко мне и упер руки в бока. – О чем я еще не знаю?

Конец